

Протоиерей Дмитрий Смирнов

Проповеди

Книга 1

«Проповеди 1»: Сестричество во имя Преподобномученицы Великой княгини Елизаветы; Москва; 2001

Предисловие

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

Издание посвящается всем моим многочисленным родственникам, которые несколько веков послужили Матери нашей Русской Православной Церкви в священном сане и иноческом чине, а также всем истинным угодникам Божиим, которых посчастливилось повстречать за последние 30 лет.

С некоторого времени, когда я служил в Крестовоздвиженском храме села Алтуфьева, кое-кто из прихожан, чаще молодых, стал записывать произносимые там проповеди. Некоторые из них брали на это благословение, а другие и не знали, что так полагается в церкви.

Я этому не препятствовал, но всегда предупреждал, что запись должна вестись незаметно даже для меня (ибо это поначалу очень отвлекало), а тем более для "ока государева". Само «око» не очень вникало в содержание, да и не было там ничего против "генеральной линии", кроме самого евангелия, но сам факт ежедневной проповеди утром и вечером, а тем более записи мог вызвать подозрение и оргвыводы. А я не желал оставлять этот храм и старых прихожан, которые вряд ли двинулись бы за мной на другой приход.

Второе условие, которое я ставил перед "писателями", чтобы пленка была использована только в личных целях – "никому и никогда". И этому помимо главной вышеописанной причины имелся еще ряд оснований.

Во-первых, такая «реклама» могла привлечь слишком много народу, и это регулярное перемещение определенного контингента в большом количестве в одно место также не укрылось бы от "ока".

Во-вторых, проповедь, в отличие от книги и песни например, предназначается конкретным людям, именно в этот момент стоящим в храме, а если ее дать другому без редакции, она может произвести эффект, обратный желаемому.

В-третьих, я не считал и не считаю сейчас, что эти проповеди содержат некий новый или богословски свежий и важный материал, который необходимо довести до сведения большого количества православных. И поэтому опасался вреда для собственной души, который всегда возникает, когда известность превышает масштаб самой личности.

В-четвертых, я никогда не был богословом и несмотря на то, что хорошо сдал экзамены за духовную академию, вполне мог допустить какое-либо неточное выражение, которое малая аудитория не заметит, так как в проповеди часто возникает полемический мотив или уж слишком «образное» выражение, но при многократном прослушивании оно может покорибить или оттолкнуть незнакомых с жанром людей. Одной болящей женщине, которую я причащал на дому шесть лет, передали кассету с проповедью "дорогого батюшки", где шла речь об отношении христианина к болезни. Прихожанка, "как опытный пастырь" давшая болящей духовное "лекарство", вызвала у той шок и создала для нее реальную угрозу потери веры вообще, что потом другой священник в течение чуть не целого года пытался утешить. Если в медицине доза лекарства меняется в зависимости от тяжести заболевания и состояния больного, то в духовной жизни нельзя преподносить лежащему то, что дают ходящему.

И наконец, Крестовоздвиженский храм (теперь уже приобретший совсем другой вид), как всякий первый храм, для молодого священника был необычайно дорог. Он стал мне родным с первого же дня еще потому, что меня и рукополагали в воздвиженском храме, который имеет название Ильи Пророка в Черкизове (по приделу), и крестили в Ильинском, что в Обыденском. Эта любовь иногда доходила до таких глупостей, что я мысленно как-то раз выбрал там себе место для будущей могилы (знаете ли? эдакий самовлюбленный романтизм). К тому же позднее, через несколько лет, я узнал от младшей сестры своего покойного деда, что в нем был настоятелем ее дед, то есть мой (аж!) прапрадед священник Павел Смирнов, который здесь же и был похоронен.

Но немаловажным фактором явился и чисто душевный момент. Еще в семинарии, когда ребята спрашивали, где бы я хотел служить, в городе или деревне, приходилось отвечать, что везде есть свои преимущества и недостатки. Алтуфьевский же храм в этом смысле (в то время, когда не было вокруг этих страшных "человекоубийств") был идеалом в моем понимании. Десять шагов – и ты за чертой Москвы, а транспорта, ведущего в Москву, сколько угодно, то есть любой желающий москвич может добраться без всяких электричек, хотя и этот вариант возможен. Удаленность от жилой застройки достаточно велика; лес, большой пруд, где, бывало, и утки плавали; на территории храма деревья, которые, наверное, видели и строителя храма дворянина Никиту Акинфиева, и моего прапрадеда. а деревья – мои любимые дубы. Тишина, покой, на службе слышно, как птицы поют, редких автомобилей почти не слышать, соловьи... дом-сторожка деревянный, с крыльцом, цветы, лавочка между двумя, кажется, липами, святой источник преподобного Макария Желтоводского рядом.

Служили по неделям: неделю настоятель о. Михаил, неделю я, праздники вместе. За 10 лет мы повздорились всего два раза. В первый помирились через полчаса, во второй – на следующий день. Все хозяйственные заботы на настоятеле, а позже на старосте. Так что было о чем жалеть, если какое-либо головоуныение привело бы к потере этого рая на земле. А мне как начинающему священнику требовалась пока еще «тепличная» атмосфера.

Много написал, да все пока не о том, что хотел, но вспоминать приятно, так как то, на что роптал когда-то, теперь забылось. хотя умом всегда понимал: живешь в раю – цени каждый глоток воздуха. То же самое говорили и друзья-священники, уже хлебнувшие горя. Я никогда

не забывал о возможном переводе, тем более, что мои сверстники переводились из храма в храм довольно регулярно.

Спасибо всем, кто проявил послушание и этим самым дал возможность первую половину моего служения провести в Алтуфьево. Но после того, как режим в стране начал меняться и в день иконы Божией Матери "Утоли моя печали" я узнал о том, что мне поручается для восстановления храм Святителя Митрофана Воронежского – великого святого, который принял перед смертью схиму с именем в честь Макария Желтоводского и был ранее настоятелем Макарьевского монастыря, – я очень легко, что даже удивило меня самого, перенес это сообщение, позже подтвержденное указом Святейшего Пимена. Недаром вся наша семья десять лет пила воду только из Макарьева источника. Особенно меня обрадовало, что между двумя храмами ходит прямой автобус, а вскоре и метро пустили "Алтуфьево – Дмитровская". Так что не пришлось расставаться с теми, с кем сросся за десять лет – как сказано в чине святого крещения, "сраслен".

А через год маленький Митрофаньевский храм не мог вместить всех желающих, так как был построен для приюта, где воспитывалось 80 сирот, поэтому наш староста Василий Сергеевич Кривоцерцев подал идею о том, чтобы хлопотать и о Благовещенском храме, стоящем в километре. Таким образом, через некоторое время у нашего прихода образовалось два храма, число записывающих проповеди резко возросло и как-то регулировать этот стихийный процесс становилось все труднее. Когда же лет пять назад ко мне стали приезжать из разных мест с просьбой дать какие-нибудь кассеты, я понял, что сопротивление теряет всякий смысл, и с этого времени снял все ограничения с распространения аудиозаписей.

Но несовершенство устной проповеди всегда меня беспокоило, и, когда наше приходское издательство предложило проповеди отредактировать и опубликовать, я, подумав несколько лет (тоже около пяти), спросив благословения у духовника, решился на первый опыт, который перед вами. Буду очень рад, если кое-что из сказанного, а теперь записанного и изданного кому-нибудь пригодится. Читать можно с любого конца, хотя мы начали придерживаться приблизительной хронологии. А для тех, кому дорог Алтуфьевский период нашего общения, решили оживить книжку старыми, но дорогими для нас фотографиями.

Еще до того, как вы начали читать, прошу прощения за дерзость самого факта издания. У тех, кто изображен на фото, – за то, что пришлось это сделать без их разрешения; у прозаиков – за стиль; у проповедников – за земляной тон; у богословов – за возможные невольные ошибки, которые иногда возникают в гиперболах. И также у всех тех, кто подумает, что это говорится о нем (часто после проповеди люди подходят с обидой, а это не так – я говорил о себе, а вовсе не о них). Если возможно, простите мои явные немощи.

А всех, кому книжка понравится, попрошу помолиться за тружеников издательского отдела нашего Сестричества в честь Великой Княгини Преподобномученицы Елизаветы Феодоровны. Они, несмотря на стесненные условия, совершают свое послушание и нуждаются в молитвенной помощи. Если бы не их многолетняя настойчивость, эта книжка бы не состоялась. А будет ли другая, третья и т. д., зависит от того, кого окажется больше, довольных ею или нет, что покажут время и ваши любые критика и пожелания, которые мы, конечно, не все сможем "претворять в жизнь", но ко всем будем со вниманием прислушиваться. Писать по адресу: 103 287 Москва 287 а/я 40.

Нед. Протоиерей Димитрий Смирнов

День избрания на Патриарший Престол

Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского,

исповедника и мученика,

5/18 ноября 2000 г., 0 ч. 21 м.

Воскресное всенощное бдение

"Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав

это, показал им руки и ноги".

Каждому человеку, который вступает на путь благочестия, приходится испытывать такие смущения. Господь приходит к нам для того, чтобы дать мир нашей душе – истинный мир, мир, который от благодати Духа Святого. Но часто в наши головы входят помыслы сомнения: а тот ли это Бог? тот ли это Христос? на правильном ли мы пути? И любящий Господь дал духовное лекарство Своим ученикам – Он показал им язвы Свой и сказал: "Осяжите Меня". Эти слова Спасителя обращены и к нам. Когда у нас возникают помыслы сомнения, надо нам вспоминать Крест Христов, Его распятие, Его раны – и тогда дьявол отбежит, а мы сами устыдимся тех помыслов, которые смущали души наши. Но не всегда помысел сразу отступает, даже когда мы вспоминаем о том, что Господь претерпел за нас.

И дальше сказано: "Когда же они от радости еще не верили и дивились (то есть не сразу поверили)... сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и в псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний". Обращение к слову Божию всегда отгоняет от нас сомнения. Если помыслы обуревают нашу душу, надо взять слово Божие, почитать Евангелие или Псалтирь, любое место Библии. И общение с благодатным Божиим словом отгонит искушение, потому что все Священное Писание пронизано Духом Христовым и свидетельствует о Христе.

Если же и Священное Писание нас не убедит, если сомнения настолько глубоки, что чтение Священного Писания не укрепляет нашу душу, тогда нужно вспомнить историю. Господь сказал, что должно "проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах". Окинув взглядом историю человечества, мы видим и покаяние, и прощение грехов. Мы видим принятие слова Божия народами и отказ от него. Истинный свет Христов был проповедан во всех народах. Далеко мы с вами живем от Иерусалима, но и нас он озарил. Слово Божие истинно и пребывает во веки; то, что давно сказано Богом, часто исполняется на наших глазах. Это слово не может быть ничем связано, никакими расстояниями, никакими границами, никакими предрассудками. Если человек захочет его принять, то нет для этого никаких преград.

Вспомним недавнюю историю нашего отечества. Многие из нас были и зрителями этих событий, и даже их участниками. После истязаний народа гражданской войной, голодом, колхозами, безбожными пятилетками, уничтожением храмов и духовенства можно было бы ожидать хоть какого-то просвета, но Господь попустил начало мировой войны. И эти страшные испытания у многих вызвали покаяние, обращение к Богу. Страх за свою участь заставил власти не только открыть в самый разгар войны тысячи храмов, но и вернуть из концлагерей чудом оставшихся в живых священнослужителей.

Неужели во время войны нет других забот, кроме открытия храмов? Оказывается, если в сердцах людей возникает желание обратиться к Богу, то Господь в силе тут же вознаградить это желание, часто совершенно чудесным образом. И ничто: ни война, ни землетрясение, никакое бедствие – не способно этому помешать. Так-то и нам нужно во время нападения сомнений, которые вполне сравнимы с другими житейскими бурями, искать поддержки во всем, что может укрепить нашу веру: и в воспоминании о подвиге Христа Спасителя, и в обращении к Священному Писанию и к истории человечества, в которой действует благой промысел Божий.

Но отчего же бывают помыслы, смущающие душу нашу? Почему мы не тверды в вере, почему у нас бывают сомнения? Древние отцы говорили, что любое смущение от диавола, и поэтому, употребляя любое подходящее духовное лекарство, мы должны подвизаться для победы над ним.

Святая Церковь за две тысячи лет собрала для нас такое духовное наследство, что только очень способные люди могут в течение своей жизни освоить сколько-нибудь значительную его часть. Но это не значит, что сокровище духовное мы должны зарывать в землю. Напротив, то, что нам доступно, мы постоянно должны использовать для прибавления собственного "духовного капитала".

Обратимся к книге одного духоносного мужа, который пишет так: "Твердая вера есть мать отречения от мира". То есть твердая вера в человеке может быть в том случае, если он ото всего мирского отречется. А мир – это страсти человеческие. Именно они привязывают нас к мирскому, это с их помощью дьявол властвует над людьми. Так вот отречение от этого и дает

твердую веру.

"Непоколебимая надежда есть дверь беспристрастия". Поистине, если мы хотим иметь на Бога твердую надежду, то должны ни к чему не иметь пристрастия: ни к пище, ни к одежде, ни к самому себе, ни к нашим домочадцам, ни к каким-то другим вещам, кроме Бога.

"Любовь к Богу есть причина удаления от мира". Когда человек Бога любит, он легко удаляется от всего мирского, а отсутствие этой любви в сердце человека порождает идолов. Бог есть любовь, человек же создан по образу Божию и поэтому не может жить не любя. И если он не возлюбит Истину – Христа, то начинает пристращаться к чему-то другому: к деньгам, пище. Он может услаждаться даже страшными вещами, грехами: завистью – и жить завистью, питаться ей; или жить гневом, ненавистью, местью. Человек может быть привязан к власти, к чему угодно. Любое пристрастие становится идолом в душе. Если же он воистину возлюбит Бога, тогда появляется причина удаления от мира страстей. Человека уже ничто не может привлечь: ни деньги, ни власть, ни какие-то другие греховные страсти – ничто. И тогда он возымеет и твердую веру и надежду на Бога.

"Повиновение рождается от зазрения самого себя и от желания душевного здоровья". Если мы хотим чему-то научиться, любому ремеслу, любой науке, любому искусству, чему угодно, то обязательно надо прийти к кому-то, кто этим ремеслом владеет, и отдать себя ему в повиновение. Только так мы сможем чего-то достичь, в противном случае у нас ничего не получится. Так же и в духовной науке. Без послушания Церкви невозможно достичь душевного здоровья.

"Начало всего – это есть воздержание. Воздержание есть мать здоровья, а мать воздержания есть помышление о смерти и твердое памятование желчи и оцета, которые вкусил наш Владыка и Бог". Вот как премудро сказано. Воздержание есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. Сейчас медицина тоже говорит, что человек часто нездоров, потому что он переедает. Вообще всякое излишество вредно – в вине, в еде, в теплой одежде даже. Если мы хотим научиться воздержанию, то должны постоянно памятовать о смерти. Например, осуждает кого-то человек и вдруг вспомнит о смерти и подумает: "Ведь умирать же буду и за каждое слово придется ответ держать перед Богом" – и остановится в осуждении. Обедается человек, а вспомнит о смерти: "Что же я обжирюсь, как свинья, ведь мне за это придется расплачиваться атеросклерозом, отложением солей или еще какой-нибудь болезнью, которая меня раньше времени в могилу сведет" – и остановится. То есть воздержание и память смертная полезны не только для души нашей, но и для нашего тела.

"Споспешник и начало целомудрия есть безмолвие. Угашение разжжения плотского есть пост, а враг скверных и нечистых помыслов есть сокрушение сердца". Что такое целомудрие? Это восстановление такого устроения, когда в уме нет постоянной битвы; это стремление человека восстановить в себе целостность, чтобы его не раздирали противоречия. Для достижения духовного целомудрия нужно научиться безмолвию. Многоглаголие вообще человека весьма рассеивает. Человек создан по образу и подобию Божию, а вторая ипостась Пресвятой Троицы – Бог-Слово, поэтому и человек, как носитель образа Божия, есть малый логос, он есть тварь словесная. И когда этим божественным даром – словом – человек пользуется без благоговения, тратит его бездумно, то тем самым он растрчивает свою душу, рассеивает ум. Слово – орудие нашей души, именно поэтому Господь сказал, что за каждое слово праздное будешь держать ответ, – именно в силу того, что слово, которое из наших уст исходит, может нас освящать, а может и осквернять. Слово рождается в глубине нашего сердца и обнажает то, что в нем есть. Если в свою меру мы научимся безмолвию, то победим рассеянность и восстановим цельность, утраченную с грехом.

"Вера и удаление от мира есть смерть сребролюбия. Милосердие же и любовь предают за ближнего и самое тело". Когда человек верует в Бога и удаляется от плотских страстей, то тем самым он умерщвляет в себе даже сребролюбие, он начинает понимать бессмысленность накопления денег и надежды на них, потому что полагает всю надежду на Бога. Если не с Богом человек, то его душе никакие деньги не помогут. Напротив, с Богом живя, даже не имея денег можно жить превосходно, и, наверное, каждый из нас знает тому немало примеров.

"Прилежная молитва есть погибель уныния, а память о последнем суде рождает усердие". Часто на молитве у нас усердие пропадает. Мы молимся горячо только тогда, когда нам плохо,

тяжело, когда мы больны или кто-нибудь из наших сродников находится в беде или умер. То есть наша молитва искренна, если какое-то событие нас пробрало до глубины души. И вот этот древний старец советует молитву в себе возгревать памятью о последнем суде. Если мы будем помнить, что каждому из нас предстоит суд Божий, то молитва наша будет усердной.

Если мы хотим исцелиться от раздражительности, он советует: "Желание бесчестия есть исцеление раздражительности". Когда человек почувствует, что нужно бороться с этим недугом, то ему будет необходимо это горькое лекарство. Ибо что такое желать бесчестия себе? Это значит хотеть, чтобы кто-то обидел, оскорбил, пренебрег, оттолкнул, плохо отнесся, незаслуженно в чем-то ущемил. И если мы будем стремиться к бесчестию, то очень скоро его получим – Господь поможет в этом – и таким образом раздражение в себе победим. Достаточно человеку научиться терпеть всякое оскорбление, пренебрежение к самому себе, как сразу раздражение уйдет, потому что оно следствие страсти гнева, а страсть гнева – родная сестра гордости, гордость же исцеляется как раз терпением поношений. Когда человек, особенно незаслуженно, терпит какое-то нападение и учится это переносить спокойно, то страсть раздражения побеждается им очень быстро.

"Беспристрастие к вещам чувственным возводит к видению мысленного". Что имеется в виду? Чтобы узреть Бога, нужно не иметь пристрастия к миру. Бог есть Дух, поэтому, чтобы Его созерцать, нужно отрешиться от всего материального. Наш ум не в состоянии охватить одновременно два объекта, которые, ко всему прочему, относятся к разным мирам. Представим себе, что мы к одному глазу поднесем некий маленький предмет, а другой не закроем и будем смотреть сразу двумя глазами, то есть одним мы будем видеть этот предмет, а вторым – то, что нас окружает. Глаза будут мешать друг другу, у нас не сложится правильной картины, все смешается. Поэтому если человеческая душа стремится к духовному, ей неизбежно нужно отворачиваться от мирского, плотского. И вот если мы будем отрешаться от мирского, то сможем видеть Бога мыслительной способностью нашей души.

"Молчание и безмолвие – враги тщеславия, но если ты находишься в общечитии, то переноси бесчестие". Тщеславие, как и раздражительность, тоже дочь гордости, и поэтому оно также изгоняется любовью к бесчестию и молчанием. Тщеславный человек всегда стремится говорить, стремится показать, что он что-то из себя представляет. Даже если он ничего не знает или знает какую-то малость, он обязательно в разговоре эту малость ввернет, чтобы произвести впечатление человека знающего. Поэтому если такой человек будет постоянно удерживать себя от высказывания собственного мнения, то тем самым страсть эта будет им побеждаться.

Об исцелении от наших страстей можно говорить бесконечно, об этом написано очень много книг духовными писателями, которые жили до нас. Пишутся, может быть, и сейчас подобные книги, то есть Церковь все время учит, каким образом нам достигать твердой несумнительной веры, потому что только истинная вера, истинная надежда и истинная любовь к Богу возводят нас от земли к Небу. Чтобы стяжать истинную веру и твердое упование на Бога, нужно не давать воли своим страстям, то есть очищать свой ум, чтобы разуместь Писание, чтобы видеть Бога; очищать свое сердце от пристрастия к миру, чтобы оно было пристрастно к одному только Богу.

И может быть, из этих слов древнего отца в голове каждого из нас что-нибудь останется. Потому что только тот, кто удалится от мира, достигнет истинного Бога. "Нельзя служить двум господам", – говорит Господь. Нельзя служить миру и Богу, нельзя усидеть на двух стульях. Поэтому нам нужно сделать окончательный выбор. Господь сказал: "Кто взялся за плуг и оборачивается назад, тот неблагонадежен для Царствия Божия".

На этом пути к Богу бывает очень много искушений в виде помыслов. Этот же святой отец пишет так: "Искушения бывают по трем причинам. Первая причина – от нерадения, вторая причина – от гордости, третья причина – от зависти диавола. На кого нападение по первой причине, тот окаян; у кого нападение по второй причине, тот окаян выше всякой меры; а на кого нападение по третьей причине, тот триблажен". Как это понять? Человек либо в гордости своей, в ослеплении отрицает Бога и живет сам по себе; либо верует в Бога, но не очень радит о своем спасении; либо стоит на молитве и старается всей своей жизнью Богу угождать.

И в первом, и во втором, и в третьем случае человек все равно испытывает нападения дьявола, только для последнего это бывает наградой. Никто не свободен от нападения дьявола,

ни отрицающие Бога, ни нерадивые, ни угождающие Ему, но чтобы быть триблаженными, лучше нам стремиться к угождению Богу. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 1984 год

Неделя о блудном сыне

Господь в притчах говорил самые сокровенные тайны духовной жизни и Царствия Небесного. Сегодня мы слышали притчу о блудном сыне. Святая Церковь избрала ее воскресным чтением, чтобы в нас вошло это слово Господне, потому что в воскресенье испокон века храмы наполнены большим количеством православных христиан.

У отца было два сына, и меньший из них однажды сказал: "Отче, дай мне следующую мне часть имения". Отец разделил имение, младший сын ушел на страну далече, жил блудно и все имение расточил, обнищал, ничего у него не осталось. "Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих".

И когда он так решил, "пришел в себя", как сказано, и пошел к отцу. Отец, завидя его издали, выбежал навстречу, приказал своим слугам дать ему первую одежду, возложил на руку его перстень – знак сыновнего достоинства, велел закласть тельца упитанного и устроил пир. Тогда старший брат посетовал на это: как же так, я всегда с тобою, а ты никогда даже козленка мне не дал для того, чтобы попить с друзьями. А отец ему на это сказал: ты всегда со мною, и все, что мое, то твое, а младший сын был мертв и ожил, и поэтому такое пиршество.

Эта притча – о покаянии, о том, как милостивый Господь ждет человека, ждет его покаяния, ждет, когда он придет в себя. Она о каждом из нас и о каждом человеке, живущем на земле. Отец Небесный дал нам огромное имение. Человек создан Богом очень богатым: у него есть слово, у него есть прекрасный разум, высокие чувства; он имеет такие колоссальные способности и такое могущество, что может даже всю землю перевернуть. Но по данной ему свободе воли человек – сын, а не раб, поэтому он, если того пожелает, может от Бога уйти, а если пожелает, может с Богом остаться.

В притче говорится о младшем сыне, который ушел от Бога. Сказано, что он ушел на страну далече и потратил свое имение, живя блудно. Действительно, когда человек уходит от Бога, он теряет очень многое: теряет ум – становится более глупым; теряет зрение – перестает видеть духовный мир; Бог, ангелы и вообще духовный мир для него перестают существовать. Почти как страус: голову в песок зарывает и считает, что его уже никто не видит. Или как маленький ребенок, который говорит: "Я вам сейчас сделаю темно", и зажимает глаза; он думает, что раз ему темно, то, значит, и всем темно. Так и человек, удаляясь от Бога, перестает быть зрячим. Он становится глухим – уже не слышит, как к нему Господь обращается, не слышит голоса своей совести и перестает различать добро и зло.

Человек нищает, приходит в убогое состояние, но память о том, что есть блаженная жизнь в Отцовском доме, у него сохраняется, хотя он часто и не понимает, чего он лишен, какого сокровища, потому что далеко-далеко ушел от Бога. Поэтому всегда в душе каждого человека, где бы он ни был, чем бы ни занимался, есть некий идеал; каждый стремится к счастью, к блаженству. И, живя без Бога, все-таки пытается так устроиться, чтобы быть дальше от скорбей – так как та жизнь, которой он живет, приносит ему большие страдания, потому что грех, в котором он пребывает, его не насыщает.

Когда человек удаляется от Бога, он поступает на службу к дьяволу. Это происходит часто невольно, но всегда. И в притче об этом сказано: когда он прожил все имение свое, "пошел, пристал к одному из жителей страны той (страна, которая так далека от Отца Небесного, – это мир страстей; там, где нет Бога, там царство дьявола, царство сатаны), а тот послал его на поля свои пасти свиней". Свиньи – знакомый из Евангелия образ. Когда Господь исцелил гадаринских бесноватых, бесы просили: позволь нам войти в свиней; и свиньи побежали, с

крутизны бросились в море и все утонули. Свинья здесь – символ. Символ людской грязи. Это животное, которое любит грязь, любит всякую нечистоту; оно не может видеть неба, его глаза всегда обращены вниз, к собственному корыту; оно может только есть, причем бесконечно утучнять свое тело. Со свиньей связано много слов, которые показывают, во что человек может превратиться. Мы говорим: ну посмотри на себя, ты как свинья. Свинство – свойство души, когда человеку ни до кого нет дела, только до самого себя, до собственной плоти и собственных похотей.

В этой притче образно, символически под свиньями понимаются страсти, которые человек приобрел взамен добродетелей, заложенных в нем Самим Богом. То есть вместо милосердия, смирения, молитвенности, воздержания, вместо благодати, веры, любви, послушания в нем растут гордость, тщеславие, зависть, блудность, осуждение, злоба, злопамятность, чревоугодие, объедение, сребролюбие, жадность, осуждение – множество свиней в его душе. Он их пасет, утучняет, развивает, старается прокормить, но голод его от этого не перестает. Таков закон духовной жизни: сколько ни пьешь – не напьешься; чем больше съел в понедельник, тем больше хочется во вторник; чем больше денег копишь, тем больше тебе надо. Страсти греховные, которые человек пасет в своем сердце, не насыщают его; невозможно насытиться грехом. Поэтому в притче сказано, что он мечтал насытиться, но ничего не получалось, он оставался голодным.

И тут произошло чудо: коснулась сердца этого блудного сына благодать Божия и он опомнился, пришел в себя (то есть раньше вышел из себя) и подумал: ну как же так, у моего отца даже наемники ни в чем не имеют нужды, а я так страшно мучаюсь. Ну не глупо ли это? И решил: пойду и скажу отцу: "Согрешил я на Небо и перед тобою и недостоин уже быть твоим сыном. Ты меня прими хотя бы в число наемников твоих. Пусть я лучше буду для тебя трудиться, как раб последний, но хоть от тебя питаться, чем на стране далече буду служить дьяволу и питать свои страсти, которые все равно не могу насытить". Как только он это решил и пошел, отец сам вышел навстречу и не только принял его в число наемников, но и восстановил в сыновнем достоинстве. Простил ему все, что он растратил, и заклал тельца упитанного и устроил пир. Телец упитанный и пир – это тоже знакомые нам из Евангелия образы. Под тельцом разумеется Евхаристия; это образ Христа, Который заклался за наши грехи, и от вкушения Его Тела мы получаем благодать Божию; а пир – это есть Божественная литургия, Тайная вечеря в Царствии Небесном, которую мы совершаем.

Эта притча про нас с вами. Живя по своим страстям, Бог ведь чем занимаясь, мы уходим от Бога на страну далече, постоянно изменяем Ему, но каждый раз, когда мы приносим Ему покаяние, Он готов нас простить, готов нас обнять, дает нам восстановление в нашем сыновнем достоинстве, потому что все мы изначально являемся сынами Божиими, это сыновство подается нам крещением, – и мы вновь и вновь можем участвовать в пире Сына Божия, Пресвятой Троицы, причащаться Святых Христовых Тайн. Вот такую благодать дает нам Господь.

Какое поучение мы можем извлечь из этой притчи? Во-первых, что Господь всегда знает все наши прегрешения. Он дает нам полную свободу, потому что Ему не нужны бессмысленные рабы. Господу нужна любовь, а любовь может быть только свободной. И поэтому каждый из нас свободен грешить или не грешить. Но если, греша, человек все-таки придет в себя и поймет, что он грехом не насытится, а только больше и больше будет от этого страдать; и наконец поставит предел греху и решит немножко потрудиться над своей душой – как наемник, как раб, как чернорабочий поработать для Царствия Божия, для того, чтобы ему вернуться к Отцу; и если он обратится к Богу с покаянными словами: "Господи, Ты меня прости", – Господь имеет такое великодушие, такое снисхождение к нам, что Сам выбегает к нам навстречу, Сам приходит к нам; нужно только обратиться к Нему – и Господь близко. Но этот первый шаг должны сделать мы.

Почему так происходит? Почему Господь не к каждому подходит, не берет его за шиворот, не вынимает из грязи и не ставит на то место, которое ему предназначено? Дело в том, что пока человек сам не придет в чувство, не придет в себя, от него бесполезно ожидать любви. Господь ждет смирения и покаяния, потому что покаяние – это акт свободной воли человека, это его суд над самим собой: "Господи, я согрешил против Неба и пред Тобою". Надо осознать это, без этого осознания изменения не произойдет. И Господь готов вновь и вновь нас

омывать, очищать и возводить на ту высоту, с которой мы каждый раз ниспадаем после того, как соединяемся с Ним. Мы соединяемся с Богом в Святой Евхаристии, но, выходя из храма, вновь уходим на страну далече – уходим в свои помыслы, в свою суету, в свои страсти; начинаем опять служить им, как будто и нет никакого Евангелия, никакого Царствия Божия, как будто и нет никакого Бога. Нам даже не стыдно, мы даже себя оправдываем: а что, дескать, я могу сделать?

Почему Господь в Своей притче из бесчисленного множества страстей избрал блуд? Потому что это самая заметная страсть. Если человек тщеславен, жаден, он может этого за собой не замечать, но блудность не может пройти для него незаметно, потому что она забирает все его естество. В патерике описан такой случай: одному нечисто живущему человеку явился бес, который стоял и зажимал когтями свои ноздри. Человек спрашивает: "Что с тобой?" А бес говорит: "Ты так блуден и от тебя так смердит, что даже я не могу выдерживать этого зловония". Этот грех оттого так омерзителен, что он низводит человеческое достоинство царского священства на уровень самый последний, скотский, свинский. Когда человек отдается этой страсти, он ниспровергает себя с Неба в самую мерзкую, низкую грязь. Именно блуд называется падением, потому что, как говорится, дальше ехать некуда. Ниже только демонизм, преисподняя, уподобление бесам.

Почему еще Господь остановился именно на этой страсти? Потому что блуд всегда бывает следствием гордости. Каким образом это связано? Дело в том, что если бы Господь дал возможность дьяволу полностью нами властвовать, то бесы разодрали бы нас на части. Но, по милости Божией, Господь попускает в нас действие дьявольской силы настолько, насколько мы можем выдержать, противостоя ей. И когда человек пребывает в гордыне (а она ослепляет), не может видеть в себе гордости – тогда Господь, чтобы его смирить, попускает блудному бесу напасть на него. И, видя и терпя эту пагубную, всегда заметную для него и всегда мучающую его страсть, человек может определить, что он горд.

Бесу блуда попущено в нем действовать именно для того, чтобы смирить гордыню, потому что эта страсть настолько омерзительна, что каждый старается ее таить, скрыть, стыдится ее, не выпячивает. Этот внутренний крест и страдание продолжают у человека до тех пор, пока он не смирится. И эта страсть настолько бывает мучительна, становится столь страшной казнью, что тот, который смиренно ее терпит не сдаваясь и претерпит до конца, приравнивается к святым мученикам: "претерпевый до конца, той спасен будет". А для чего Богу нужно так человека смирить? Для того, чтобы в него могла войти благодать Божия, потому что Бог только смиренным дает благодать, а гордым Он противится. Поэтому Господь, чтобы спасти человека, попускает в нем действовать этому бесу, чтобы им был выгнан бес более страшный.

В духовной жизни все очень связано, и многие подвижники благочестия, наблюдая за действием страстей в себе и себе подобных, разработали славное учение, которое называется аскетикой, – учение о борьбе со страстями. Оказывается, какую бы свинью мы ни пасли в своем сердце, какая бы страсть в нас ни жила, она победима. Каждый может преодолеть любую страсть, но, конечно, только с помощью Божией, потому что это духовная борьба и победить в ней можно только Духом – Духом благодати Божией, Духом Святым, Который есть третья Ипостась Пресвятой Троицы. Только Он приходит, очищает и потом поселяется в нашем сердце. А привлечь Его можно лишь осознанием своего греха, признанием перед Богом своих заблуждений, признанием перед Ним своей нечистой жизни, покаянием и обращением.

Страсть можно победить только тогда, когда ты ее осознал, когда ты ее видишь, когда ты понял, что это твоя беда. А у нас часто бывает наоборот. Почему страсти в нас растут и множатся? Потому что мы постоянно их лелеем. Как побороть страсть – например, гнев? Это тоже грех смертный, как и блуд; он так же погубляет душу, потому что человек под действием этой страсти превращается в демона. Посмотрите на гневливого – и вы увидите беса. Человек в гневе способен даже убить, потом опомнится и скажет: как это я мог так сделать? Да очень просто, в тебя бес на это время вселился, вот ты и убил.

Что делать, если кто-то увидел или почувствовал, что в нем существует страсть гнева? Один дает ему волю, срывает зло, пытается отомстить тому, кто его прогневал, раздражается, кричит, набрасывается то на одного, то на другого, всем недоволен. А другой, наоборот,

старается гнев для начала хотя бы удерживать в себе. И вот если мы будем гнев свой срыывать, то он в нас будет только расти, мы будем распускаться все больше, больше и больше. А если будем постоянно, день ото дня, год от года не давать ему воли, тогда мы увидим, что он постепенно, постепенно исчезает – до тех пор, пока не исчезнет совсем.

Как можно лечить гнев? Первое упражнение – не выплескивать его на других. Когда почувствуешь, что говоришь с раздражением, – замолчи и молись Богу, пока гнев не пройдет. Или надо заметить, например, что тебя больше всего раздражает. Если кажется, что невозможно терпеть, то для начала нужно постараться избегать рискованных для гнева ситуаций. А потом, когда заметил, что уже в силах понести, то, может быть, наоборот, полезно прийти и потерпеть, потому что надо терпеть и смиряться. А если, допустим, сорвался – то сделать десяток-другой поклонов с молитвой; если два раза сорвался – то три десятка. И так вот беспощадно в себе этот гнев истреблять, быть в постоянной борьбе! Если человек будет жаждать исцеления и начнет делать необходимое для этого, то постепенно гнев будет в нем убывать.

А то, пока все спокойно, и мы спокойны, но чуть нас заденут – опять гнев, опять скандал, драка, ругань, злоба, ненависть, мстительность и все возможные последствия. И так можно жить годами. В храм пришел: "Во всем грешен, батюшка". Причастился – и завтра опять сначала: кто-то заденет в автобусе или кто-то из родственников что-то скажет справедливо или несправедливо – и мы уже кипим. Мы очень часто ищем справедливости и даем волю гневу. Но гнев – это всегда страсть, он не может быть справедлив; какая разница, по какому поводу ты проявляешь свою страсть, это совершенно неважно. У римлян была такая пословица: "Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ". Любой гневающийся всегда неправ, потому что гнев – это страсть неправая, греховная, бесовская.

Каждая страсть греховна, каждая направлена против любви, против Бога. Когда человек имеет какую-то страсть, он всегда ею враждует против любви к Богу и против любви к ближнему, нарушает этот союз. Поэтому, пока мы эти страсти в себе культивируем, посещение благодати Божией для нас невозможно, невозможна встреча со Христом, соединение с Царством Небесным. А у каждого из нас какое-то понятие о Царствии Небесном все же есть. Иногда – может быть, в прошлом году, может, когда-то раньше – нас все-таки касалась благодать Божия; хоть отблеском, но мы обязательно познали ее, иначе мы бы здесь не были, потому что вера всегда зиждется на духовном опыте. Но вместо того, чтобы это развивать, стараться все больше и больше приблизиться к Царствию Божьему, мы, наоборот, лелеем свои страсти.

Мы живем как мирские люди, как люди, которые никогда не вкушали благодать Божию. Они хранят свой покой – и мы храним свой покой; они ищут себе пользы – и мы; они боятся боли – и мы; они хотят подольше пожить – и мы смерти боимся. И так во всем. Спрашивается: а какая тогда между нами разница? Разница очень большая: когда все умрем, то мы будем гораздо ниже тех в преисподней, потому что с них никакого спроса нет – они Евангелие не читали, в церковь не ходили, ничего не понимают. Нас будут судить по совершенно другому закону, потому что тот, кто знал и не сотворил, биен будет больше, чем тот, кто не сотворил по незнанию.

Но бывает так: вроде я серьезно, со всей ответственностью прошу у Бога: "Господи, исцели меня от этой страсти" – а она не исцеляется. Я как был жадным, так и остаюсь жадным, как любил денежки, так и продолжаю их любить. Почему во мне не происходит исцеление? Это может быть по двум причинам.

Первая: если моя молитва не совсем искренна. Как можно исцелить от жадности человека? Устроить ему в доме пожар, чтобы сгорело все: и мебель, и вещи, и сберегательная книжка, и даже столовое серебро расплавилось? Ну и что, может ли человек это выдержать? Господь видит: не может; он будет жалеть, будет слезы проливать, впадет в отчаяние; он может даже с горя удавиться. Поэтому Господь его жалеет и начинает его лечить понемножку, потихонечку. Он посылает к нему человека и говорит: попрошу-ка у него, может быть, его сердце раскроется. Раз послал – смотрит, раскрылось, дал пять рублей. Ну, говорит, пошлю к нему второй раз, денька через два. Тот пришел – а он уже не дает: ну как же, я тебе позавчера давал, сейчас уже не могу. Вот и все. Значит, человек вроде на словах хочет от жадности исцелиться, а на деле-то ну никак. Потому что когда он действительно хочет исцелиться, то

легко с именем расстается, а даже если не легко, то понуждает, заставляет себя, как бы скрепя сердце, прямо с мясом, так – раз, и все. Ну действительно, не умру же я, в конце концов, хотя дьявол мысль вкладывает: ты умрешь, ты больше не можешь. Как часто, бывает, слышим: "Я не могу без нее жить"; но вот она умерла – схоронил и через полгода женился. Все спокойно, все в порядке; ну поплакал, ну погоревал, но не умер же. Хотя в данный момент кажется: сейчас прямо застрелюсь. А на самом деле – нет. То, что нам кажется, не всегда истинно.

А бывает, что и Сам Господь не спешит давать человеку освободиться от какой-то страсти. Вот освободи его, допустим, от блудной страсти – но в нем разовьется такая бесовская гордость, что спасти его будет просто невозможно. Возьмем какой-нибудь исторический персонаж, например Будду. Он преодолел страсти настолько, что им совершенно ничто не владело, кроме одного – он говорил: не ищите себе учителей, не вызывайте к Богу, Он не слышит вас; смотрите на меня – я выше всех богов. Вот тебе и раз! То есть бес гордости настолько силен и может настолько овладеть человеком, что заставит его выгнать всех остальных бесов, и человек будет думать, что он совершенно бесстрастен, как небожитель, а на самом деле им будет владеть самая главная, самая пагубная, самая страшная, самая чудовищная страсть, в которой и есть, собственно, начало и конец отвержения Бога, потому что гордость – это мать всех пороков.

Поэтому иногда мучает нас какая-то страсть, мы ее уже определили и просим у Бога: "Господи, Ты нас избавь" – а ничего не получается. Господь не изгоняет сразу этого беса, потому что другой, более сильный, тут же вылезет на его место. Богу возможно взять и очистить человека. Вот был, допустим, гневливый, а Господь может в один миг сделать его совершенно безгневным. Но если в то место в душе, где этот бес сидел, не волеется благодать Божия, тогда бес, походя по безводным местам, найдет еще семь злейших себя, и они туда войдут, и будет последнее горше первого, что мы опять узнаем из Священного Писания. Именно поэтому Господь часто не попускает нам моментального исцеления: мы к этому просто не готовы и не можем этого удержать.

Господь каждого может сделать чудотворцем, но кто из нас, не впадая в тщеславие, способен творить чудеса? Никто. Поэтому Господь и не дает нам никаких духовных дарований, которые были прежде. Так и святые отцы много сотен лет назад говорили, что в последние времена полностью отнимутся всякие дарования от Церкви, не останется ни чудес, ни знамений. Будут жить в Церкви величайшие святые, но они не будут творить чудес, потому что человек не сможет этого выдержать. Если святые древности, творя чудеса, видели в этом проявление не какой-то своей силы, а именно силы Божией и имели такое смирение, что, несмотря на величайшие дарования, считали себя первыми грешниками, то для нас это невозможно. У нас обязательно будет тщеславие, мы обязательно будем думать, что мы преуспели, что у нас какое-то "самосовершенствование" и прочие глупости. И поэтому, попустив в себя войти бесу гордости, сразу все растеряем и шлепнемся опять в грязь, опять в свинскую жизнь. И все начнется сначала, потому что нет хуже греха, чем гордость, и все остальные грехи менее Богу противны, чем она. Поэтому нам нужна длительная борьба, длительное очищение, длительная работа над собой с помощью Божией, чтобы благодать Божия поселилась в нашем сердце.

Сегодняшняя притча учит тому, чтобы мы постоянно обращались к Богу и знали, что Господь Сам хочет нас исцелить, Сам хочет нам помочь. Но для этого у нас должна быть ненависть к той свинской жизни, в которой мы живем; нам необходимо возненавидеть грех, который лишает нас возможности быть в Царствии Небесном. У нас не хватает решимости порвать с грехом сразу, потому что мы к нему приросли. Этот процесс происходит постепенно, но в ту меру, в которую он может, каждый должен подвизаться против страстей, бороться, совершать подвиг. Главное, чтобы было движение.

Мы должны знать, что, будем ли мы в Царствии Небесном вечерять с Господом или не будем, зависит только от нас, от нашего обращения. Это обращение наше к Богу должно быть постоянно, покаяние должно стать сутью нашей жизни, потому что мы согрешаем непрестанно. И надо всегда помнить, что на Небесах бывает радость об одном грешнике кающемся больше, чем о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. Когда мы каемся, когда мы сознаем свой грех, вступаем с ним хоть в маленькую, но борьбу, Господь радуется.

Многие «боятся» каяться, стесняются исповедоваться. Это опять по гордости. На самом деле большей радости Богу мы доставить не можем. Это как для отца с матерью, когда сын не слушался, не слушался – а потом вдруг опомнился и сказал: "Ой, мама, прости, я больше так не буду". И она уже сразу все забыла, готова простить, и обнять, и поцеловать, потому что человек кается. Не формально, как вызубренный, но непонятный урок: "Прости, больше не буду" – это не покаяние. А именно когда человек осознал и решил исправиться. Вот тогда и начинается эта радость, радость общения с Богом, потому что грех – это то, что нам мешает с Богом соединиться. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 2 марта 1986 года

Неделя о слепом

Завтрашнее воскресенье называется неделей о слепом по евангельскому чтению об исцелении слепорожденного. В кондаке службы, которую мы сейчас пели, есть такие слова: "Душевными очами ослеплен, к Тебе, Христе, прихожу, как слепой от рождения, покаянием зову Тебе: Ты сущим во тьме Свет пресветлый". Празднованию этого события евангельской истории отведено целое воскресенье, поскольку оно имеет огромное духовное значение. В связи с этим нам будет очень удобно поговорить о том, что такое духовная слепота, откуда она взялась. И что это за очи, которые имеет наша душа, почему они ничего не видят и что должны видеть.

В эксапостиларии говорится: "Умные мои очи, ослепленные, Господи, от мрачного греха, Ты просвети, вложи, Щедрый, смирение и покаяния омой слезами". Умные очи – понятие духовное. Наша душа отличается от души животного тем, что имеет бессмертие; и отпечаток этого бессмертия – ее разум. Душа разумна, поэтому чувства ее тоже разумны – у нее умные очи, умные уши. Но от греха они помрачаются, поэтому, когда мы рождаемся – а рождаемся мы уже во грехе, от грешных родителей, – наша душа не может видеть, она слепа от рождения. "Душевными очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду".

Христос воплотился 1986 лет тому назад с одной-единственной целью – чтобы дать человеку возможность прозреть. Хотя видение духовное иное, чем телесное, в обоих случаях употребляется слово "видеть", потому что в душе и в теле много подобия. Телесное зрение бывает разным: один видит очень далеко, а другой не может без очков читать. Один замечает, что снег на солнце не белый, а оранжевый и тени на снегу голубые, а другой нет, потому что для этого нужно зрение очень развитое. Так же и зрение духовное.

Духовное зрение есть в%идение Бога. Если душа не видит Бога, значит, она слепа – как слепой от рождения. Представим себе, родился младенец слепенький и вырос до 15 лет. Попробуй ему объясни, чем отличается красный цвет от зеленого, желтый от голубого, белый от черного. И душа человека, не имеющая духовного зрения, не может узреть Бога и не способна ничего понять в духовной жизни или может различать Бога смутно. Бывает такое зрение, минус 10 или минус 15, когда человек все видит как "в молоке", в тумане – и большинство людей на вопрос: "Веруешь ли ты в Бога?", говорят: "Да, что-то есть". В%идение Бога может быть как бы издали и более или менее приближенное к Нему, а можно Бога узреть близко-близко. Но для этого надо «промыть» очи души.

Душа наша потеряла способность видеть Бога потому, что она грешна, поэтому очи души возможно только "покаяния омыть слезами". С чего начинается духовное видение? Один, например, говорит: я вижу будущее; другой: я вижу прошлое; третий видит некую "ауру"; четвертый ангелов; пятый сны пророческие. Есть ли это духовное зрение? Нет, ни в коем случае. Духовное зрение – это видение истины. А истина состоит в том – и это надо глубоко понять и усвоить, – что мы люди грешные, падшие, отверженные от Бога. И вот духовное, истинное видение начинается с того, что человеку открываются его грехи. Человек, духовно еще почти слепой, различает в себе только грехи величиною с гору: убил, прелюбодействовал, украл, оскорбил кого-то страшно. Если он покается, то есть осознает ужас содеянного: "Что же я сотворил? какой же кошмар! какая мерзость!" – и свой грех оплачет, будет взывать к Богу о прощении: "Господи, прости", – тогда эти греховные глыбы рассыплются. Останется лишь память о них, как рубцы на совести.

Как только эти горы рухнут, человек откроет в себе два-три десятка других грехов, которых он раньше не замечал. В храм ходил, Писание читал, а их не замечал, не чувствовал ту пропасть, которая отделяет его от Бога. Он увидит в себе зависть, гордость, гнев, любовь к деньгам, любовь к собственной плоти, ко всяким иногда очень нехорошим вещам, – увидит эти камни, большие булыжники грехов. Человек начнет оплакивать эти грехи – и станет понимать, в чем именно проявляется каждый грех. Например, гордость проявляется и в превозношении над другими, и в осуждении, и в тщеславии, и в желании почестей всяких, и так далее. То есть эти крупные камни начнут дробиться на множество мелких грехов. И вот, когда человек ужаснется своей мерзости и станет ее оплакивать, тогда он увидит свои грехи как песок морской. С этого момента он должен знать, что положил начало покаянию и начало своему спасению. Только увидев миллионы и миллиарды грехов, которые сидят в душе и проявляются вовне или не проявляются, человек может говорить о настоящем духовном в%идении.

Увидев свои грехи как песок морской, человек приходит в смятение, он начинает понимать, что никто, никакая человеческая и нечеловеческая сила, не может его освободить от этого моря грехов и сам он очиститься не может. Куда ни кинь взгляд – везде грех. Все: каждая клетка существа, каждая пядь души – пропитаны грехом. Вот тогда он приходит с просьбой ко Христу: "Господи, если хочешь, можешь меня очистить. И начинает к Богу взывать день и ночь, жажда чистоты. И это море песка постепенно Богом начинает смываться с его души, и образ Христа проявляется и светлеет в ней до тех пор, пока не заполнит ее всю. Как апостол Павел однажды сказал: "Уже не живу я, но живет во мне Христос".

Когда человек полностью очистится от греха, в его чистую душу входит Христос – и тогда у него будут Христовы мысли, Христовы чувства, Христовы дела, у него будет Христово познание Отца, Христова любовь ко всякой твари. Вот что значит очиститься, вот что значит приобрести духовное зрение. И любой человек, где бы он ни жил, умный или глупый, талантливый или бездарный, толстый или тонкий, мужчина или женщина, ребенок или старик, если пожелает, может увидеть Христа, соединиться с Ним и навеки остаться с Ним в Царствии Небесном. Но для этого нужно разорвать греховную пелену, которая его окутывает, связывает и мешает видеть. В Евангелии сказано: "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят".

С чего же нам нужно начать, если мы решим сегодня, что хотим узреть Бога? Начинать нужно всегда с молитвы, прямо к Самому Спасителю обратиться: "Господи, Ты пришел для того, чтобы меня очистить, чтобы дать мне духовное зрение. Чтобы спасти меня, вывести из той помойки, в которой я живу, к которой я прирос всей своей кожей, всем существом, потому что меня так и мама воспитала, и окружающие меня люди. И света я не видел, мой ум помрачен, я во мраке греха. А раз я во мраке, значит, я Тебя, Христе, не вижу, но я верую и знаю, что Ты есть, я верую и знаю, что Ты меня слышишь. Господи, очисти меня, дай мне возможность видеть свои грехи". Если мы помолимся так Богу, то увидим в себе грех, один ли, два или три – неважно. Когда мы обратимся к Богу, Господь нам сразу укажет – мы тут же почувствуем укол в свое сердце. В нашей памяти, в уме – потому что очи души умные – всплывет грех: вот, я согрешил этим.

Что делать дальше, когда, по милости Своей, Господь откроет нам наш грех? Дальше надо осознать мерзость этого греха, раскаяться в нем и вступить с ним в борьбу. Каждый день просить у Бога; утром, только проснувшись: "Господи, удержи меня сегодня от этого греха, к которому я привык, к которому я склонен по своей душе и который мне мешает видеть Тебя". И Господь поможет. А если случайно все-таки согрешим среди дня, но уже не сто раз, как вчера, а хотя бы девяносто пять, то это будет говорить о том, что сделано пять шагов вперед. Потом, когда этот грех почти изгладится из нашей души, Господь откроет другой наш грех, и еще, и еще. И так по ступеням мы будем идти вперед, к свету. Постепенно жизнь наша наполнится радостью, чистотой, правдой Христовой. Мы увидим свет; поймем, куда нам идти; получим возможность различать, где правда, где ложь; где добро, где истина; где красота, а где бесовская красивость; где правда, а где правдоподобие. Так, борясь с грехом, мы познаем этот истинный путь. И Господь возьмет нас за руку, потому что мы будем все время к Нему обращаться за помощью, и поведет.

К сожалению, многие люди ходят в храм не пять лет, не десять, не двадцать, а сорок или пятьдесят – и пребывают в полной слепоте духовной. Отчего, спрашивается? Человек подходит

к исповеди, человек прикладывается к иконам, причащается Святых Христовых Тайн. Почему он до сих пор слеп? А потому, что слепота исцеляется только слезами покаяния, только когда человек употребляет труд души для того, чтобы очиститься. Лишь борьба с грехом может дать нам возможность видеть истину. Поэтому постепенно, по мере движения нашего ко Христу, мы будем согрешать все меньше и меньше, до тех пор, пока не просветимся совсем. Вот это, собственно, и есть цель христианской жизни, это и есть стяжание благодати, это-то и есть спасение.

А то мы ищем спасения от болезней, от тяжелых обстоятельств жизни. Даже если у тебя что-то болит – ну не слишком волнуйся: умрешь, и перестанет болеть твоя нога или рука, потерпи чуть-чуть. Господь не ради того пришел в мир, чтобы дать слепому очи или исцелить ногу или руку. Конечно, Он добр и по нашей молитве может даровать и здоровье, и помощь какую-то телесную, но не для того Господь на Крест взошел, чтобы мы были здоровенькими, богатенькими, сытенькими, умненькими, красивенькими. Потому что какими бы мы умненькими и здоровенькими ни были, мы все равно умрем и тела наши черви съедят. Господь хочет дать нам Царство Небесное. А мы его не видим и не хотим видеть, думаем только о том, где бы нам жить, да что бы нам есть, да во что бы нам одеться, да как мы выглядим, да кто к нам как относится – всякая такая житейская суета.

Совсем не все из здесь стоящих достигнут Царства Небесного, многие будут в большом недоумении после того, как умрут. Потому что, когда они пойдут на суд и будут думать: "Слава Богу, сейчас Царство Небесное откроют", – двери перед ними затворятся и Господь скажет: "Отойдите, Я даже не знаю, кто вы есть. Потому что вы после крещения грехов себе только прибавили. Когда вас в младенчестве крестили, вы тогда еще были ангельские души, а сейчас посмотрите на себя. Я дал вам благодать, а вы во что себя превратили? И блуд, и чревоугодие, и сребролюбие, и пьянство, и детоубийство, и измены – и чего только в вас нет, какой только грязи, какого только поганства. И вы такие хотите в Царство Небесное? Нет, это невозможно".

Господь в притче говорит: "Как ты вошел сюда не в брачной одежде? Возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов". Человек скажет: "Господи, ну как же, я же Тебе молился". Да, ты молился, ты просил. Ты квартиру просил – тебе дали, ты здоровье просил – выздоровел, ты за дочь помолился – и свое получил. А Царство Небесное ты хотел? Царство Небесное тебе нужно было или нет? Нет, не нужно, значит, ты его и не получишь. Его получает только тот, для кого это есть цель и смысл жизни, кто всю жизнь посвятил только исканию этого Царства, кто все отдал, как купец за жемчужину, чтобы только его приобрести. И когда Господь увидит в сердце истинное желание Царства Небесного, когда увидит, что все сердце рвется туда, хочет увидеть Бога, а остальное вменяет ни во что, Он только тогда даст. Только таким образом можно Царство Небесное достичь.

Все люди, рожденные на земле, – грешные; и не надо думать, что в Царстве Небесном одни праведники. Нет, там все грешники, но грешники кающиеся, которые о своих грехах плакали, которые грехи свои ненавидели и всю жизнь свою положили на то, чтобы их исправить. Не в очередях они стояли, а стояли на молитве; не по кино ходили, а Евангелие читали, пытались свою голову просветить Истиной. И когда Господь видит, что хоть и не очень способный, и не очень широкого ума, и образование у него слабое, но вот хочет человек Царствия Небесного – Он ему дает, обязательно дает. А другой и то умеет, и это умеет, а жизнь свою и дарования тратит по ветру, на пустое.

Вот поэтому надо стараться нам приобретать это духовное зрение, видеть в себе грех и видеть путь Христов, по которому каждый из нас может войти в Царствие Небесное. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 7 июня 1986 года, вечер

Вторник седмицы 7-й по Пасхе

Господь перед Своим крестным страданием предрек ученикам: "Наступит время, когда всякий убивающий вас будет думать, что он тем самым служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня". Христос многое открывал апостолам; ни одного дня не проходило, чтобы Он не сказал им какого-нибудь поучения о Царствии Небесном или о том, что с ними будет и как к этому надо относиться, но они не все могли вместить. Господь говорил

в надежде, что ученики запомнят, а потом, когда придет Дух Божий Утешитель, Он из их памяти, как из кладезя, достанет то, что им в данный момент будет необходимо. Он так и сказал: лучше Мне уйти от вас, хотя скорбно будет вам, когда Я вас покину, но придет Дух Утешитель, Который вас наставит на всякую истину.

Три года Спаситель проповедовал, а они почти ничего не поняли. Так и многие люди – слушают слово Божие, не по три года, а по сорок, по пятьдесят лет, и ничего не понимают, "как об стену горох". Почему в каждом храме каждый день читается Евангелие, а в человека ничего не проникает? Потому что у него нет благодатной жизни, в его сердце не пришел Дух Утешитель, Который наставляет на всякую истину. Вот в чем беда: человек живет обычной мирской жизнью и в храм ходит просто как в некий клуб. Поэтому и не совершается в нем никакого процесса обновления, никакого приближения к Богу, познания Бога, очищения от греха.

Мария Египетская в храм не ходила и только два раза перед смертью причастилась – вот и вся ее жизнь. Она просто оставила все и ушла в пустыню с двумя кусками хлеба, а когда приблизилась там к своей последней черте, то уже ходила по водам и наизусть знала Священное Писание, хотя была неграмотной и даже читать не умела. Сам Господь ее просветил Духом Святым. Апостол Павел тоже никогда в жизни не читал Евангелия, потому что оно тогда еще не было написано, и ни у одного апостола ничему не учился. Но Господь явился ему на пути в Дамаск и дал благодать Святаго Духа, и благодать Святаго Духа его всему научила.

А мы, как слепые котята, по миру ходим и пытаемся жить по мирским законам. Но вся наша жизнь расстраивается и ничего духовного у нас не получается, потому что нет благодати. Недаром Серафим Саровский говорил, что цель христианской жизни – стяжание благодати Духа Святаго. А апостол пишет: "Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его". И зачем тогда на службе стоять, ноги утомлять? Это бессмысленно, в этом нет никакой пользы. Нужно обязательно, чтобы каждое посещение храма и каждый прожитый день были шагом навстречу к Богу. Поэтому мы должны очень внимательно следить за своей жизнью и постоянно сравнивать ее с Евангелием.

"Вера от слышания". Если человек никогда не слышал о Христе, он не может в Него уверовать. Господь сказал, что суд над миром произойдет только тогда, когда Евангелие будет проповедано по всем уголкам земли, то есть не останется такого человека, который не слышал бы имени Божия. И мы сейчас живем в замечательную эпоху – в любую страну приезжай, какая бы вера там ни была, а о Христе уже знают все. Но все по-разному на это реагируют: одни равнодушны – таких большинство; некоторые веруют, но только на словах; другие не веруют вовсе; а есть и такие, которые откровенно ненавидят Его, потому что Его не приемлют, ибо так и не познали. Человек, познавший Христа, не может против Него враждовать, ибо ничего прекраснее Христа вообразить себе нельзя. И восставать против Него возможно только по одной причине: когда душа полностью противоположна тому, что есть во Христе. Человек любит свое, а если встречает что-то не свое, он начинает это ненавидеть.

Когда Спаситель пришел в мир, Его, конечно, возненавидели. Это естественно для падшего мира. Христа распяли, потому что Он принес людям совершенно новое слово. Фарисеи, книжники и старейшины иудейские привыкли молиться напоказ, привыкли к почету, уважению, но вот появился Человек, Который все перевернул, перевернул их представление о Боге – не пограл Божественное, ибо Он ничего в законе не нарушил, а их неверное человеческое представление. То есть пришел не свой – и сразу возникла ненависть. Так и в классе новенького мальчика обязательно начинают задирать, или в стае голубей, когда прилетит чужой голубь, особенно если он немножко больной, его тут же начинают клевать. Это закон джунглей – закон не духовный, но греховный.

Христос пришел в мир, принес свет – а в человеке тьма, но он воспринимает ее как свет. Ведь каждый думает, что он хороший, что он живет правильно, а все остальные неправильно, и он может всех учить, всем указывать. Так и заявляет: сейчас такой народ пошел, ну прямо никуда негодный. То есть я-то, конечно, хороший, а все остальные – такое барахло, что не стоит о них и говорить. Точкой отсчета для человека является он сам. И если в нем тьма, он считает ее хорошей, потому что она принадлежит ему, а все остальное, даже добро, считает плохим. Именно поэтому и храмы рушат, и тех, кто Богу молится, называют мракобесами, хотя, совсем

наоборот, они-то как раз и есть соль земли. Именно поэтому добро называют злом, а зло добром. И Господь учеников заранее предупреждал: "Придет время, когда всякий, кто будет вас убивать, будет думать, что служит этим Богу и делает добро".

В определенной степени с каждым христианином это обязательно происходит. По мере возрастания в благодати Божией человек все больше и больше внутренне отторгается от мира, становится иным, у него проявляется совершенно другая суть. И если этот процесс углубляется, мир начинает ненавидеть такого человека. Поэтому Господь и говорит: "Враги человеку домашние его". Тот, кто приобщается к благодатной жизни, первое нападение испытывает от своих домашних. И Сам Христос это претерпел, и все апостолы. Наверняка, когда апостол Петр бросил сеть и последовал за Христом, его жена возмущалась: куда же ты пошел, да на кого ты меня оставил? Потом она и сама уверовала, недаром ее называли сестрой-женой – она крестилась и стала также членом Церкви, но сперва-то наверняка апостол Петр тоже потерпел. Это неизбежно, потому что тьма со светом пытается бороться. Ах, ты спасись думаешь? Святым хочешь быть? Ты что, лучше других, что ли? Почему все ругаются, а ты не ругаешься? Почему все пьют, а ты не пьешь? Давай поговорим, обсудим кого-нибудь, почему ты не участвуешь? Очень гордый стал, заносчивый!

Мир не терпит не своего. Поэтому человек, вступающий на Небо одной ногой, должен знать, что он противостоит всему миру и что если он усовершенствуется, то этот мир его может даже убить, как убил апостолов. Все апостолы, кроме Иоанна Богослова, погибли мученически; и многие святые погибли так же; и Серафиму Саровскому тоже топором досталось. Самое большое количество святых – это святые мученики. Сейчас, конечно, немножко другие времена, но человек-христианин обязательно терпит гонения и страдания, и чем он ближе к Богу, тем эти страдания больше...

Ученики нечто из того, что Господь им рассказывал, в себя вместили, уверовали и возлюбили Христа. Почему кто-то ненавидит Христа – допустим, Анна или Каиафа, – а Иоанн и Иаков Его любят? Одно и то же существо, Человека Иисуса Христа, двое ненавидят, а двое любят. Известно, например, если кто-то говорит: я не люблю математику или музыку, допустим, серьезную – это значит, что он их не знает и не понимает. А если любит, значит, в душе его есть что-то сродни этому любимому. Так же и здесь. И вот по этому сродству Христовой душе Господь и избирал Своих учеников.

Представим себе: мы спешим на работу, вдруг подходит к нам человек и говорит: "Следуй за мной" – и мы тут же поворачиваемся и идем за ним. Апостол Матфей так и сделал: сидел на работе, собирал деньги – он был мытарем, фининспектором по-нашему. Христос сказал ему: "Следуй за Мной" – и он бросил все и пошел. Потому что когда Христос к нему обратился, сердце его загорелось, он сразу увидел душой, что это именно Тот, к Которому стремилось его существо. Хотя Матфей был и грешник, и народ обирал, и взятки наверняка брал – мытарей недаром все ненавидели, – но, увидев Христа, понял, чего жаждала его душа. И в этот момент для Матфея уже произошел выбор и суд.

На глазах у других Господь мертвых воскрешал, а они все равно не верили, пошли только на Него доносить, потому что у них было другое качество души, они иначе относились ко Христу. И все люди распределяются именно по этому отношению ко Христу, то есть к Небесной жизни: один Бога любит, другой просто интерес проявляет, третий Его боится – каждый по-своему. Но только тот, кто Бога возлюбил и стал Его учеником, начал все заповеди Божии исполнять, кто бросил все и пошел за Христом, – только тот в Царствие Божие входит и только тот получает благодать. Но получить ее нужно во что-то, и наша душа представляет собой некий сосуд. Если она уже наполнена грехом, как кастрюля, наполненная смрадной жидкостью, туда больше ничего не войдет. Благодать Божия может излиться только в место чистое, приуроченное. Поэтому цель нашей жизни – свою душу постоянно очищать, чтобы стяжать благодать Божию.

Это происходит не автоматически. Она потому и называется "благодать", "благой дар", что всегда дается в дар. Господь кому хочет, тому ее и дает. И Он должен увидеть, что мы искренни, честны, что мы не на словах только, а действительно хотим Царствия Божия. Ведь некоторым от Бога нужно только чтобы не болеть, чтобы все было хорошо, чинно, благополучно. Но у Него совсем другая задача. Господь иногда ведет человека через болезни,

потери, труды, тюрьмы, всякие обстоятельства, через страшные страдания – для чего? Чтобы ввести его в Царствие Божие. Цель Господня – не наше земное благополучие, поскольку оно временное. Он хочет ввести нас в Царствие Небесное. И если мы всю жизнь отдадим Богу – тогда Господь даст нам благодать.

Тут идет, если грубо выразиться, некий обмен. Человек отрекается от себя (Господь так и сказал: "Отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной"), отвергается от своей жизни, от своих ложных представлений, от своей суеты – все это оставляет, как совершенно ненужное и никчемное дело, и следует за Христом. Но следовать за Ним – не значит обязательно все внешнее бросить, снять с себя галстук, ботинки и пойти босиком, как апостолы. Отторжение должно быть внутреннее, чтобы нами владело лишь желание Царства Небесного. И если Господь увидит, что ничто в мире нас не прельщает и нам нужна только благодать – Он нам ее даст. Когда человек самого себя отдает Богу, то Бог Себя отдает человеку. Так происходит спасение.

Благодать – это дар Святого Духа человеку, Который поселяется в его сердце. А Дух Святой есть Бог. Когда Он входит в человека и в какую-то меру, пусть совсем чуть-чуть, в человеке начинается духовная жизнь – Он, этот Дух Божий, высвечивает в душе его грех, тьму. Человек начинает видеть: вот в этом я грешен, в этом грешен, в этом мое несовершенство. Маленькое пламя Святого Духа загорелось в сердце и осветило тьму – вот это видно, это, это. Человек бросается на борьбу – одно исправил, другое, третье. Не сам, конечно, а прося у Бога: исправь меня, помоги мне, я увидел этот грех, я буду теперь удерживаться, а Ты мне помоги. Глядишь, пламя разгорелось еще сильнее – и еще больше осветило, и опять борьба. Потом пламя еще больше – и еще светлей стало, и еще больше заметно грехов... До тех пор, пока человек не увидит грехи свои как песок морской, ужаснется и начнет плакать. И когда Господь увидит, что человек плачет о своем грехе, Он опять пошлет ему благодать Святого Духа, Духа Божия, Который так и называется Утешитель, потому что Он утешает человека – и душа его уже не скорбит, ибо блаженны плачущие. Грех отмывается слезами покаяния, душа очищается, человек становится более совершенным, меняется вся его жизнь, все его существо. Это и вовне проявляется: даже походка делается другой и взгляд, выражение лица, все его жесты и слова – все перекашивается в человеке. Он начинает сиять Духом Божиим.

Но лишиться этого можно в один момент: возьми грязи черпак, влей в свою душу – и все; любой скандал, любое неосторожное слово или греховное дело – и тут же потеряешь то, что набрал за всю жизнь. Как на гору можно неделю забираться, а упасть с нее за несколько секунд: чуть пошатнулся, и полетел, и голову разбил, и позвоночник сломал – так и в духовной жизни. И путь этот очень труден, потому что, во-первых, надо от себя отречься – мы греховные люди, поэтому нас все время тянет на грех, душа им услаждается, а не Богом, не благодатью. Во-вторых, приходится терпеть ненависть мира, гонение от людей. Но гонители виноваты только в том, что они еще не познали Христа, хотя в свое время и они могут Его познать. Сам апостол Павел сначала гнал христиан, а потом стал первоверховным апостолом. И нам надо стараться жизнь свою так перевернуть, перекасить, чтобы не прожить ее зря, а приобрести благодать Божию.

Как благодать достигается, как ее привлечь в свое сердце? Этому есть очень много духовных средств. Самое главное – причастие Святых Христовых Тайн, соединение нашей души со Христом. Ближе к нам, чем в причастии, Бог не бывает никогда и никогда не будет. У нас есть Евхаристия, есть Чаша. Выше этого не существует ничего ни на Небе, ни на земле.

Второе средство – это слово Божие. Тот, кто читает Евангелие, знает, что каждый раз нам открывается в нем все новое и новое. И так без конца. Сколько ни читай, будешь понимать все глубже, все на другом, более глубоком уровне. Через слово Божие мы тоже благодать получаем, и она нас освящает.

Христос сказал: "Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них". Вот мы пришли в храм, стоим здесь, молимся все вместе. Хотя мы люди грешные, но среди нас стоит Христос. И если наша душа откроется Ему, мы сможем воспринять ту благодать, которая здесь незримо присутствует. Молитва церковная также есть источник благодатной жизни.

Еще средство – каждое доброе дело. Человек нуждается в помощи, ты ему помог ради Христа – и через это получишь благодать. Тебя обидел кто-нибудь, а ты взял потерпел и

протил – и тоже получишь благодать Божию.

Но чтобы причаститься – нужно поговорить, к исповеди подготовиться, правило почитать. Чтобы в храм прийти – нужны деньги на троллейбус истратить, в храме стоять, ноги утомлять. Чтобы Евангелие читать – нужно голову иметь свежую, нужно книгу иметь. Вот сколько дополнительных условий. А есть такое средство к получению благодати Божией, для которого ничего этого не требуется. Это средство самое удобное – внутренняя молитва. Едешь ли, стоишь ли, сидишь ли, ждешь ли кого, в очереди за чем-то стоишь или перед иконой в храме – молиться можно всегда и везде. Проснулся ночью, не спится – опять можно помолиться. Молись и проси – проси очищения грехов, проси Царствия Небесного, благодати Божией.

Мы о чем просим? Только о здравии да за упокой, как будто нам больше дела ни до чего нет. А ведь каждое молитвословие в Церкви начинается со слов: "Царю Небесный, прииди и вселися в ны". У нас это превратилось в некую формальность, а должна быть именно жажда благодати Божией. И если Господь увидит, что мы год просим, два просим, три, двадцать лет, сорок... Он же Сам сказал: "Неужели отец, когда сын у него попросит хлеба, даст ему камень, или когда попросит рыбы, подаст ему змею; тем более Отец ваш Небесный даст Духа Божия просящим у Него". Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 17 июня 1986 года

Преображение Господне

Святой апостол Петр, послание которого мы всегда читаем на Преображение, пишет: "Я никогда не перестану напоминать вам о сем..." – то есть не перестает напоминать своим ученикам, кто они и зачем пришли в мир, чтобы все больше и больше их утвердить в вере. И Святая Церковь заповедует нам посещать храм в праздники, чтобы мы вспоминали о событиях из жизни Спасителя, имеющих для нас очень важное духовное значение; чтобы в наше сознание, в наше сердце внедрились эти спасительные образы; чтобы они нами руководили и мы с самого детства жили ими, через православное богослужение приобщались к этим событиям, которые исторически произошли очень давно, а духовно совершаются вновь и вновь.

Все Евангелие духовно, и все в нем имеет духовный смысл. Когда Господь восстанавливает расслабленного, мы вспоминаем и о расслаблении своей души. Когда Он исцеляет слепорожденного, мы вспоминаем о своей духовной слепоте, о том, что часто не видим в нашей жизни Господа. И также когда мы вместе с Господом и тремя избранными из избранных учеников восходим на гору Фавор, мы вспоминаем не просто это историческое событие, а переживаем и его духовный смысл, вернее, должны переживать.

Для многих крещеных и вроде бы верующих людей Преображение, к сожалению, до сих пор остается всего лишь яблочным Спасом, хотя нам надо твердо усвоить, что ни яблоки, ни виноград к нему равным счетом никакого отношения не имеют. Просто все начатки плодов не только в новозаветной Церкви, но и еще в Ветхом Израиле приносились в храм для благословения. Люди раньше жили перед Богом, перед Ним старались ходить – и возникали обычаи, которые это отражали: земля производит плоды по промыслу и произволению Божию, а человек в знак благодарности приносил эти плоды в храм. Яблоки в духовном смысле не связаны с Преображением, просто они к этому празднику поспевают. Для многих же из нас принести яблоко, его освятить, а потом освященное съесть, становится самым главным в празднике и затмевает смысл духовного торжества, которое переживает Церковь.

Всякий раз, когда мы читаем Евангелие, а тем более совершаем богослужение, мы участвуем в празднуемых событиях. Недаром во многих праздничных песнопениях звучит слово «днесь» – "сегодня": "Дева днесь Пресущественнаго раждает" или: "Днесь спасения нашего главизна", – потому что это событие вновь и вновь духовно происходит. И мы можем либо быть участниками Преображения, либо остаться со своими яблоками и больше, к сожалению, ни с чем – хотя они и освящены благодатью Божиею через окропление святой водой. Но, вкусив их, мы свою душу не спасем, потому что невозможно спасти душу никакой пищей, даже освященной. Можно пить ведрами святую воду и тоннами есть святые просфоры, можно освятить все плоды во вселенной, а потом их съесть, но "Царствие Божие не пища и питье, но радость во Святом Духе". Поэтому то, чего требует от нас Господь, и то, чему учит

нас Святая Церковь и чему в Церкви все должно служить, есть приобретение в сердце благодати Духа Божия, а не насыщение, пусть и праздничное.

Не в пище и вине праздник. Хотя в Церкви все так премудро устроено, чтобы и глаз наш радовался, и тело наше ублажалось, и все составы нашего естества торжествовали праздник, но все-таки Царство Небесное не от мира сего. Поэтому нам очень важно то евангельское событие, о котором сегодня читалось, глубоко понять, в чем его смысл, прочувствовать и продумать его.

Почему Господь пошел помолиться на гору? Он по Своему Божеству был всегда соединен с Отцом, но по человечеству Своему нуждался в этом Сыновнем общении. Господь Иисус Христос, конечно, непрестанно молился, но, желая, чтобы Ему никто не мешал, часто и рано утром, и ночью уходил помолиться в тишине. И во все времена, во все эпохи люди, последовавшие за Христом, тоже имели желание удалиться для молитвы. Таким образом появились ночные бдения, возникли населенные людьми пустыни, живущие в которых ничего так не желают, как общения с Богом.

Молитва подобна восхождению на гору, поэтому Господь и дал нам этот образ. Он мог перед Своими учениками преобразиться в долине, в ущелье, в доме или на улице города перед всеми людьми и даже устроить их Своим видом, но Он преобразился именно на горе и тем показал, что если мы хотим созерцать славу Божию – а истинная молитва и есть созерцание славы Божией, созерцание Фаворского света, исходящего от Бога, – то нужно предпринять труд восхождения.

Какой еще образ предлагает нам Господь в этом событии? Что совсем не все христиане, и даже не все ученики Христовы, не все прославленные как святые узрят славу Божию, живя на земле. Поэтому Господь взял на Фавор избранных из избранных – не семьдесят апостолов, не двенадцать, а троих из двенадцати, самых лучших, самых верных, самых преданных Ему, самых любящих, готовых без оглядки за Ним последовать. Видения славы Божией достигают совсем не все, а только те, кому Господь Сам благословит и кому сочтет нужным это открыть. Труд должны предпринимать все, а узрят славу Божию далеко не все.

И еще одно поучение мы извлекаем. Когда Господь преобразился, ученики увидели, что Он не один – Моисей и Илия, два великих пророка, беседовали с Ним. Моисей, основоположник писаний Ветхого Завета, давший заповеди народу, самый высокочтимый, самый славный в Израиле пророк, и Илия, прославившийся своей ревностью о Боге, также один из величайших пророков, пришествие которого перед страшным пришествием Христа Спасителя во славе ожидается всем миром, – склонили голову перед Христом Спасителем в знак смирения Ветхого Завета перед Новым. Они беседовали с Ним о том, что Господу надлежит пострадать перед тем, как навеки соединиться со Отцом в славе. А Господь часто говорил, что ученик не больше учителя, и поэтому каждый христианин, каждый, кто за Христом последует, обречен на страдания от мира сего.

И мы сегодня тоже себя обрекли хоть на малое, но страдание. Во-первых, пришли в храм под дождем, а могли бы дома сидеть; потом ждали, пока все поисповедуются, чтобы служба началась; и уже три часа стоим в духоте, толкотне, шуме – а надо терпеть, стараться не возмущаться, не осуждать, понимая, что люди пришли разные и многие даже никогда не слышали о том, что в храме разговаривать нельзя. Это тоже страдание, потому что в нас все кипит, возмущается, нам хочется их... убить, а нельзя, грешно убивать, Господь сказал: "Не убий", а Иоанн Богослов еще строже сказал, что каждый гневающийся на брата своего – человекоубийца. Значит, не только убивать, а и гневаться нельзя. И стоять нам тесно, и руку протянуть перекреститься трудно – храм маленький, а нас много. А впереди нас ждет еще полтора часа службы, и за это время будет много всяких искушений – дьявол будет приступать с помыслами, надо будет бороться с парением мыслей; а выйдем на улицу, опять будет дождь. Все это мы предприняли, чтобы сегодня встретиться с Господом, увидеть славу Господню, принять в себя Его Пречистое Тело, соединиться с Ним.

Каждый раз, когда мы добровольно предпринимаем для Господа хоть какое-то страдание, Он, видя это, подает нам благодать. И во всем, даже в нашей обыденной жизни, в обычных занятиях, когда мы добровольно принимаем те скорби, которые ниспосылаются нам от Господа по Его благому промыслу, мы должны знать, что уподобляемся этим Христу и уничтожаем в нашем сердце греховные страсти. И этому тоже учит нас Господь Своим Преображением.

Когда Господь преобразился, Петр сказал: "Хорошо нам здесь быть", и захотел остаться на этой горе навсегда. Братья Иоанн и Иаков, сыны громовы, тоже были поражены этим видением, оно осветило всю их душу. Они испытали то, что апостол Петр выразил словами: "Взойдет утренняя звезда в сердцах ваших". В кондаке Преображения поется: "Да воссияет и нам, грешным, свет Твой присносущный" – то есть свет, который всегда исходит от Бога, чтобы навсегда засиять в наших сердцах. Когда благодать Божия, слава Божия осияла учеников в ту меру, в которую они могли ее воспринять, их объяла такая невыразимая сладость, что они захотели навсегда остаться здесь с Господом. И всегда те усилия, которые мы предпринимаем, чтобы соединиться с Богом, узреть Его славу, бывают награждены. Но человек получает только в ту меру, в которую он потрудился, каждый получает "якоже можаху".

Вот пришел человек в храм и говорит: "Хочу причаститься, но я плохо попостился, плохо подготовился к причастию и время от одного причастия до другого провел дурно". Ну хорошо, он причастится – Господь его примет, Он не отвергает при покаянии даже такого грешного, – но воссияет ли в нем свет, если он не проявляет никаких стараний, не трудится? Насколько ты потрудился, настолько ты и получишь благодати Божией. В каждой мельчайшей частичке вещества, которую мы вкушаем в этом таинстве, присутствует весь Христос во всей Своей полноте, целиком, но мы знаем по собственному опыту, что иногда мы причастимся – и вся душа как бы освящается светом, нам хочется всех любить, всех простить, хочется трудиться, молиться, совершать подвиги ради Христа; а иногда ничего вроде и не происходит.

Некоторые, отойдя от причастия, могут тут же начать осуждать, толкаться, ругаться. Это бывает от того, что благодать Божия не входит в их сердце, потому что земля сердца не обработана. Можно взять самое хорошее, отборное зерно пшеницы-рекордсменки и сеять его на утопанной дороге. Вырастет ли что-нибудь? Нет. Обязательно надо эту дорогу раскопать, землю размять, надо ее поливать, удобрять, еще много чего нужно, прежде чем вырастет колос. Господь рад нас принять. Как бы человек безобразно себя ни вел, он все равно в храме остается. Господь, Который двигает горами, управляет вселенной, может каждого, кто не достоин Божественной трапезы, взять и выкинуть отсюда или так устроить, что он до храма не доедет, а застрянет где-нибудь на дороге. Однако Господь сподобил нас прийти. Но даже оказавшись в храме, мы можем ничего не получить, потому что наше сердце недостаточно уготовано для принятия благодати Божией.

А бывает еще и так, и этому тоже учит нас сегодняшнее Евангелие и сегодняшний праздник: человек подготовился, потрудился, приехал издалека, мок под дождем, благоговейно стоял на службе, исповедался до конца, ничего не утаив, во всем глубоко раскаялся и ни в чем себя не оправдывал: "Ты прими меня, Господи, и прости, я постараюсь в другой раз уже не творить того, что делал вчера и позавчера". И причастился человек, и благодать получил, и ушел озаренный из храма. Но встретился с кем-то, стал разговаривать и начал делать как бы хорошее дело, призывать в храм, рассказывать, как здесь хорошо, как духовно, как здесь слово Божие льется. Прошло десять минут, и он видит, что в душе его пустота, куда-то ушло, улетучилось то, что он из храма принес. Все, что человек видел, чувствовал, что вошло в его душу, как через трубу каминную, вылетело в небо – и опять холодно и пусто на душе. Поэтому Господь и сказал ученикам, когда они спускались с горы: никому ничего никогда не рассказывайте о том, что вы видели. Потому что настоящие чувства всегда должны оставаться в тайне; и то, что мы получаем от Бога, наша внутренняя с Ним связь, наши беседы с Ним и те дары, которые Он дает, должны быть сокровенными в нашем сердце, они не могут быть достоянием кого-то еще. Апостолы твердо послушались Господа, они до самой смерти Христа Спасителя никому не рассказывали о святом Преображении. Только много лет спустя апостол Петр в своем послании упоминает о том, как Господь преобразился пред ними.

Господь многих исцеленных предупреждал: идите, но никому не говорите, что Я вам сделал. А они шли и все рассказывали и теряли ту веру и благодать, которую Он им дал. Поэтому Господь часто говорил исцеленным: не ходи за Мной; ты хотел исцеления – и ты получил его; иди с миром, будь доволен. Многие приходят в храм с болезнью, скорбью; исцелились – ну идите с миром, наслаждайтесь. Если хотим получить от Бога телесного, Господь даст, освятит нам яблочко, яичко, куличик; если у нас что-то заболело, Господь согласен принять от нас водосвятный молебен – но надо знать, это не есть восхождение на гору.

Восхождение – это постоянный труд души. Совершается оно незаметно для нас самих. Кто был в горах, знает, как это бывает – идешь потихонечку почти по прямой, уклон вроде небольшой, думаешь: мало прошел. Посмотрел вниз – а вон как низко и далеко то место, где ты был еще пять минут назад. Господь так и говорит: "Царствие Божие не приходит приметным образом". Человек никогда не может оценить свою близость к Богу, только Господь знает Своих. Многие думают: хожу в храм уже пять лет, а как был грешный, так и остался, даже еще грешнее стал. На самом деле когда человек, ходя в храм, чувствует, что он стал грешнее, это и есть восхождение в гору. И чем выше человек подымается, тем дальше он видит, тем больше различает он в своей душе грехов. А когда взойдет на самую вершину, то увидит в себе грехов как песка на морском дне и получит непрестанный плач о них, потому что перед славой Божией, перед этим сиянием любой самый святой, самый чистый человек просто чёрен.

А тот, кто от Бога далеко, считает: да вроде я ни в чем не грешен, пост соблюдаю, в церковь по праздникам хожу, раз в полгода причащаюсь, что еще надо? Ни на кого не обижаюсь, всем всегда делаю только хорошее – святой прямо. Но ни один святой так про себя не говорил. Апостол Павел сказал: я хуже всех, я изверг. Поэтому тот, кто не видит в себе греха, есть самый последний грешник, отверженный от Бога, забывший Его и никогда не знавший, что такое благодать Божия.

Цель бытия Церкви на земле – нас преобразить. Из бараньего стада, которое мы собой представляем, такого шумного, неразумного, ничего не понимающего, самовлюбленного, самодостаточного, упивающегося какими-то мнимыми собственными достоинствами, которые на поверку оказываются просто чепухой, а то и просто пороками, – из таких самолюбивых, гордых и завистливых Святая Церковь может сделать нас кроткими и смиренными. Она может нас воспитать, и мы из болтливых станем молчаливыми, из блудных – целомудренными, из жадных – щедрыми.

Господь совершает наше спасение незаметно. Мы видим: то, что еще год назад представляло для нас важность, нам больше не интересно, не приносит никакой радости. Все мирское для нас утрачивает ценность, мы с ним теперь легко расстаемся, главным становится духовное. Мы начинаем любить молитву, ценить каждое посещение храма, стремиться к причастию Святых Христовых Тайн, к очищению своей души. Читать Евангелие для нас уже не поденная какая-то обязанность, мы без этого просто задыхаемся; и творить добро становится нашей потребностью. А если нас ругают и клянут и творят нам пакости, это делается для нас радостным переживанием, потому что мы знаем, что тем самым участвуем в страданиях Христа и за это увенчиваемся. Каждый претерпевший скорбь получает от Бога венец, ибо сказано: "Претерпевый до конца, той спасен будет".

Вот такой сегодня праздник. На нас изливается бездна премудрости Божией, но каждый вместит в себя только то, что может. И наша цель заключается в том, чтобы с каждым годом, с каждым месяцем возможность восприятия Евангелия, правды Божией, света Божия для нас увеличивалась, чтобы наша жизнь была не скатыванием с горы, а, наоборот, восхождением на гору Фавор, где мы узрим славу Божию.

Православное богослужение тоже устроено как восхождение на гору. Начиная с девятого часа, через вечерню, повечерие, утреню, часы, антифоны, чтение Писания мы подходим к вершине богослужения, Евхаристическому канону, который как раз сейчас начинается и завершится самым пиком – святым причащением. Выше Святых Христовых Тайн нет ничего ни на Небе, ни на земле, это живое Царствие Небесное, в которое мы вступаем независимо от того, чувствуем мы это или не чувствуем, понимаем или не понимаем. Поэтому когда начинается Евхаристический канон, нужно особенно собраться, стараться даже не дышать, умолкнуть так, чтобы все чувства наши, все помыслы улеглись. И если уж мы не в состоянии все православное богослужение в себя вместить, благоговейно восходя на эту гору, то постараемся по крайней мере на самой вершине ее постоять так, как учит нас Святая Церковь, – со страхом Божиим и верой. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 19 августа 1986 года

Усекновение главы Иоанна Предтечи

Завтра мы со всею Церковью вспоминаем блаженную кончину Предтечи Господня Иоанна. Обычно, если память великого святого совпадает с постным днем, пост ослабляется. А празднование Иоанна Крестителя сопряжено с постом, потому что к нашему торжеству примешивается скорбь. Это связано с тем, что после смерти Предтечи душа его сошла во ад (по-еврейски – шеол), как и души всех людей (начиная от Адама и Евы), и там пребывала, пока Господь не сошел туда и не вывел всех праведников.

Служение Иоанна заключалось в том, что он был пророком, то есть возвещал людям волю Божию, которая состоит в покаянии: "Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное". И служение свое он совершил до конца, до смерти оказался верен Богу. Всех до единого пророков убили, и все апостолы, кроме одного, были убиты. Почему так обычно случается с пророками? Потому что человек отвернулся от Бога и воля его идет против воли Божией, противится ей.

Попробуй кому-нибудь сказать правду в глаза – ничего, кроме ненависти, в ответ никогда не получишь от любого человека, даже от ходящего в храм, потому что правда глаза колет. Когда у нас что-то болит, мы начинаем эту болезнь ненавидеть, это естественно. И поэтому, когда человеку грешному возвещают волю Божию, он начинает ненавидеть того, кто ему эту волю Божию возвещает. Исправляться хотят очень немногие, поэтому всякий пророк бывает ненавидим. Потому ненавидели и Иоанна Крестителя.

Он был напоен Духом Святым, и в свете Духа Божия ему открывались грехи человеческие. И Предтеча обличал всех, кто к нему приходил, указывал на их грехи. Он обличал даже царя – за то, что тот женился на жене своего брата. Это страшный грех, кровосмешение. Иоанн говорил, что Ирод нехорошо поступает, плохой пример дает своим подданным. Ведь на тех, кто власть имеет, лежит большая ответственность: как они себя ведут, что делают. Если царь делает такие безобразия, что же говорить о простых смертных. Ну а правда глаза колет, и Ирод хотел убить Иоанна, но побоялся, потому что в народе его почитали. И поэтому он посадил его в тюрьму – с глаз долой, как говорится, из сердца вон. Сидит он себе и уже не мешает, можно спокойно пьянствовать, пировать, наслаждаться жизнью. А наученная дьяволом дочка его блудной жены подстроила, что в пьяном виде Ирод поклялся дать ей все, что она ни попросит. И мать ей сказала: проси голову Иоанна Крестителя. Потому что одно его существование напоминало им о их грехе.

Попробуй человеку все время напоминать о его грехе – он тебя возненавидит. Никто не скажет: да, я грешный, действительно, воистину так; я даже еще хуже того, что ты обо мне думаешь, потому что у меня еще и это, и это, и это. Нет, все начинают: а сам-то ты какой, ты на себя посмотри. Поэтому Иоанн Креститель и был убит. Это, конечно, случилось по промыслу Божию, он пострадал за Христа. Он потерпел до крови, исполняя свой долг, служение пророка.

И вот об этом нам надо очень крепко подумать. Дело в том, что чувство долга есть качество, свойственное только человеку духовному. В современном человечестве, когда Дух Божий ушел из сердец людей, оно стало утрачиваться. А образ Иоанна Крестителя нам напоминает о нем. Знал ли Иоанн, что ему грозит, если он будет обличать царя? Знал, конечно. А почему он не умолчал и пошел на верную смерть? Потому что не мог поступить иначе – ему совесть его, его долг говорили, что надо поступать так во имя правды, во имя Того Бога, пророком Которого он являлся. И именно поэтому в день памяти Предтечи служится панихида о всех павших воинах – потому что они тоже исполняют свой долг до крови (ну не все, конечно). Но все-таки сам принцип воинской присяги таков, что человек жертвует жизнью, исполняя свое служение.

Из сегодняшнего праздника мы можем извлечь очень важное поучение. Каждый из нас поставлен Богом на какую-то свою стезю: один повар, другой учитель, третий милиционер, четвертому Господь даровал детей – каждый имеет некие обязанности. И добросовестное исполнение их, как перед Богом, до конца, очень важно. Ведь любой человек на земле не случайно появился, он нужен Богу. Человек пришел на землю как соработник Богу. Господь действует в этом мире через людей. Он бы хотел, чтобы люди были верными рабами Божиими, чтобы они исполняли волю Божию. И каждый из нас поставлен в свою семью, в определенное окружение на работе, посещает определенный храм. У каждого свое собственное предназначение, своя роль, свое место в жизни, в Церкви, во вселенной, вообще в строительстве мира. Место не физическое, а именно духовное.

И нам нужно учиться свой долг исполнять. Но по немощи своей духовной все постоянно халтурят, сама стихия этого мира, отход от Бога приводит к халтуре. Именно поэтому начальство бьется, бьется, как людей заставить добросовестно работать, и все бесполезно: заплати человеку хоть миллион, он все равно схалтурит, он все равно не в состоянии какую-то работу довести до конца, что-то сделать добросовестно; обязательно будет изъян. Потому что нет основы – крепости духовной. Человек свое дело, которое ему поручено Самим Богом (а каждое дело поручено ему Богом), исполняет плохо и тем самым развращает свою душу. Любое дело, какое бы мы ни делали, а особенно служение церковное, надо исполнять до конца и служить этому до крови, быть готовыми умереть за него. А у нас постоянное себяжаление и нарушение закона долга. Мы постоянно согрешаем этим перед Богом, поэтому все в нашей жизни и рассыпается.

У нас очень трудные отношения с нашими родственниками, очень тяжелые бывают отношения на работе из-за того, что нет у нас самопожертвования. Мы настолько себя жалеем, что из-за этого плохо детей воспитываем. Ведь действительно трудно ребеночку объяснить, как-то постараться кротко ему все рассказать, с ним позаниматься, подумать над тем, как лучше устроить, чтобы он понял. Легче просто сказать: отойди; дернуть за руку, накричать на него. Пресечь проще; гораздо труднее подойти к проблеме более терпеливо и внимательно. И так не только в воспитании детей – мы таким образом согрешаем постоянно и во всем. Наша жизнь очень рассеянна, мы то за одно хватаемся, то за другое и ничего не делаем по-настоящему, ничего не доделываем до конца. Поэтому все и приходит в такой упадок, что каждый не занимается своим делом.

Почему, например, мужчины сейчас в женщин очень скоро превращаются, а женщины в мужчин? Почему люди теряют свою ипостасную сущность? Именно в силу того, что свое делать – то, что Богом назначено, – гораздо труднее. Легче работать, чем детей воспитывать. Именно поэтому женщины идут на работу, а детей режут или отдают в ясли, в детский сад.

Если человек исполняет свой долг до конца, он проявляет как раз именно в этом верность Богу. Некоторые думают: что бы мне такое устроить, чтобы спастись? Акафисты читать, поклоны делать, ездить по монастырям? Исполни хорошо то, что тебе поручено Богом непосредственно: веди свою семью, занимайся детьми, делай ту работу, на которой ты работаешь, так добросовестно, чтобы Бог радовался, – и хватит этого, ничего не нужно выдумывать.

Но свое, постоянное, делать трудно. Трудно на свою дочку не раздражаться – значит, я буду продолжать раздражаться. А чтобы как-то свою совесть успокоить, я уж лучше в монастырь съезжу, сто рублей подам там на поминовение. Сам поступок вроде неплохой, но было бы в тысячу раз лучше, в миллион раз лучше, если бы делал человек то, на что он Богом поставлен, а не искал другого пути. В монастырь съездить, конечно, неплохо, но еще лучше кротко и смиренно терпеть все обстоятельства, которые происходят там, куда Господь нас Сам поставил.

Вот и получается, что мы мечемся в поисках спасения, а спасение-то рядом, оно рассыпано везде. Сам Господь нас спасает. Мы живем в такую замечательную эпоху, когда нам ничего не надо искать, Господь все Сам предлагает. Он дает определенный и необходимый набор скорбей, болезней, всяких трудностей – нам только не надо суетиться, а надо в этом жить и оставаться верными Богу, не терять благорасположения духа, не унывать, смиряться, терпеть и прославлять Бога всей своей жизнью. Чтобы кто к нам ни пришел домой ли, на работу ли, мог сказать: о, вот этот человек действительно христианин. Он никогда не лезет ни к кому, не хамит, взор у него всегда кроткий, физиономия не раскрашена, как какая-то картинка, он всегда прилично одет, скромн, трудолюбив, дома у него порядок, из равновесия его вывести нельзя, врагов у него нет, он ни на кого не злобится.

Сейчас, в наше время, чтобы спасти свою душу, не надо быть каким-то особенным подвижником, чтобы на лбу шишка была двадцать сантиметров от поклонов, не это требуется. Надо быть просто нормальным человеком. Бог от нас никаких подвигов не ждет – просто не скули и делай то, что тебе Бог дал, там, куда Он тебя поставил. Не жалея себя, а до крови служи Богу на том месте, где ты есть. Не устраивай себе привилегий, не хитри, не обманывай.

И не надо искать каких-то особо сильных молитв, которых, собственно, и не существует.

Не надо искать каких-то прозорливцев, пророков – служи Богу, ищи Самого Бога на том месте, где ты есть. Ведь это везде возможно, где бы человек ни был. Не требуется куда-то забегать вперед и глядеть по сторонам, а нужно оглянуться вокруг себя.

Некоторые рассуждают: о, здесь благодать, а там нет благодати. Что мы понимаем в благодати? Мы никогда и не нюхали, что это такое. Вот преподобный Серафим Саровский дал нам пример. Он жил в пустынке, и у него там было все: и Иерусалим, и Голгофа, и Иордан – все себе так обозначил и никуда ни в какие путешествия не ездил. Как ему назначил старец Досифей идти в Саровскую обитель, так он там и остался, и достиг великой благодати. Вот так и мы должны. А мы постоянно в поисках чего-то, потому что неохота делать свое. Мы все ищем где-то чего-то на стороне, а наше спасение у нас под носом.

Известно, что, когда мы кому-то помогаем клеить обои, это гораздо легче, чем в собственной квартире. Почему, спрашивается? Те же самые обои, те же самые рулоны. Да потому, что у себя, для своих – это твой долг, а долг всегда труден. А у других бес тщеславия помогает: здесь тебя и подхваливают, здесь тебя и кормят, здесь тебе и никакой особой ответственности нет. Вот поэтому легко.

Господь сказал: "Возлюби ближнего". А кто такой ближний? Это тот, кто в данный момент рядом с тобой. Вот жена – ближний, муж – ближний, дочь – ближний. Поэтому кто хочет душу спасти, должен прежде всего прийти домой и посмотреть: может, нужно по дому что сделать, или внуку как-то помочь, а может, сыну или зятю. Наше спасение в нашем ближнем; это все очень близко, не надо чего-то искать за тридевять земель. Не надо разыскивать какого-то нищего, чтобы ему что-то подать, или куда-то везти сто рублей. Само по себе это неплохо, любое доброе дело Богом приемлется, но для этого не надо обязательно ехать далеко. А то бывает так: кому-то там яблочки принесет, а муж в запустении, голодный сидит. Буду, говорит, я тебе еще подавать. Сам возьми, что ты мне, начальник? Совершенно хамские, ненормальные отношения. Или дети – абсолютно невоспитанные, и родители вообще не знают, что с ними делать. Готовы чем только ни заниматься, лишь бы не делать свое основное, Богом назначенное родительское дело.

Поэтому где-то с кем-то мы и помолимся, и акафист почитаем – а как дома одни на молитве, так зеваем: да ладно, посплю, что-то я сегодня устал. Сразу и Евангелие читать ленимся, потому что на нас никто не смотрит, бес тщеславия нам не помогает. Вот ты и Бог – делай! А у нас этого не происходит.

И образ Иоанна Предтечи нам напоминает, что мы свой жизненный долг должны исполнять до крови. И если мы кому-то рубашку гладим, или стираем, или обед готовим – это наша святая перед Богом обязанность. И воспитывая детей, моя посуду, протирая окна, мы служим Богу, потому что отрекаемся от себя и служим ближнему, приносим ближнему нашему радость, оказываем ему любовь, а выше этой любви нет ничего.

И делать все это надо, конечно, во славу Божию, потому что бывает крен и в другую сторону: уже все сверкает, все блестит, а человеку и помолиться некогда, он, видите ли, кастрюли чистит. Так тоже не должно быть. Но каждая кастрюля наша, каждая тарелка, каждая рубашка, каждый носок – все простые дела должны быть сделаны во славу Божию. Чтобы Господь видел, что мы стирали, шили, гладили, в очереди в магазине стояли ради Него. Чтобы Он радовался нашему трудолюбию, радовался нашему послушанию, нашему терпению. Чтобы Он видел, что, в какие условия Он нас ни поставит, мы всегда остаемся верными, что мы научились от Него кротости и смирению.

И когда мы это обречем, мы обречем и покой душам нашим, потому что обречем Бога. Мы встанем на камень, и наш дом, дом нашего спасения, будет тверд. А если мы ослабеем, то можем всегда в молитве призвать Иоанна Предтечу. Вот неохота посуду мыть – надо помолиться: "Иоанн Предтеча, ты исполнил свой долг как пророка до крови, до смерти, а тут мне, собственно, ничто не угрожает. И хотя мне не хочется этого делать, но надо, помоги мне". Или кто-то из родственников требует от нас внимания, а мы устали, нам хочется отдохнуть. Легче всего сказать: слушай, отстань, отвяжись от меня. Это очень легко и привычно, мы очень привычно хамим самым близким родственникам. Ведь они же не обидятся, они простят. Гораздо труднее повернуться к человеку. И когда у нас нет сил на это, мы опять можем призвать в молитвах Иоанна Предтечу. Он знал, что он пророк, что он должен быть гласом

вопиющего в пустыне, что он должен приуготовить путь Спасителю, взрыхлить почву, на которую упадет семя – слово Божие. И он знал, что наградой ему за это будет только смерть, и, несмотря ни на что, свое служение исполнил до конца.

Вот так и мы должны знать, что если мы честно, и благородно, и пунктуально будем выполнять свой долг во всех деталях, то награды никакой не получим никогда, нас никто не превознесет. Когда мы дома для своей семьи будем что-то делать, все примут это как должное. И именно то, что мы делаем не ради славы, не ради "спасибо", а просто так, – это-то именно и ценно, это Богом и принимается – потому что ты делаешь не для похвалы, не потому, что "хочу так", а именно для того, чтобы исполнить свой долг, чтобы Богу угодить. Вот как это важно. И мы в таких простых, самых обыденных вещах можем Богу служить. И да поможет нам в этом сам пророк Предтеча и Креститель Спасов Иоанн. Спаси, Господи!

Крестовоздвиженский храм, 10 сентября 1986 года, вечер

Начало церковного новолетия

С тех пор, как человек отпал от Бога и стал смертен, возникло время, которое отсчитывает нам дни, часы и годы. И все наше богослужение живет во времени. Сегодня заканчивается церковный год, завтрашний воскресный день совпал с новолетием. Весь круг церковных праздников начинается снова. И вот, как всегда, когда мы задумываемся о времени, мы невольно оборачиваемся назад. Мы живем в настоящем, но оно всегда миг, который невозможно уловить; будущее нам неведомо, и поэтому ум наш обращается на прошлое. Давайте оглянемся на прошедший церковный год и поразмыслим о том, что было нами упущено.

Начнем с православного богослужения. Оно устроено так, что одна часть его все время остается неизменной, а другая меняется. Полностью, досконально богослужебный круг повторяется раз в пятьсот с лишним лет. Поэтому никто, даже если он всю свою жизнь ежедневно утром и вечером ходит в храм, не может дважды попасть на одну и ту же службу, каждая служба уникальна. И при внимательном созерцании эта разница видна, хотя на первый взгляд все вроде бы похоже. Вот как две березы – кажется, что они одинаковы: стволы белые, листики зеленые с зубчиками; а если приглядеться, то они разные: у одной такие сучки, у другой другие, и листики разные, и количество их не совпадает. У Бога в Церкви так же, как и в Его творении, полное разнообразие.

В богослужении каждый участвует – а оно предполагает именно участие – в ту меру, в какую он способен. Одному служба навеивает некие чувства, и он этим ограничивается; другой участвует в нем слухом; третий только зрением – смотрит, что происходит, а в слух ничего не входит. Кто-то участвует и умом – старается вникнуть в смысл происходящего и в смысл читаемого и пемого. А иной еще в сердце все опускает, то есть не просто следит за службой, а молится духом, каждое произнесенное слово становится и его молитвой.

Отцы называли богослужение жизнью во Святом Духе, потому что познание Бога совершается в молитве, а через богослужение мы учимся молитве и учимся вечной жизни, которая есть также познание Бога. Из этой временной жизни мы все перейдем в вечность, но она будет у каждого своя. Как жизнь здесь у всех разная, так и вечность нам предстоит разная. Но если в земной жизни наблюдаются некие изменения: мы стареем, умнеем или, наоборот, глупеем от времени, – то там такого изменения нет. Известно, что от того, насколько мы здесь духовно преуспеваем, и зависит наша вечная участь.

Что происходит с человеком, с его душой, когда он покидает этот временный мир? Если он сподобляется вечной жизни, то есть созерцания Бога, то непрестанно славословит Бога. Именно поэтому апостол Павел заповедал нам непрестанно молиться – для того, чтобы стяжать этот дар. Чтобы всегда, и днем, и ночью, что бы мы ни делали, мы своим умом, сердцем прославляли Бога и тем самым подготовили себя к вечности. Потому что в вечной жизни не нужно будет ни хлеб сеять, ни в очереди стоять, ни рубашки гладить – там только одно занятие: либо страдать от своих страстей, которые будут разрывать нас на части, либо славословить

Бога.

И через православное богослужение мы учимся славить Бога. Поэтому каждый раз, когда мы приходим в храм, независимо от того, понимаем мы или не понимаем, что здесь происходит; чувствуем что-то или не чувствуем; независимо от того, все слова молитвы входят в наш ум или какая-то только маленькая толика, – все равно мы посещаем великую школу молитвы, где учимся "молиться духом, молиться и умом", учимся молиться душой и нашим сознанием. Чтобы это учение было успешно, нам надо стараться вникать в богослужение. Каждый праздник, который мы пропустили, есть невозвратная потеря, потому что любой день в православном богослужении имеет великое назидание и свои особенности, он имеет свое чтение, свой тропарь, свою духовную окраску.

Каждый раз, когда мы пропускаем службу – по лени и нерадению или в силу каких-то обстоятельств, которые не дают нам возможности прийти в храм, – нам надо об этом скорбеть. Время течет, праздник уходит, и мы как бы не изучаем того, что могли бы изучить. Хотя, к сожалению, и когда мы пребываем в храме, участвуя в богослужении, многое проходит мимо наших ушей. Нам нужно еще очень долго привыкать, очень долго настраиваться и долго еще учиться молиться. Вот как ребенок – он же не сразу учится читать: сначала по слогам, потом отдельные слова, потом предложения; а потом он еще бесчисленное множество лет делает ошибки в этих предложениях – сначала орфографические, буквы пропускает; потом учится запятые правильно расставлять.

Так же и в духовной жизни мы постоянно учимся. И оглядываясь на прошедший год, каждому из нас надо подумать: ну а чему я, собственно, научился, что я познал в этом году, к чему пришел? Вот прожил год и ходил этот год в храм. Было ли это просто хождение либо это было все-таки следование умом и сердцем за течением праздников, этих великих уроков, которые преподает Церковь, – уроков благочестия? Что я познал из закона Божия хотя бы умом, что начал из него воплощать в своей жизни?

Нам нужно наблюдать за собой. Но как это возможно? Господь сказал: "Царство Божие не приходит приметным образом". Поэтому, вглядываясь в свою душу, мы не можем понять, близки мы к Богу или далеки, не можем познать свою высоту или низость и степень своего падения, ибо нужно обязательно смотреть со стороны. Но тем не менее существуют некие вехи на нашем пути, которые мы можем и обязательно должны наблюдать для того, чтобы нам, "забывая заднее, простираться вперед", как апостол Павел нам заповедал, а не топтаться на месте.

Вот начинается новолетие, мы как бы поступаем в новый класс этой духовной школы, где Церковь через свои праздники, через свои песнопения, через чтение святых Писаний будет нас учить Царствию Небесному, учить приобретать те навыки, которые необходимы для жизни духовной, и искоренять те навыки, которые этому препятствуют.

Каждый из нас по крещению является сыном Божиим. Попробуем сравнить то царское достоинство, которое мы имеем от Христа, со своей собственной жизнью, и мы увидим, что она никак не соответствует тому высокому призванию, которому мы должны следовать. В человеке все состоит из привычек. Мы привыкли ко греху, привыкли к мирской жизни, нам очень трудно "из грязи выбраться в князи". И чтобы двигаться в духовной жизни, нужно прежде всего преодолеть этот греховный навык.

Какие вехи существуют на этом пути? Во-первых, надо начать это движение? Сначала необходимо приучить себя постоянно, неуклонно посещать храм – как ребенку, прежде чем научиться чему-нибудь в школе, надо выработать навык ежедневно в школу ходить. Когда первоклассник впервые приходит с урока, мама спрашивает: "Ну, что вам сегодня рассказывали?" А он ничего не помнит, потому что еще не научился запоминать того, что слышал. Перво-наперво в школе даже и заданий на дом не задают; ребенок сначала должен приучиться ходить в школу.

Посему требовать какого-либо духовного развития или понимания духовной жизни от человека, который постоянно не ходит в храм, просто бессмысленно. И чему-то научить человека, исправить его, если он не ходит на богослужение, практически невозможно. И чем-то помочь человеку в его духовной борьбе в этой жизни тоже затруднительно. Посещение храма – это первое и главное условие. Тем из нас, у кого такого навыка еще нет, надо его приобрести,

потому что в противном случае их духовная жизнь, скорее всего, так и не сможет начаться.

Для начала надо научиться ходить на воскресную службу – в субботу вечером и в воскресенье утром. Это центр нашего богослужения, его апогей, вершина седмичной службы. Потом необходимо посещать двенадцатые праздники – двенадцать самых главных праздников года. Многие скажут: я работаю; как я могу прийти, если праздник совпадает с будним днем? Да, ты не можешь прийти на Божественную литургию, но на всенощное бдение прийти не только возможно, но и нужно, потому что вся литургическая красота данного праздника раскрывается именно во всенощном бдении, которое есть подготовка к кульминации, к литургии. Приходя на него, мы можем духовно участвовать в тех праздниках, которые есть в церковном году. Это первый этап.

Но иной этот навык уже приобрел, и не только навык, но и любовь к богослужению, к которому он стремится, которое он стал понимать и чувствовать. Чувствовать его красоту – не земную, а Небесную, потому что через богослужение мы приобщаемся к Небесной жизни, оно направляет наш ум на высокие предметы богословия и все время взывает к нашей совести и покаянию. Что делать дальше?

Второй этап – это рассматривание собственного сердца. Нужно смотреть, что в нашем сердце происходит. Каким образом можно это делать? Через те поступки, которые мы совершаем. Второй этап духовной жизни заключается в том, что в течение дня нам надо смотреть за собой: что мы делаем, что говорим, как себя ведем, и сравнивать это с тем, чему учит нас Святая Церковь через богослужение и через Евангелие. Тогда мы увидим множество поступков, прямо противоречащих тому, чему учит Господь. Вот эти дела, мысли, слова, противоречащие закону Божию, противоречащие воле Божией, и есть грех, который нам мешает взойти на Небо.

И чем больше мы будем ходить в храм, тем больше будем видеть в себе грехов. Если мы каждый день не видим в себе бесчисленное множество грехов, значит, мы еще не вступили во второй этап своего духовного развития, не положили еще начало покаянию, и нам нужно вновь и вновь ходить в храм, вновь и вновь просить у Бога Его милости, – просить до тех пор, пока не откроется у нас духовное видение. Оно заключается в том, чтобы увидеть, что мы люди грешные, что мы постоянно противимся воле Божией и вольно, и невольно.

Когда мы это увидим, можно будет сказать, что мы начали духовно прозревать, начали ощущать свою духовную несостоятельность. И если, познав свой грех, мы будем продолжать ходить в храм, продолжать молиться, каяться в своих грехах, то почувствуем, что грехи в нас как будто увеличиваются. Начиная ходить в храм – вроде ничего особенного не замечал за собой, а чем больше хожу, тем становлюсь более грешным. Нет, на самом деле более грешным не становишься, а просто больше видишь в себе духовных болезней. Это видение духовных своих недугов есть начало духовной жизни.

После этого человек вступает в следующий этап своего духовного развития – самый длительный, самый трудный. Он заключается в том, что человек искореняет в себе те грехи, которые видит, и по мере искоренения начинает видеть все новые и новые. Увидел в себе какой-то грех и стал с ним бороться. На эту борьбу может уйти очень много времени. И человек задумывается: в чем же дело, почему борьба моя unsuccessful? Я замечаю в себе грех, я с ним борюсь, я прошу помощи Божией, я причащаюсь Святых Христовых Тайн, но все как бы топчусь на месте, пробуксовываю. Тогда он начинает понимать, что каждый грех – это всего лишь побег, у которого есть свой корень, и, пока не истребить корень, побег будет продолжать зеленеть, грех будет цвести. Бесполезно сорняк подрезать, он вырастет снова, надо обязательно вырвать его с корнем.

Наблюдая за собой, за своей жизнью, за своими греховными проявлениями, мы можем определить свои главные духовные заболевания, которые святые отцы называют страстями, что в переводе со славянского значит страдания. То есть мы переходим в такую стадию, когда грех становится уже не радостен и сладок, а ненавистен и приносит нам страдания. Апостол Павел говорит: "Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю", потому что "живет во мне закон греха". Когда мы познаем главную страсть, которая действует в нас, мы все силы своей души должны употребить на ее искоренение. Тогда по мере истребления одной страсти будет выявляться другая; по уничтожении другой будет проявляться третья. И так всю

жизнь до тех пор, пока мы полностью не очистимся от страстей. Подай, Господи!

Полное очищение от страстей и есть чистота сердечная. Тогда человек становится бесстрастен. Бесстрастный не значит невозмутимый – нет, это тот, у которого в сердце уже нет никаких греховных страстей; у него только одна страсть – любовь к Богу. Она проявляется в любви к ближнему и вообще ко всему живому и неживому творению Божьему. Если нет любви к ближнему, нету любви ко всякому творению, значит, собственно, и нет любви к Богу. А если нет любви к Богу, значит, есть любовь к чему-то еще – к различным идолам, грехам, потому что наши страсти нудят нас к ним.

Достигнув очищения сердца от страстей, мы узрим Бога, мы с Богом будем общаться непосредственно. Если сейчас нам нужно сквозь толщу помыслов, рассеяние, лень, сонливость, еще кучу всяких вещей прорываться к Богу, как бы кричать из глубины души, взывать к Нему, то тогда общение с Ним будет ничем не затруднено. Но для этого нужно очень долго работать. И тогда мы узнаем, что такое непрестанная молитва, чистое созерцание Бога, подлинное безмолвие. Можно себя приучить постоянно бормотать какое-то слово, выработать такой навык, но непрестанная молитва – это совсем другое. Она должна быть именно сердечной, в ней должно участвовать сердце. А участвовать оно может только в том случае, если оно очищено от страстей.

Если же человек пытается достичь сердечной молитвы, не очистив свое сердце, он становится часто бесноватым. Многие люди, еретики или заблуждающиеся, пытаются с помощью Иисусовой молитвы войти в какие-то духовные состояния, но они, кроме сумасшедшего дома, в результате ничего не получают, потому что со свиным рылом лезут в калашный ряд. Поэтому даже некоторые чудаки говорят: нельзя Иисусову молитву читать, с ума сойдешь. Нет, не сойдешь, если будешь совместно с молитвой совершать очищение своего сердца от греха. Нужно прежде очистить сердце, а уже потом стремиться к высоте созерцания Божества.

Это состояние очищенного сердца и неотступного предстояния Богу и есть святость, потому что в чистом сердце обычно поселяется Дух Святой. Человек тогда становится пророком, становится рабом Божиим, он, собственно, уже не живет для себя и, как апостол Павел, может сказать: "Не я живу, но живет во мне Христос". У него и мысли, и слова, и дела, и внешность – все Христово. Он как живой Христос, потому что является частью Тела Христова, целиком становится членом Церкви. И если Господь сразу не забирает его на Небеса, то только по одной причине, что, может быть, у него есть какие-нибудь особенные дарования, которыми он может послужить Богу на земле, то есть людям.

У Бога только одна забота: как бы людей привести на Небо. И если кто-то имеет к этому способности, Господь, бывает, оставляет его в мире для того, чтобы он потрудился. Человек уже предпринял труд для очищения своего сердца, но может еще потрудиться для очищения сердец других. Серафим Саровский так говорил: "Стяжи мирный дух, и вокруг тебя спасутся тысячи". Если где-нибудь заводится святой человек, вокруг него сразу тысячи спасаются. И чем более свят человек, чем больше он облагодатствован Святым Духом, тем больше количество спасаемых людей вокруг нас.

Бывают такие ослепительные святые, которые спасают сотни тысяч и даже миллионы людей. Например, Сергей Радонежский. Он обладал такой благодатью, что спас не только себя и монахов, своих учеников (десятки их стали святыми), – он всю Россию перевернул своей святостью, собрал ее воедино так, что она смогла выйти из того страшного тупика, в котором находилась во время татаро-монгольского пленения, попущенного россиянам за их грехи, за отступление от Бога, междоусобицу, нарушение закона любви. Господь попустил им побыть под татарами, чтобы они немножко, так сказать, очухались, а потом послал Сергия Радонежского, собравшего все духовные силы Руси воедино, – и создалось заново наше государство, в котором мы с вами, слава Богу, живем.

Вот такой путь и нам всем предстоит, только каждому в свою меру. А начало его – посещение храма. Все мы ученики, все мы в начале этого пути, и от этого начала зависит дальнейшее. Дом всегда строится с фундамента. По милости Божией, все мы, каждый из нас вступает в новолетие, в новый церковный год. Пусть этот год не пройдет зря, пусть он пройдет так, чтобы мы хоть что-то усвоили. Господь через скорби, через болезни, через всякие

жизненные обстоятельства будет нам помогать усваивать эту духовную науку, эти теоретические знания, которые мы приобретаем на богослужении. То, что мы недоделаем: недомолимся, недопостимся, недопоймем, как бы пропустим эти теоретические занятия, – мы будем усваивать уже на практических занятиях, живя обычной жизнью. Мы будем падать в грехи, расшибать себе нос, скатываться вниз, карабкаться вверх и все начинать сначала. Может быть, будем оставаться на второй год.

А многие остаются не только на второй год, но и на третий, а часто и на сороковой. Потому что, к сожалению, некоторые нерадивые по сорок лет в храм ходят, но никакого развития в них не происходит, не прибывает в них любовь. А раз не прибывает, значит, они не стали Христовыми, еще не поняли самого главного закона христианства – закона любви. Раз это человеку не понятно, значит, до сих пор его хождение в храм бессмысленно. Потому что Церковь существует не для того, чтобы молебны и панихиды служить, поминать о здравии и за упокой. За здравие и за упокой молятся и у мусульман – пойдите в мечеть да помолитесь.

В чем отличие Православия? Православие есть жизнь во Святом Духе. Нам дано колоссальное сокровище: будучи людьми грешными, недостойными Царствия Божия, не имеющими на душе даже светлого пятна, тем не менее, по милости Божией, мы можем стоять на Небесах. И каждый раз, вступая в храм и участвуя в богослужении, мы стоим на Небе: "В храме стояще славы Твоея, на Небеси стояти мним". Это воистину так, с тех пор, как Христос пришел на землю и основал Церковь – это Небо, сошедшее на апостолов в Духе Святом. Господь основал Церковь, чтобы нам через нее восходить на Небо. Поэтому чем больше мы умом, сердцем, чувствами, всем нашим составом вникнем в эту жизнь церковную, в церковность, в ее благодатный закон, тем больше будем приобщаться Небесной жизни, тем больше будем приобщаться Христу, вечности, то есть тому, что для нас всех уготовано и, возможно, очень скоро нас ждет.

И суд Божий, собственно, в этом и состоит. Не думайте, что там будут подсчитывать, сколько раз ты поругался или сколько раз ты кому-то яблочко подарил, – нет. Суд состоит вот в чем: стоит человек перед Отцом, и сердце его известно Богу, он Богу открыт. И Господь смотрит, может этот человек жить в Царствии Божиим или нет. Если может, Господь его берет. Если не может, Он его отстраняет от Царствия Небесного "во тьму кромешную, где плач и скрежет зубовой". Можно сказать: ох, как ужасно! Нет, это не ужасно, это просто закономерно. Возьмем рыбу и птицу – рыба в воде плавает, ей там хорошо, а птица в небе летает, ей там хорошо. Но если их поменять местами, обе задохнутся. Вот так и человек: если грешника в Царствие Небесное поместить, он сгорит; и если праведника поместить в преисподнюю, он будет гореть. Поэтому каждому свое; на что способна душа человека, то он и приобретает.

Если мы хотим достичь Небесной жизни, созерцания Пресвятой Троицы, надо свое сердце очистить, чтобы уже здесь, на земле, приобщиться к Небу. Если мы этого не достигнем, будем свою жизнь проводить во грехах, то такую же греховную наследуем и вечность. Пока мы еще здесь, на земле, у нас есть возможность покаяния, исправления, очищения, а при переходе за гроб этой возможности уже не будет. Как человеку, кончившему школу, если он там ничему не научился, уже поздно учиться, надо было раньше. Наша жизнь – это тоже школа, некий университет. Получим мы доступ в Царствие Небесное или не получим и нас выгонят оттуда со второго или с третьего курса?

Господь все для нас сделал: Он дал нам прекрасный закон Божий, и Он нам Сам помогает эти духовные уроки учить, Сам нас исправляет, ведет, поддерживает, все о нас печется и заботится. Если у нас есть благодарность и любовь к Богу, то мы постепенно будем это чувство развивать, углублять до тех пор, пока в нашем сердце ничего не останется, только один Христос. Мы больше ничего не будем любить, ничто нам так не будет мило, только Он один. Мы к Нему одному прилипем, Ему одному будем служить, а все множество всякой суеты, в которой мы живем, померкнет.

Там, в вечности, не будет ничего из того, что составляет нашу теперешнюю жизнь. Там нас ждет либо вечное блаженство, либо вечное страдание. Блаженство от чистоты сердечной, потому что человек с чистым сердцем ни от чего не страдает, ничему не завидует, ни к чему мирскому не стремится, ему ничего земного не надо – он всем обладает, он обладает Самим

Богом. Бывает такое состояние, полнота всяческого обладания, когда ничего не нужно – ни хлеба, ни сокровищ, ни каких-то развлечений. Все просто теряет смысл, когда человек приобрел Бога, потому что по сравнению с Богом все ничто.

А если человек обладает страстями? То здесь хочется согрешить, то там – но как ни грехи, не нагресишься. И когда жизнь кончится, там уже греха не будет. Останется только одно желание, которое осуществить невозможно. Вот оно и страдание. Представьте человека, который сгорает от блуда – не год, не два, не миллион лет, не миллиард, а вечность. Как это страшно. А есть еще сребролюбие, объединение, многоспание, осуждение, гневливость, злопамятность – представляете, какой клубок? Что за жизнь мы там себе готовим, если не очистим свое сердце? Здесь мы на какие-то секунды можем ослабить огонь греха. Вот дико хочется выпить – ну выпил, и все, на душе легче. Здесь кто-то тебя обидел – взял напудал (обычно детям, ни в чем не виноватым); злобу сорвал – и на душе легче. А там-то не сорвешь, там эта злоба так и будет в тебе кипеть, она будет тебя жечь – вот она, геенна огненная. Страсти греховные останутся, а возможности их удовлетворить не будет.

А человек, у которого одна только страсть – Бог, эту страсть сможет удовлетворить; он будет непрестанно Бога созерцать и прославлять, непрестанно Богом любоваться; он будет жить с Ним одной жизнью. Вот это, собственно, и есть вечная жизнь, это есть спасение, это есть Царствие Небесное, это есть святость – как угодно можно называть.

С завтрашнего дня мы вступаем в новый класс. Если за предыдущий год мы чему-то научились, слава Богу, пойдем дальше, не будем топтаться на месте, не будем зря время терять – оно очень коротко. Наша жизнь, к сожалению, ничтожно коротка. Будем же трудиться для Господа, чтобы достигнуть Царствия Небесного. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 13 сентября 1986 года, вечер

Вторник седмицы 14-й по Пятидесятнице

Почему Господь Своим ученикам подробно изъяснял тайну Царствия Божия, а остальным говорил только притчами? Господь никогда не делает чего-то не имеющего спасительного смысла. Человек может быть в таком состоянии, когда говорить ему что-либо невозможно, бесполезно говорить ему про Царствие Божие, он все равно не поймет. Но и совсем ничего не говорить тоже жалко, потому что, может быть, придет время, оттаит его душа, и он сможет что-нибудь воспринять. Здесь на помощь приходит притча, то есть короткая, яркая история, которая легко запоминается. Евангелие много содержит этих рассказов, которыми Господь учил народ. Услышит человек притчу, и будет она в его памяти присутствовать, а в нужный момент заложенное ею семя может прорасти. В надежде, что оно прорастет, Господь эти притчи и говорил.

Царствие Божие нельзя передать обыденными человеческими словами; нельзя объяснить неподготовленному человеку, Кто такой Бог, что такое молитва; нельзя объяснить на словах, что такое духовная жизнь, или благодать Святаго Духа, или покаяние, или спасение, или смирение, или радость о Святом Духе. Как нельзя глухому объяснить, что такое Бах или Бетховен, а слепому – что такое Ренуар, или Тулуз-Лотрек, или еще какой-нибудь художник. Это невозможно, нужно просто ждать, когда человек прозреет, и тогда ему показать: разница между желтым и зеленым цветом вот такая, а между синим и красным такая. И потом постепенно возводить от простых к более сложным понятиям.

И вот Господь говорит притчи, сегодня они обращены к нам: "Замечайте, что слышите: какую мерю мерите, такую отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим". Каждый человек живет и устраивает свою жизнь по-своему, он сам себе определяет меру, как ему поститься, сколько ему в храм ходить, сколько молиться. Сам вот так на глазок, сколько ему хочется, столько и отмеривает: хочу, пошусь среду и пятницу, а хочу, не пошусь среду и пятницу – только Великим постом одну неделю перед причастием, и хватит. Хочу, в храм раз в месяц хожу, хочу, каждый день хожу, хочу, два раза в день.

Но какой мерой ты меришь, такой будет отмерено и тебе, то есть сколько ты усилий предпринимаешь для того, чтобы достичь Царствия Небесного, настолько ты к нему и приблизишься. Чем больше подвиг христианский, чем больше человек трудится, чем больше

эта мера, которою он свои шаги управляет в Царствие Небесное, тем он к нему ближе. Вот о чем эти слова. Что значит: "Вам прибавлено будет, слушающим"? Кто слушает слова Господни, у того потихоньку расширяется его духовный кругозор, тот постепенно возрастает в Царствии Небесном, оно незаметно в нем прибавляется.

"Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет". На первый взгляд вроде несправедливо: как же так, один имеет, а ему прибавляется, а другой не имеет, а у него отнимается и последнее. Что ж, Бог несправедлив? Нет, здесь просто речь совсем о другом, не о том, чтоб богатому богатеть, а бедному беднеть. Речь идет о духовной жизни. Если у человека есть вера и он возгревает ее чтением Священного Писания, молитвой, исполнением заповедей Божиих, то она прибывает. Если имеет человек благодать – а каждый крещеный человек хоть маленькую толику благодати, но обязательно имеет, – и возгревает ее, увеличивает в меру своего подвига, то в нем благодать прибывает. А если он не трудится над своей душой, то у него отнимается и то малое, что он имеет. Наступает смерть, и все земное, что у человека было (а у него на земле есть два блага, духовное и материальное), отнимается, остается только духовное. И если духовного человек не приобрел, то он остается ни с чем, то есть жизнь его прошла впустую.

Дальше Господь говорит о Царствии Божиим и о том, как мы его приобретаем: "Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва". Царствие Небесное в человеке растет незаметно, недаром Господь сравнивает прибавление Царствия Небесного в человеке с ростом колоса. Вот посади семечко и смотри, хоть ночью выходи, хоть днем, все равно не увидишь, как зерно прорастет, как стебелечек появится, как колос будет расти, как он зерном наполнится, – все происходит совсем незаметно для самого человека. Он живет, старается, молится, постится, впадает в грехи, кается, встает, начинает опять все сначала, и ему кажется, что ничего с его душой не происходит. А на самом деле ум его светлеет, понимание углубляется, он начинает различать то, чего раньше не различал. Сначала, придя в храм, он еще ничего не понимает, не чувствует, для него все чуждо, незнакомо, странно. А через годик-другой, глядишь, многое из того, что было непонятным, стало понятным; и так постепенно, постепенно растет в человеке Царствие Божие. А когда колос созреет, наступает жатва. Жатва – это смерть. Смерть приходит, и Господь сжинает эти колосья. Цель нашей земной жизни – приобрести Царствие Небесное, поэтому, когда человек, потрудясь на земле, приобрел себе Царствие Небесное, жизнь земная уже просто ни к чему. Ну что еще здесь делать? И Господь человека берет к Себе.

"И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какую притчею изобразим его? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные". Когда у человека возникает вера в Бога, его стремление приблизиться к Богу еще очень мало. Те часто греховные желания, которые кипят в душе, заслоняют это стремление. Человеку хочется пить, есть, спать, веселиться, гневаться, завидовать, ругаться, злиться, мстить, блудить, хохотать, но где-то уже это семечко в его душе присутствует: ему также хочется тишины, смирения, покоя, любви, Царствия Божия, ему хочется приблизиться к Богу.

И вот по мере возрастания в человеке Царствия Небесного все остальные его желания начинают угасать, потому что человек постоянно делает выбор между грехом и Царствием Небесным. И постепенно так перестраивается, перековывается до тех пор, пока в его душе не останется одна вожденная мысль: он хочет только Царствия Небесного и больше ничего. Ему уже не надо ни детей, ни внуков, ни денег, ни сберкнижки, ни пенсии 120 рублей – ничего; это его абсолютно перестает волновать. Ему совершенно неважно состояние собственного здоровья. Ему важно только одно: угоден он Богу или нет, хорошо он поступает или нехорошо. Эта мысль постепенно подчиняет себе всю его жизнь.

Пока этого нет, человек еще нетверд: он вроде и Богу молится, и посты уже начал соблюдать, и в храм ходить, но еще путается в нем мирское и духовное и он часто делает нечто противоречащее заповедям Божиим, поскольку не понимает, что, собственно, цель молитвы,

поста, посещения храма, чтения Священного Писания только одна – приобретение Царствия Небесного, – поэтому всякий поступок, идущий вразрез с достижением Царствия Небесного, не должен иметь места. Но человек, по привязанности, по ослепленности греховной еще много и долго будет согрешать, прежде чем окончательно не поймет, что едино есть на потребу, что на самом деле нужно только одно – постоянно искать Царствие Небесное. И когда он найдет Царствие Небесное, когда приобретет его, когда Царствие Небесное вырастет в его душе, тогда все остальное, вся мирская жизнь: и семья, и воспитание детей, и отношения на работе, и пенсия – устроится само собой, Сам Бог устроит. Часто даже диву даешься: как и откуда это берется?

Я был знаком с одной женщиной необычайных христианских добродетелей, при этом очень простой, малограмотной; она сейчас уже умерла. У нее было много детей, семь человек, но все как на подбор, не дети, а ангелы. В наше время это просто какое-то чудо. Вот говорят, в семье не без урода, но тут ни одного урода. И все снохи одна к одной, и все внуки ну просто замечательные. Как достичь, что семеро детей, и все так хороши, и все прекрасно воспитаны, и все верят в Бога, и у всех есть жены, и отношения в доме нормальные, и никто не в разводе? Люди книги читают, стараются, изобретают, консультируются, как ребенка воспитать. Ведь это такой тяжкий труд, нужно колоссально много ума. Это же не просто вырастить какую-нибудь яблоню или рябину – это ведь живой человек. Спрашиваю: "Как вы детей воспитывали?" "Никак, – говорит, – ничего особенного не делала". Я говорю: "Ну, может, наказывали или учили?" – "Нет, только слезами их воспитывала". – "Как слезами?" – "Ну вот он начинает что-нибудь не то делать – я к иконам и плачу: "Матерь Божия, помоги!"

Вот жил святой человек и искал Царствие Небесное, и Господь все Сам управил. Она как-то специально не думала над тем, как ей дом содержать, как воспитывать. Болела себе, потом уже, в последние годы жизни, ослепла даже совсем. Так жил человек потихонечку, а вокруг него все само делалось. На самом-то деле, конечно, не само, а благодатью Божией, потому что благодать Божия все созидает. Вот приедешь в монастырь, смотришь: коровы у них гладкие, шерстинка к шерстинке, кругом подметено, цветы растут, все сияет, блеск, чистота, порядок, дисциплина. Спрашивается, неужели там какие-то другие люди живут, чем в соседнем колхозе? Почему в колхозе все разворочено тракторами, все заплевано, все пьяные, коровы тощие, молока не дают? Почему в монастыре 25 литров дают, а здесь три, в чем разница?

Где благодать Божия присутствует, там она все созидает, там все начинает расцветать. Преподобный Сергей Радонежский ушел в дремучий лес, где только одни медведи, больше ничего, ни дорог, ни тропинок. Пожил, пожил, и стало все вокруг преображаться, стали даже князья ездить и бояре. Построили монастырь, и город, и церкви, и все позолотили, и все стало сиять. А с чего началось? С одного Сергея. Пришел он и благодать Божия с ним – и все начало расцветать. Так и апостол Павел ездил по Средиземноморью; куда ни приедет, там как в сказке: Илюшенька махнул рукой – улочка, отмахнулся – переулочек. Так и он: пришел, проповедь сказал – смотришь, Церковь образовалась, люди веруют во Христа, молятся, каются в грехах, причащаются. Пошел в другую страну, сказал проповедь – и новая Церковь возникла. И так просветил сотни тысяч человек. Он говорит: "Я более всех... потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною".

Приобретение человеком благодати Божией – это есть Царствие Небесное. И если жизнь наша таким образом устроится, что мы не только поймем умом, но и всем сердцем возжаждем благодати Божией, возжаждем Духа Святаго, возжаждем быть святыми и отторгнемся от этого мира, не будем к нему прилепляться и нами ничто в мире не будет владеть, то это не значит, что мы в этом мире все потеряем, будем сидеть голодные, не во что нам будет одеться. Наоборот, Господь, видя, что мы изо всех сил стараемся искать Царствие Божие, нам все приложит, что необходимо даже для нашего земного бытия, потому что Господь заботится обо всех – о людях, о птицах, насекомых, зверях. Если бы мы не истребляли зверей, все было бы ими наполнено, потому что Господь всех питает, о всех промышляет.

Но птицы, звери и насекомые живут полностью в согласии с волей Божией: как Господь ограничил их инстинктом, так они в его рамках и существуют. А человек инстинктом не ограничен, он свободен, потому что у него есть разум. И по этому разуму он и должен выбирать, как ему жить, что ему делать, какой мерою мерить. Если мы меру свою любви к Богу,

к Церкви, к Священному Писанию, к заповедям Божиим будем день ото дня увеличивать, то так же возмерится и нам. Мы достигнем Царствия Божия только в том случае, если потрудимся, но в Царствии Небесном обитатели разные. Совершенно очевидно, что никто из нас, сколько бы он ни трудился, не достигнет меры апостола Павла, Серафима Саровского или Пресвятой Богородицы. Каждому своя мера, каждому от Бога дана своя благодать.

Главная наша цель – хоть последними, но оказаться в Царствии Небесном, перейти отдаляющую от Бога пропасть греха. Много в нашей жизни уже потеряно, многое мы растлили, многие таланты, которые даровал нам Господь, втоптали в грязь. Мы похожи на человека, который упал с горы, переломал себе кости, проломил череп. Теперь мы вроде начинаем выздоравливать, но все еще остаемся духовными калеками, и опять подниматься в гору нам очень трудно, и, конечно, достичь самой высоты мы не сможем за эту жизнь. Но все-таки хотя бы от земли приподняться, чтобы хоть один шаг на Небо сделать – это мы не только можем, но и должны. И Господь, видя, что мы действительно этого хотим, обязательно будет нам помогать.

Только надо быть честными перед Богом, потому что это человека можно обмануть, а Бога – нет. Бог видит наше сердце, Он знает нас насквозь, знает все наши желания, все наши мысли, все чувства; мы совершенно открыты перед Ним. И Господь смотрит, куда наше сердце устремляется, к земле или к Небу; чего мы больше хотим: здесь, на земле, устроиться, чтобы все у нас было благополучно и хорошо, или все-таки нам дороже Царствие Небесное, а земную жизнь, тот крест, который Господь нам дал, мы уж как-то согласны потерпеть. Каждый входит в Царствие Небесное по желанию. Господь так и различает: хочешь в Царствие Небесное – входи, не хочешь – двери закроются. Только, если ты не хочешь, не говори, что хочешь. Бывает, человек делает одно, а говорит совсем другое. Если кто-то говорит: "Я люблю Бога, ничего мне, кроме Бога, не надо", но сам палец о палец не ударит для Царствия Небесного, то эти слова – ложь.

Апостол Иоанн Богослов говорит: любящий Бога любит и брата своего. Невозможно, допустим, любить Бога и пребывать с кем-то в ссоре. Поэтому если человек действительно возжелает Бога, он будет постоянно преодолевать рознь, вражду, преодолевать в себе грех. Господь так и сказал: "Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди". Не та дочка любит мамочку, которая говорит: "Ой, мамочка моя миленькая", и на шею только ей бросается, когда она и так с двумя тяжелыми сумками, – а та, которая маме старается помочь, облегчить ее жизнь, не «сю-сю» разводит, а реально заботится о ней. Потому что любить – это значит жертвовать собой ради другого, вот как Господь доказал нам Свою любовь – отдал Сына Своего Единородного на смерть, чтобы нас, окаянных, спасти.

Поэтому если мы хотим быть с Богом, мы должны отвергнуться себя, своих похотений, взять крест свой и следовать за Христом. Надо себя нудить, заставлять: не хочешь молиться – а ты себя заставь; не хочешь в храм идти – а иди; хочешь есть, как свинья, все подряд – а ты себя понудь поститься. Надо все время преодолевать свою греховную природу. Вот он тебя обидел, ты хочешь ему отомстить, в голове у тебя крутится: надо было мне ему это сказать, надо было то, вот он такой, вот он сякой. А ты все-таки переломи себя, поступи по заповеди Божией. Господь как учит: "Молитесь за обижающих вас". Вот и помолись: "Господи, дай ему здоровья, ему и его деточкам, пошли ему Царствие Небесное, пошли ему всякое благополучие; Господи, не наказывай его за его прегрешения, прости, и помоги, и помилуй". И если мы сделаем над собой такое нравственное усилие, у нас и злоба пройдет против человека, и сердце наше оттает, и мы на шагок приблизимся к Царствию Небесному.

Заповедей много, и все их надо соблюдать. Что толку, если мы все исполним, а одну нарушим. Это как взойти на гору, а потом оступиться и слететь назад и опять начинать все сначала. Важно, как мы к своим грехам относимся, видим ли их в себе, боремся ли с ними или нет. И если мы против каждого греха, который есть в нашем сердце, боремся, Господь видит эту борьбу и нам помогает. А если мы рукой махнули, считаем, что это неважно? Как многие говорят: "Во всем грешен, все мы грешные". Все мы грешные? Хорошо, все пойдем в ад, в геенну огненную. Так, что ли?

Христианин должен стремиться к святости, стремиться изо всех сил. Из всех сил стараться преодолевать в себе грех, преодолевать в себе зло, клевету, болтливость, объедение,

сребролюбие – все, что есть греховного. И если мы это будем делать, тогда Царствие Небесное в нас будет возрастать.

Вот, собственно, о чем эти притчи из Священного Писания, которые мы сегодня читали, и нам надо их запомнить. Прежде всего об этом семечке, которое попадает в землю. Оно самое маленькое из всех семян, а потом вырастает такое большое дерево. Пусть этот образ в нашу память западет, чтобы мы всегда думали о том, проросло ли семечко, которое Господь в нас заложил, дало ли какой-нибудь росток, листики-то есть какие-нибудь или все пока еще одни почки, то есть мы еще почву не удобрили, слезами не полили эту землю и ничего пока на ней не растет. Семя-то есть, а условия не позволяют ему расти. Так вот надо создать условия для того, чтобы вера, благодать Божия в нашем сердце возрастали. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 23 сентября 1986 года

Попразднство Воздвижения и неделя по Воздвижению

Воскресное Евангелие, которое мы сегодня читаем, повествует нам о том, как Мария Магдалина пришла ко гробу и ей явился Господь. Она была первым человеком, увидевшим воскресшего Христа. Почему Мария сподобилась такой чести, ведь изначально она была вовсе не самой праведной, и недаром о ней говорили, что Господь изгнал из нее семь бесов? Святые отцы усматривают у человека семь главных страстей, которые нами руководят в жизни; и можно предположить, что все эти страсти, которые воспаляются от бесов, присутствовали в Марии Магдалине. Для того, чтобы она познала Сына Божия, Господь изгнал бесов, то есть освободил ее от страстей, но явился Он ей первой не поэтому. Мария возлюбила много – она очень любила Христа, и вот за такое ее сердце, открытое Христу, Он пришел, чтобы ее утешить. И она пошла, как сказано в Евангелии, и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим. Но они, услышав, что Он жив и она видела Его, не поверили.

После этого Он явился в ином образе двум другим ученикам. Лука и Клеопа шли в Эммаус, и повстречался им Путник, Который из Священного Писания доказал, что то, чему они удивляются – что Христос распят, – должно было произойти, что Он должен был пострадать. И когда они сели вместе ужинать, Господь преломил хлеб, и они узнали Его в преломлении хлеба. Они тут же вернулись в Иерусалим к братьям и сказали: Христос жив, Он будет встречать нас в Галилее, идемте туда. А те опять не поверили.

Наконец, Он явился одиннадцати, возлежащим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшим не поверили. И сказал: "Идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет". Марию ученики хорошо знали. Знали, что она уже давно отошла от греховной жизни и ей нет никакой нужды обманывать. Лука и Клеопа тоже были их друзья и вместе с ними ходили за Господом, слушали Его слова. И вот они говорят, а им не верят. Отчего это происходит? Господь через Евангелие отвечает: Он "упрекал их за неверие и жестокосердие". Жесткое сердце не дает человеку веровать. Человек свое сердце так ожесточил, что оно стало твердым и в него не проникает слово истины. Отсюда сомнения в истине. Про маленького ребенка говорят: он наивный, доверчивый, потому что верит тому, что ему скажут. А когда становится постарше, взрослые развращают его ум своей лживостью, чистота и прямота души уходят от него, и он начинает сомневаться: а правду ли они говорят, можно ли им верить? Ведь они одно говорят, а делают совсем другое. И сердце его начинает все более и более ожесточаться от этой лжи, от этого служения дьяволу, который отец лжи.

Вот мы читаем Евангелие (многие его даже несколько раз уже прочли), мы слушаем проповеди, а жизнь наша не меняется. От чего это происходит? От того, что ум наш и ухо воспринимают слово, а сердце жесткое не пускает его в себя. Господь сказал: "Не судите – не судимы будете", а мы осуждаем. Господь сказал через апостола: "Всякий гневающийся на брата своего есть человекоубийца", а мы продолжаем людей убивать своей злобой, раздражительностью, гневом. Господь сказал: "Не пожелай того, что тебе не принадлежит", а мы проявляем зависть то в одном, то в другом. И так постоянно. Получается, нам хоть кол на голове теши. Мы ходим в церковь, делаем поклоны, читаем утренние и вечерние молитвы, причащаемся, некоторые даже читают книги святых отцов о молитве, о подвиге, о том, как

избавиться от страстей, – но все как об стену горох, в нас ничего не входит. Мы вроде числимся в учениках Христовых, но, когда слышим слово Христово, мы его отвергаем, потому что не верим.

Если бы мы действительно поверили словам: "Не судите – не судимы будете", то устрашились бы осуждать. Если бы мы действительно поверили словам, что всякий гневающийся на брата есть человекоубийца, то не гневались бы. Если бы мы действительно поверили словам, которые Господь сказал: "Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим" – мы бы обрели этот покой. Но мы не верим этому. Мы эти слова слышали, мы их запомнили, мы их знаем, но в сердце наше они не входят; не происходит этот благодатный процесс, когда из ума они опускаются в сердце; сердце наше не принимает истины.

Господь сказал: "Кто уверует и крестится, спасен будет, а кто не верует, тот осужден будет". Осужден будет несмотря ни на что: на то, что он в церковь ходил, молитвы читал, причащался Святых Христовых Таин. Потому что если бы человек веровал словам Господним, он бы свою жизнь исправлял. А он не верит, ему не страшно, что его ждет геенна огненная, он не боится смерти и того, что будет суд Божий. Человеку не страшно и не стыдно, потому что сердце его представляет собой твердыню несокрушимую. Он знает, что делать дурно нельзя, но нахально делает. Знает, что нельзя завидовать, – и завидует. Знает, что нельзя блудить, – и блудит. Или знает, что в храм надо ходить, – и не ходит, до того обнаглел. Почему? Просто не верит. А тот, кто не верит, осужден будет, потому что знает и не делает того, что надо.

Мы все любим справедливость; если кто-то незаслуженно нас обидит, мы сразу возмущаемся. А один святой сказал: не называй Бога справедливым; если бы Бог был справедлив, ты был бы давно в аду. Бог милостив, и поэтому мы еще живем. За все наши грехи мы должны быть оплеваны, растерзаны, поруганы, преданы, избиты и убиты – так с нами надо поступить по справедливости. А Господь дал нам изумительную возможность, абсолютно умопомрачительную (в том смысле, что мы не можем этого постичь) – те грехи, которые мы сотворили в этой жизни, Он может нам простить. Господь имеет власть их прощать, потому что Он взошел на Крест для того, чтобы взять наши грехи на Себя, и умер именно за них. Нам даром дан великий дар – святое крещение. Дар, потому что его нельзя ни заработать, ни заслужить, ни купить. Мы по своей падшей природе совершенно не готовы к принятию этого дара. Нам дана эта благодатная возможность – святое крещение; нам дана хоть малая, но вера: мы же не сомневаемся в том, что Бог есть. Чего же нам не хватает? Нам не хватает того, чтобы эту чисто умозрительную веру сделать движущей силой нашего сердца. Умозрительную веру имеет и сатана, и все бесы; имел ее и Каиафа, который отдал на распятие Христа; и многие члены синедриона – они знали, Кого распинали, и все-таки Его распяли и не ужасались, потому что Христос был им ненавистен.

На словах мы вроде неплохо относимся ко Христу, нельзя сказать, что мы Его ненавидим, но получается так, что наша жизнь является постоянным поруганием Христа, мы как бы издеваемся над Богом. Мы носим крест, ходим в храм, дом наш украшаем иконами, мы молимся, прикладываемся, дерзаем даже крест целовать в знак того, что, дескать, Господи, мы Тебя любим. Но, выйдя за порог храма, а некоторые даже в храме, тут же от Христа отрекаемся, тут же Ему ругаемся, тут же Его поносим, на деле доказывая, что слова Христовы для нас пустой звук. Пустой звук то, что Христос за нас распят; пустой звук то, чему Он учил. Господь прожил страшно тяжелую жизнь, Господь пытался научить нас истине, а мы упорно, нагло этому противодействуем, хотим откупиться какими-то лицемерными внешними жестами, то есть обманываем. Но обмануть можно кого угодно, только не Бога, потому что Он смотрит на самое сердце наше. А сердце наше жестокое, и это жестокосердие мешает нам веровать, веровать истинно, по-христиански, так, как веровали святые, то есть получается, наша вера – это вера бесовская, не настоящая.

И пусть никто из нас не обольщается тем, что он верует в бытие Божие; в этом нет никакой заслуги, потому что только купленный человек или человек, совершенно превратившийся в животное, может сказать, что никакого Бога нет. Присутствие Бога очевидно, и Воскресение Христа – научно доказанный факт. Но это никого не удивляет и никого не приводит в трепет и в ужас. Мы и так, собственно, знаем, что Христос воскрес, но все равно

жизнь свою ведем не в зависимости от этого. Выходит, что, воскрес Он или не воскрес, на нас это никак не отражается, мы продолжаем жить в грехе.

Мы живем в грехе, потому что наши ум и сердце по-разному устроены: умом мы уже приняли веру, а в сердце это еще не вошло. Как же сокрушить твердыню нашего сердца?

Когда жены-мироносицы шли ко гробу, они между собой говорили: "Кто отвалит нам камень от двери гроба?" Наше сердце привалено камнем, и, чтобы увидеть Христа, надо этот камень отвалить, перевернуть. Переворот этот есть покаяние. Мы должны глубоко осознать свою падшесть, глубоко осознать свою виновность перед Богом, глубоко поскорбеть о том, что наши дела никак не соответствуют тому, чему учил Христос. Мы должны пролить об этом слезы, вперить ум наш в эту страшную трагедию: Христос жил, Христос умер, Христос проповедовал, а мы продолжаем жить в грехе.

Жить в грехе после того, как Христос ходил по земле, совершенно невозможно, для этого нужно иметь просто бесовскую наглость. Зная, что Христос есть Победитель, зная, что Христос разрушил и попраля врата адовы, бесы все-таки продолжают делать свое черное дело, вредить делу спасения людей. И мы вместо того, чтобы слушать нашего Учителя, вместо того, чтобы, познав в себе грехи, удерживаться от них, продолжаем их совершать. Бывает, что человек ослеплен каким-то грехом и не видит его в себе, не чувствует – это еще понятно. Но ведь есть такие грехи, которые для нас уже совершенно очевидны. Мы знаем: вот это мы сейчас сделаем – и это есть грех.

Например, наступает вечер, а нам не хочется молиться, нам трудно, мы устали, еще какие-то причины. И мы знаем, что если мы ляжем спать без молитвы, то потом придем на исповедь и скажем: "Батюшка, я так устала, что не помолилась, простите. А можно мне причаститься?" И батюшка скажет: "Ну, причастись". Мы причастимся, а через две недели будет то же самое. То есть человек, зная, что он совершает грех, заранее зная, что он будет в этом каяться, все-таки это делает. Как это назвать? А если он этой ночью умрет? Что он, не может даже это малое совершить?

Наше сердце в таком состоянии, что в него ничего не проникает, ни одно слово. Постояли, послушали, умилились: ах, вот как здорово, за душу прямо задевает... вышли из храма – и начинаются опять раздоры, подозрения, какие-то склоки, мелкое брюзжание. Перед нами лежит крест и на нем распятый Христос, облитый кровью, а человек приходит и начинает ныть: вот у меня то, вот она мне это... Лежит распятый Христос перед нами, а мы жалуемся, что кто-то нам что-то сказал. Что в тебя, гвоздь, что ли, забили? Не можешь потерпеть такую малость, что тебе там кто-то что-то сказал? Вообще тогда на что ты годеи? И так во всем: постоянно каждым своим помыслом, жестом, каждым своим делом, каждой мыслью мы отрекаемся. Тогда зачем мы крест носим, если мы не можем понести то, что нам Господь дал? Каждая встреча с любым человеком, каждое слово, которое мы слышим, – все промыслительно. Господь ведет каждого, Господь каждому жизнь свою выстраивает, но это все как будто мимо нас.

Получается, живем мы, живем, время идет, а сердце наше не оживает. А нам ведь надо достичь того блаженного состояния, о котором Господь говорит: "Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный". Об этом даже страшно подумать, но ведь к этому нас зовет Евангелие, именно к такому совершенству. В нас должны быть те же самые чувствования, что и во Христе Иисусе. Когда Его ко Кресту прибавали, Он говорил: "Господи, прости им, не ведают, что творят". Он молился за тех людей, которые Ему вбивали гвозди в руки и ноги. А мы? Нас чуть тронь – мы готовы тут же убить, на месте. Только немножко задень мое "я", и я сразу покажу, какой я есть на самом деле христианин. Мы постоянно ленимся помочь ближнему нашему, ленимся проявлять христианскую любовь, молиться, вообще делать что-либо духовное – и пребываем тем не менее в благодушии, как будто ничего такого не происходит, как будто мы действительно верующие. Но наша вера номинальна, она пока не настоящая, она еще из нашего ума не вошла в наше сердце.

И только постоянным усилием, постоянным подвигом, постоянным насилием над своей греховной волей и над своим нежеланием спасения можно заставить свое окаменелое сердце опять зажить, стать духовным. Когда человек внезапно умрет на операционном столе, ему делают укол в сердце; если это не помогает, делают электроразряд; когда и это не помогает, делают прямой массаж: разрезают грудную клетку, и врач рукой массирует сердце. Он как бы

выполняет работу за сердце, и оно начинает немножко трепетать, а потом и биться само. Оно опять оживает, и к человеку возвращается жизнь.

Вот так и мы, будучи по природе своей порочны, злы, завистливы, блудливы, имея в себе только саможаление и никакой жалости к ближнему не испытывая, должны заставлять себя жить так, как будто мы это все имеем. Нужно волю свою, всю силу души направить на спасение. Не хочешь молиться – заставь себя молиться; не хочешь делать доброе дело – а ты заставь себя сделать это доброе дело; не хочешь читать книги духовные – заставь себя их читать. И так во всем; надо все время переламявать себя, все время совершать насилие над этой каменной коркой, которой покрыто наше сердце. Тогда постепенно оно начнет трепетать, постепенно начнет реагировать, в нем появятся человеческие свойства: жалость, смирение, кротость, любовь, милосердие. Мы научимся любить не только себя, а будем иметь сострадание к другому, будем иметь какое-то терпение, снисхождение.

Мы ведь даже простить никого не можем: чуть нас зацепи, и мы готовы уже слезы лить, что вот он мне там что-то сказал, что-то подумал, как-то посмотрел. Ну а ты прости его, прости, ведь Господь этого требует: "И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим". Он против тебя прегрешил? Да, он не прав, он нехорошо сделал. Ну так ты его прости, будь великодушен, как Бог, Который прощает тебе миллионы грехов. Тебя же за твои грехи не положено к храму пускать на пушечный выстрел, а ты каждое воскресенье здесь блаженствуешь. Господь тебя прощает, а ты не можешь такую малость простить. Нету ни благородства, ни благодушия, ничего! Сердце каменное, против ближнего каждое лыко в строку.

Господь сказал притчу про человека, которому прощено было десять тысяч талантов, а он не простил несколько динариев своему товарищу, своему другу. Вот так и с нами будет: свяжут и в геенну огненную. А мы слушаем: геенна огненная, и думаем, что так все, хихоньки да хахоньки. Геенна огненная – реальность, и если мы свое сердце, эту каменную твердыню, не разрушим, если мы не научимся любви к ближнему, то наша жизнь окажется бесплодна, это все будет просто пустоцвет, "медь звенящая и кимвал звучащий". И Царства Небесного нам не видать, потому что Царство Небесное есть царство любви. И то, что мы ходим в храм и что-то из себя изображаем, улыбаемся, прикидываемся кроткими, – это все не имеет никакой цены. Ничто внешнее никакой цены перед Богом не имеет, а только внутреннее, только наше устройство христианское.

И нам надо стать именно такими, какими хочет нас видеть Господь. Мы не таковы, но за жизнь, которая нам осталась до смерти, надо успеть таковыми стать. Сколько же нужно труда приложить, сколько нужно сил затратить, чтобы человеку больному и хилому стать здоровым? В любом деле, чтобы что-то сделать, начиная от табуретки и кончая электронно-вычислительной машиной, нужно обязательно вложить труд. Но самый большой труд вкладывается при достижении Царствия Небесного, потому что оно требует от человека всей воли, всего времени, всего напряжения ума, всего напряжения сердца, рук, ног; мы должны всем естеством, каждой клеточкой нашего существа Богу служить, то есть постоянно думать о том, не согрешаем ли мы, постоянно думать о том, не делаем ли мы того, что противно заповеди Божией, и все время себя переламявать и заставлять. Постоянно себя перемалывать – должна идти именно такая «мясорубка» нашего сердца, потому что оно есть сплошной грех, от начала до конца, а надо его сделать милостивым.

И это возможно не иначе, как только с помощью благодати Божией. Ведь чтобы починить какой-то прибор, нужен человек, который знает, как этот прибор устроен. И чтобы наше сердце исправить, то есть вернуть ему эту чистоту изначальную, нужна сила, которая сердце создала. Только Сам Господь может нас исправить. Потому Церковь и называет Его Спасителем, что только Он, Сам Христос, может нас спасти из этого состояния. И если Господь увидит, что действительно наша воля, все силы нашего сердца, весь наш ум – все обращено к спасению, что мы изо всех сил жаждем его, не на словах, а на деле, то есть постоянно делаем усилие над собой, постоянно стремимся к тому, чтобы исправиться, – то постепенно мы будем исправляться. Господь будет нам давать силу, Господь будет нас очищать, потому что мы труд приложим, и Господь, видя этот труд, не оставит его втуне, Он обязательно нам поможет, Он обязательно придет, потому что Господь знает, что мы немощны, Господь знает, что мы

никчемные люди XX века, растерявшие все добро, которое Он в нас вложил. Господь все прекрасно знает: наши немощи, наши заботы, наши неустройства, – все Господь знает и от нас требует только то усилие, на которое каждый из нас способен.

Спасение есть христианский подвиг, нам надо всегда двигаться. Каждый прожитый день должен быть движением ко спасению. Не просто прожить его, проплыть по течению, заснуть вечером и проснуться утром – каждый день нужно стараться заповедь Божию исполнить, каждый день нужно стараться к Богу приблизиться, каждый день нужно обязательно сделать этот шаг. И это шествие наше так трудно, так напряженно, как хождение под водой, где каждый шаг дается с большим трудом. Нам мешает то, что нас облепило, – наши грехи. Но в преодолении, собственно, и есть спасение. Поэтому спасается только подвижник, спасается тот, кто старается Богу служить и Ему угодить. И если мы это усвоим, то Господь нам будет помогать, Он нас исцелит. По милости Божией нам дарована вера – начало уже положено; по милости Божией нам даровано крещение; и по милости Божией мы получим и спасение, только надо этого возжелать.

Это желание должно выражаться не во внешней жизни, а в изменении своей природы и в умягчении собственного сердца. Апостол Павел так и говорит: если ты молитвой своей двигаешь горы, если ты даже тело свое отдал на сожжение, но не приобрел любви, то это ничто. И вот любовь наша к ближнему или нелюбовь проявляется повсюду и постоянно. Это не какое-то чувство, которое возникло, а потом исчезло. Любовь – это качество души, это созидаящая сила. Она не зависит от чувства, она не зависит от погоды, от состояния здоровья. Если человек имеет любовь, то он не может, даже когда он болен или устал, раздражаться, потому что любовь не раздражается. Она не ищет никогда пользу себе; любовь никогда не унижает другого; любовь все терпит, все прощает; она всегда готова принести себя в жертву ради другого, независимо от того, жена это или враг твой, ибо любовь не различает. Враг твой голоден, сказал Господь, накорми его. И такое качество для своей души надо приобрести. Но под лежащий камень вода не течет, поэтому надо делать постоянное усилие, постоянно заставлять себя, постоянно принуждать.

Вот настал праздник Рождества Богородицы, и человек решил, что надо отметить его каким-нибудь добрым делом – допустим, он с кем-то не разговаривает. Тогда он идет и разрушает эту стену отчуждения, чтобы между ними воцарилась любовь. И сразу Господь помог, и сердце другого умягчил, и наладился мир. Какая красота, как порадовали Господа! А ведь это же пустяк, случай такой незначительнейший, но на Небесах по этому поводу торжество, потому что еще две души объединились в любви. Когда человек помирится с тем, кто наговорил ему дерзости, и война между ними кончится, это будет действительно подвиг – человек двинется навстречу Царствию Небесному.

И таких подвигов мы можем совершать каждый день десятки, постоянно преодолевая рознь века сего, постоянно преодолевая недоброжелательство, злобу. Ты мне в лицо плюнул – ну ладно, я утрюсь, я тебя прощаю. Если тебе хочется, плюнь еще раз, только успокойся. Вот и все, а я потерплю. И если мы будем всегда так поступать, то постепенно начнем больше переживать не за себя – что нас кто-то ущемил, прижал, что-то нам не так сказал, – а за того человека, который испытывает скорбь. Ведь когда человек на нас злится, на нас ругается, нас жмет, он от этого еще больше страдает, потому что мы его раздражаем; значит, надо его пожалеть и стараться так свое поведение исправить, чтобы его не раздражать. Вот огромное поле деятельности для проявления нового качества души. И даже если нет такого качества, надо стараться все равно делать это ради Бога, преодолевая тот грех, ту лень, гордость, тщеславие, злобу, зависть, которые в нашем сердце присутствуют.

В этом преодолении себя грешного и есть ценность наших усилий перед Богом, Который видит, что мы стараемся, не просто живем, плывя по течению, а усердствуем для того, чтобы приплыть в Царствие Божие. И только так, усердствуя, можно его достичь, потому что спасение зависит от двух факторов. Первый, самый главный и важный, – это воля Божия, которая направлена на наше спасение. Сам Сын Божий пришел, умер на Кресте, чтобы нас спасти. Второй фактор – воля человеческая. Именно поэтому Господь сказал: "Аще кто веру имать и крестится, спасен будет". Уверуешь словам Христа и крестишься – вот два фактора и объединились. "А кто не верует, осужден будет". Господь желает нашего спасения, но если мы

не веруем словам Христа, если мы постоянно от этих слов отрекаемся, значит, мы будем осуждены.

Понять это очень просто. Православие есть глобальное мировоззрение, самое совершенное из всех существующих в мире. Это самый строгий, самый всеобъемлющий взгляд на мир. Любое философское течение мысли, любая стройная система расшибается в своей несостоятельности о твердыню Православия. В нем есть ответ абсолютно на все вопросы бытия, и в то же время оно имеет изумительную простоту. Но это все теория; а любая теория без практики ничто, абстракция. И нам не хватает именно этой практики, желания действовать, у нас слишком расслаблена воля. Мы так: "Неплохо бы, конечно" – но сами палец о палец не ударяем. Мы все лежим, а надо понудить себя сначала сесть, а потом, раскачавшись, хотя бы встать на свои слабенькие ножки и начинать делать по шажку – первый шаг, потом второй, третий, чтобы каждый день был шагом к Царствию Небесному. Тогда это шествие и будет нашим крестным путем на Голгофу, путем ко спасению, к очищению, к освобождению от груза греха.

Духовная жизнь состоит только во внутреннем делании. Христианская жизнь есть отречение себя. Нам, будучи грешными, надо постоянно отрекаться от своего греха. Но мы и грех так срослись, мы настолько ко греху пристрастны, что, когда мы отрекаемся от него, нам делается больно. А боли нам не хочется; нам хочется только сидеть в своей скорлупе, чтобы нас все жалели, ублажали, хвалили, чтобы нас кормили, и чтобы у нас еще ничего не болело, и было много времени, и все вообще было. А жизнь не из этого состоит. Жизнь – это постоянные удары, потому что Господь пытается нас расшевелить, попускает нам скорби, которые нам как бы внушают мысль о том, что это бытие, которое мы себе пытаемся устроить, очень зыбко. Ну полежишь в комфорте минут десять-пятнадцать – и уже бок отлежал, надо переворачиваться на другой, опять неудобство. То есть Господь постоянно заставляет нас двигаться, шевелиться, хотя бы лежа на кровати. И надо нам стараться свою душу, свое сердце, всю волю свою собрать и понуждать себя. Господь так и сказал: "От дней Иоанна Крестителя Царствие Божие нудится, и только употребляющие усилие восхищают его". Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 27 сентября 1986 года, вечер

Неделя 6-я по Пятидесятнице

Сегодня Святая Церковь предлагает нам чтение из Евангелия от Матфея о том, как Господь исцелил расслабленного, которого принесли и положили перед Ним. "И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой. И он встал, взял постель свою и пошел в дом свой".

Это Евангелие для нас очень утешительно, потому что все мы являемся расслабленными, все мы живем в такое время всеобщих болезней и усталости. Двадцатый век – век расслабления, когда человечество разнежилось и перестало быть способно на подвиг, даже самый маленький. Каждый из нас пытается молиться, пытается что-то сделать с собой, как-то себя упорядочить, но видит, что ничего не получается, и от этого приходит в отчаяние. И этим страдаем не только мы, но и все человечество от севера до юга и от запада до востока. Подвижников почти совсем не осталось, оскудела земля подвигом христианским. Поэтому, когда мы читаем жития святых, нам кажется, что не может быть, чтобы люди так постились, чтобы люди так молились, делали такие добрые дела, чудеса. Нам кажется это невозможным, потому что это невозможно для нас.

А ведь в христианстве все держится на подвиге. Человек грешен, и для того, чтобы жить праведно, ему нужно совершать подвиг: нужно не давать греху действовать в себе, а, наоборот, стремиться к добродетели. Но сил у человека нет, и поэтому он нервничает, злится, отчаивается – а этого делать не должно. Наше время – время малых дел, малых подвигов. И в сегодняшнем евангельском чтении нам дан пример. Был расслабленный человек, и ничем он не мог Богу доказать свою верность: не мог ни поклонов класть, ни Писание читать, ни к святым местам

съездить, ни к святым мощам приложиться. Но он мог верить. Вера – это есть постоянное устремление в Царствие Божие. И вот когда этот расслабленный человек прошел определенный ему Богом жизненный путь и потерпел на нем, Господь, видя его веру, восстановил его от одра болезни.

Это Евангелие вселяет в нас надежду, оно говорит, что даже то барахтанье, которое мы совершаем на духовном поприще, не напрасно, потому что показывает Богу наше устремление. И ни в коем случае нам нельзя унывать из-за того, что мы такие расслабленные, потому что Господь от нас многого и не требует, зная, что мы, собственно, ни на что великое не способны. А как же нам жить? В чем должна проявляться наша вера? Ну вот простой пример: идет дождь, а у нас нет ни зонта, ни плаща и нет рядом дерева, чтобы под ним укрыться. Остается идти и терпеть. И в нашу задачу это тоже входит. Мы ничего не можем: ни себя управить, ни защитить себя от греха; в нашей душе действует всякое зло, и мы не в состоянии это исправить, очистить, как-то потрудиться над собой, у нас нет на это духовных сил. Поэтому нам нужно терпеть – и внешние обстоятельства, и самих себя. И этим терпением мы будем "стяжевать наши души", то есть постепенно приобретать их для Царствия Небесного.

Надо идти путем христианским несмотря ни на что. Пусть самыми маленькими шагами, но постоянно устремляться в Царствие Небесное, постоянно его желать, постоянно верить, что придет время – и Господь нас восстановит одному Ему ведомым образом. Потому что Господь желает этого, но Он ждет и нашего устремления. Как Иоанн Златоуст говорил: "Господь и намерение целует", то есть приветствует. И вот за это намерение, за то, куда устремлена наша душа, и за наше терпение Господь нас восстановит.

Апостол Павел говорит: "Как, по данной нам благодати, имеем различные дарования (то есть каждому из нас дан какой-то дар от Бога, и этим даром нужно Богу служить; апостол здесь перечисляет преимущественно церковные служения, но если наша жизнь вся воцерковлена, то, что бы мы ни делали, мы этим будем служить Богу, наше дело будет служением церковным), то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли – в учении; увещатель ли, увещай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекусь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром".

Апостол Павел дает нам целую программу, но он не говорит: делайте по тысяче поклонов в день, или: не вкушайте какого-то рода пищу, поститесь неделями. А что от нас требуется? Быть нормальными людьми. Сейчас, по нашим временам, очень мало осталось надежных и верных людей, на которых можно положиться, которым скажешь – и они сделают так, как ты просил, не придумают чего-то, не уклонятся куда-то, не совершат что-то от себя. И вот в данный момент, в эти годы двадцатого века, в которые мы попали жить по промыслу Божию, нам нужно всего лишь стараться быть нормальными людьми, и это будет уже, на фоне всеобщего расслабления и всеобщей невозможности что-то сделать, подвигом.

Ведь сейчас, если ты хочешь что-то заказать, плати любые деньги – тебе качественно не сделают; человек уже не может трудиться хорошо, не может не халтурить на работе, не может посвятить себя воспитанию детей. Все рассыпалось, все развалилось, потому что душа уже не представляет из себя стержня, это какая-то вата, кисель, кишмиш. Все растворилось, превратилось в какую-то невообразимую массу. А мы должны из себя, из этой каши воссоздать нечто хотя бы отдаленно, в общих чертах напоминающее порядочного человека.

Вот видите, апостол Павел не требует от нас ничего сверхъестественного, не говорит: двигайте горами, кормите голодных пятью хлебами или раздавайте все, что имеете, – мы на это не способны. Но быть хотя бы нормальными людьми, на которых можно положиться, которые не врут, не хамят, не подсиживают, которые не коварны, ведут себя всегда прилично, – хотя бы вот этого достичь, чтобы иметь доброе свидетельство от внешних. И пусть с точки зрения всеобщего христианского идеала праведности нам будет еще далеко до совершенства, но на общем фоне полной расслабленности это уже будет красота и это уже будет подвиг.

Поэтому нужно постоянно приучать себя к терпению. Оно должно стать нашей главной добродетелью. Как Господь сказал: "В терпении вашем стяжите души ваша". И прежде всего надо научиться терпеть самих себя, потому что страсти, которые кипят в нашей душе, часто приносят нам большие страдания. И если у нас не хватает сил эти страсти преодолеть, мы должны хотя бы не давать им воли, не поступать по своим страстям, не позволять, чтобы они проявлялись, а стараться изо всех сил терпеть – конечно, с помощью Божией, потому что это можно сделать, только взывая к Богу. Вот, раздражает меня что-нибудь, хочу человеку сказать – но надо обязательно удержаться: "Господи, помоги мне!" И потом, когда мы научимся удерживаться в словах, мы сможем воздерживаться и в мыслях: "Господи, да что же я такое думаю, прости меня, грешного; как же я мог такую мысль допустить?" И так постоянно, терпя себя, мы будем управлять себя к Царствию Небесному.

Господь знает нашу неспособность совершить большой подвиг, но и за этот малый Он нас восставит. Поручкой тому сегодняшнее Евангелие. Господь, видя веру их, сказал: "Встань, возьми постель твою, и иди в дом твой". А где наш дом? Он в обителях Отца Небесного. Господь дал нам веру не для того, чтобы мы ее растеряли на путях и дорогах этого мира, а чтобы она нас привела домой, к Отцу, Которого мы все покинули своими грехами, Которого мы все забыли, Которого мы не чувствуем.

Мы живем только для себя: у нас какие-то все планы, мы какие-то задачи выполняем, забывая самое главное; за этими делами, за этими деревьями мы леса не видим, забываем, для чего мы живем. А надо помнить. Что бы мы ни делали, где бы ни жили, чем бы в данный момент ни занимались, мы должны свою жизнь посвящать Богу. Все надо делать ради Господа. Ешь ли – ешь ради Господа, и это тебя остановит. Когда ты съел уже сколько нужно и захотел еще – возьми и остановись, потому что разве можно ради Господа обжираться? Сидишь, с человеком беседуешь, потом смотришь, начал осуждать – опять остановись, потому что можно во славу Божию с человеком побеседовать, но осуждать разве можно во славу Божию? И так во всем.

Наш подвиг должен заключаться в этом постоянном контроле над собой. Раз нас никто не воспитал – а нас и не мог никто воспитать, потому что родители наши безбожные, они от Бога отказались давно и не могли нас ничему научить; хорошо, если кого мама или папа "Отче наш" научили, а так большинство все сами, – вот нам и надо этим самовоспитанием постоянно заниматься, а не плыть по течению. И в этом управлении себя и будет заключаться наш подвиг, и наш труд даром не пропадет. Один великий подвижник еще 1600 лет тому назад сказал: "Мы исполнили заповеди Божии, а те, которые будут жить после нас, исполнят половину". Его спросили: "Ну а те, кто будут жить в последние времена?" "Они, – говорит, – не исполнят ни одной заповеди Божией, но в мире будут такие скорби, что если они их перетерпят, то по благодетелию превзойдут нас и будут перед Богом выше нас".

Если мы, будучи такими расслабленными, такими необученными в вере Православной, такими развращенными и глупыми, тем не менее начнем трудиться ради Господа, если мы будем терпеть ради Него, ради Царствия Небесного, Господь не только нас введет в Царствие Божие, но и поставит превыше многих подвижников, которые жили до нас. Потому что, естественно, с больного меньший спрос, а Господь пришел не праведников спасать, но грешников. Мы ничего не можем; некоторые все пытаются детей своих спасти, внуков – надо себя хотя бы самого спасти, одного человечка. Это наша задача, и, идя по этому пути, можно очень преуспеть, потому что Господь не отнимает от нас надежду – видите, Он же расслабленного исцелил?

И мы все такие расслабленные, что не можем сами и к Богу прийти, нас нужно обязательно принести. И в храм мы пришли как бы не сами и даже не знаем, почему нас сюда

принесло. За чьи-то молитвы мы оказались здесь и за чьи-то молитвы получили дар веры. Мы и палец о палец не ударили для того, чтобы веру найти, приобрести. Вот читаешь, как раньше люди искали истину: ходили, искали, изучали, пока не обретали ее наконец. Нам же все дано, как с неба свалилось: вот взяли и уверовали. Отчего? Как? Почему? Вот ты и сосед, вроде жизнь у вас одинаковая: у него родители такие, и у тебя родители такие, почти из одной деревни – но он пошел пиво пить, а ты пошел в храм. Почему так получилось? Какими путями Божиими? Каким образом Господь нас всех избрал? Это мы узнаем после смерти, тогда нам будет ясно, почему так произошло.

Много людей ходят в церковь, службу отстаивают и почти ничего не понимают, а ведь их все-таки что-то привело? Иной приходит и говорит: "Я хочу креститься". Спрашиваешь: "Зачем тебе это нужно?" Он говорит: "Не знаю, просто хочу, и все". Откуда у него такое стремление? Ну, поесть, попить, одеться, куда-то сходить погулять – это понятно. Но креститься – он и не знает, что такое крещение; не знает, какие это обязанности на него накладывает; не знает, что из этого должно следовать, а желание у него уже возникло. Голова там где-то отстаёт, а сердце уже желает. Почему? Как? Непонятно.

Так Господь устраивает наше спасение. Из полного расслабления, а все-таки старается нас восстановить, как-то образумить, старается нас ну хоть в какую-то норму привести. Поэтому надо перед собой поставить некий нравственный идеал – мы не можем, конечно, в жизни своей подражать Господу нашему Иисусу Христу, не можем подражать апостолу Павлу, как он сказал: "Подражайте мне, как я Христу"; ни Антонию Великому, ни Сергию Радонежскому, ни Серафиму Саровскому, – мы этого не можем. Что же нам нужно делать? А просто задавать себе вопрос: как бы в этой ситуации поступил человек, про которого все говорят, что он хороший? – и так и делать, и это будет шагом к истине. Надо всегда поступать так, как поступил бы на нашем месте нормальный и порядочный человек. И тогда все станет сразу ясно. Нормальный человек мог бы так поступить? Нет, не мог, значит, я потерплю. Хотя меня всего разжигает, раздрает, а я потерплю.

И если мы все время будем усердствовать в этом терпении, Господь нам пошлет благодать, и укрепит нас, и даст нам мужество, потому что весь наш подвиг заключается в одном: мы должны прожить эту жизнь. Господь дал нам жизнь, и она очень трудна. У многих людей такие невыносимые скорби, что думаешь: ну, твои-то скорбишки – это вообще ничто по сравнению с ними. А ведь люди терпят. И вот прожить эту жизнь и остаться верным Богу, приобрести смирение, то есть согласиться с этим крестом, – только таким образом можно спастись. Другого пути для нас нет, потому что все мы расслаблены. Господь и Святая Церковь через сегодняшнее Евангелие утверждают нас в этом малом подвиге. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 19 июля 1987 года

Память святых отцов Седьмого Вселенского Собора

Исповедь, покаяние – это одно из таинств Церкви. Когда мы исповедуемся вслух перед священником, рядом невидимо стоит Сам Христос Господь, Который это исповедание принимает и знает все наши согрешения гораздо лучше, чем мы сами, потому что мы, к сожалению, во многом не даем себе отчета – так привыкаем ко греху, что он кажется нам обычной жизнью.

Часто мы совсем не умеем исповедоваться, и научить этому нельзя в силу того, что отношения каждого из нас с Богом – особенные. Бог постоянен, Он не меняется, поскольку Бог – это самое высокое совершенство, которое только возможно. Какой Господь был тысячу лет назад, такой Он был и миллиард лет назад, такой будет и через миллион лет. А человек меняется, и все люди разные: мы отличаемся своим характером, воспитанием, жизненными обстоятельствами, полом, здоровьем, цветом глаз. И это различие диктует наши особые отношения с Богом: каждый молится по-своему, Бога чувствует по-своему, исповедуется по-своему. Есть только определенные общие линии: как у любого человека определенное количество костей в теле, у любого есть голова, руки, ноги – и в этом мы все похожи, – так же существуют и некоторые правила исповеди.

Когда-то в древности, бывало, каялись и перед всей Церковью, но это мало кто может

выдержать и мало кто может выслушать спокойно, не соблазнившись, не осудив. Поэтому такой обычай исчез и уже более полутора тысяч лет люди каются в своих грехах индивидуально, на исповеди, в тайном собеседовании. Однако это собеседование зачастую превращается в нечто иное и таинство покаяния не достигает своей цели оттого, что мы не помним, что исповедуемся не священнику, а стоим перед Богом. Священник порой становится для нас препятствием во время исповеди, потому что нам мешают всякие посторонние, смущающие мысли и мы забываем, что припадаем к Самому Господу Богу, а священник является лишь свидетелем, представителем Церкви, через которую Бог раздает благодать и мир.

Нам нужно на исповеди стоять как на Страшном суде; поэтому на аналое кладется крест и Евангелие. Евангелие содержит в себе слово Божие, это есть слово жизни, а крест напоминает нам о той жертве, которую принес за нас на Голгофе Христос Спаситель. Эти два великих символа знаменуют Самого Христа, являют то, что Он здесь невидимо стоит.

Почему Господь не открывается каждому из нас? Не проще ли Ему было показать нам Свой образ? Вот стоял бы Он около аналая. Господь не делает этого, потому что зрения Самого Бога выдержать не может никто. Когда на горе Фаворской Господь показал ученикам Свою славу, они пали ниц, бросились в разные стороны от сияния Божества – на древних иконах так это и изображается. Человек грешен, он не может видеть славу Божию, он отбегает от нее. Как от зажженной свечи или лампы тьма сразу отбегает, так и мы, люди грешные, не можем созерцать славу Божию.

Если бы Господь, Который невидимо здесь присутствует, нам показался, мы не могли бы устоять, мы бы убежали или сгорели. Поэтому Он, по Своей милости, не являет нам Себя, хотя отдельным подвижникам веры, благочестия, людям, духовно высоким, Господь иногда явным образом открывался. Мы знаем, что преподобному Серафиму Саровскому Господь явился на Божественной литургии – и преподобный Серафим, который с детства воспитывался в вере и с самой юности пребывал в монастыре, совершая подвиги молитвы и поста, и то, увидев Христа Спасителя, остолбенел, не смог дальше служить, его увели в келью, и он долго не в состоянии был говорить после этого видения. А что же с нами, грешными, будет?

Но если мы не видим перед собой Самого Господа, то перед нами крест и Евангелие, перед нами икона Спасителя или Матери Божией. А Ее икона – это всегда и икона Христа, потому что Мать Божия держит Его на руках. На некоторых иконах, Боголюбской например, Господь не изображается, но все равно Он невидимо в ней присутствует всегда, светом Своим, который просвещает всех. И к иконе Матери Божией можно обращаться как к Самому Спасителю, она есть образ невидимого присутствия Божия. Поэтому нам должно быть страшно, когда мы подходим к исповеди, мы должны испытывать благоговейный страх присутствия Божия, а не страх перед человеком. И если мы научимся всегда чувствовать Его присутствие, тогда наша исповедь станет настоящей, нас уже не будет занимать, кому мы исповедуемся и что о нас подумают, – мы будем только стремиться очистить свою душу, очистить перед Богом.

Подходя к исповеди, нужно всегда помнить о том, что мы не со священником в беседу вступаем о своих житейских делах и заботах, а подходим к страшному таинству: мы присутствуем на Страшном суде. Господь знает все наши грехи, немощи, все наше лукавство, двоедушие, малодушие, лицемерие, болтливость, себялюбие, разнеженность, нашу лень на молитву, лень на добрые дела. Господь знает, как нам не хочется читать Священное Писание, как тяжело отстаивать в церкви; знает, что мы зачастую ничего не понимаем в богослужении, не интересуемся совершенно духовной жизнью, заповедями Божиими; что мы даже в семье, как собаки, грыземся; постоянно друг друга осуждаем, если не словами, то мыслью; завидуем, говорим друг про друга плохое. Господь знает, что мы постоянно недовольны нашей жизнью – все нам не так, как хотелось бы, – и что мы пользуемся благами, которые Он нам посылает, как будто они принадлежат нам по праву, хотя мы не заслужили ни солнца, ни неба, ни деревьев и никакой красоты. Мы достойны только наказания, а требуем к себе отношения очень ласкового. Все это Господь знает.

Кто-то скажет: а если Господь знает, то зачем тогда исповедоваться? Да, Богу, конечно, это не нужно, это нужно нам. Так же, как и Церковь – она нужна только нам, Господь ее для нас основал, чтобы она нас спасала. Христа так и называют: Спаситель. От чего Господь спасает? Зачем Он вообще пришел на землю? Господь пришел спасти нас не от каких-то тяжелых

обстоятельств, трудностей или болезней, а от греха. И если мы приходим в церковь не для того, чтобы изменить свою греховную жизнь, а за чем-то другим, то мы еще совсем не христиане и к Церкви никак не принадлежим. Церковь существует только для того, чтобы спасти нас от греха.

Это спасение совершается, во-первых, в святом крещении. Когда человек уверовал в Бога и хочет оставить свою прежнюю жизнь, то в знак этого он погружается в купель крещения, и ему прощаются все грехи. Человек становится как младенец и может начать новую жизнь. Но и тех, кто крестился давно и после этого неизвестно где бродил и неизвестно что творил (неизвестно людям, но известно Богу и тому, кто творил), – и их Господь не отвергает. Для них есть покаяние – это второе крещение. На исповеди человек тоже может начать новую жизнь. Прийти и сказать: "Господи, я все понял; я поступал неразумно, глупо, губил себя, губил свою душу. Теперь я буду поступать по Твоим заповедям. Я раскаиваюсь в своей прошлой жизни". Раскаиваюсь в этом, в этом и в этом.

Для чего нужно обязательно назвать свои грехи? Потому что когда кто-то подходит к исповеди и говорит: "Во всем грешен" – это равносильно тому, что он сказал: "Я не грешен ни в чем". И если священник спрашивает такого человека: "Ну а в чем все-таки ты согрешил?" – он отвечает: "Не знаю". Вроде во всем, а на самом деле – ни в чем. Человек не осознает, в чем состоит грех его жизни, и поэтому не знает, в чем нужно ее исправить.

И здесь очень важно понять, что такое вообще грех. Мы думаем, что грех – это кому-то сделать подлость. Да, конечно, это так. Но ведь грех – это не только поступок; это и плохая мысль, это и чувства худые; это может быть даже и отсутствие каких-то поступков. Например, человек говорит: "А я ничего плохого не делаю" – но этого совершенно недостаточно, чтобы спастись.

Главный наш грех заключается не в том, что мы совершаем плохие поступки, он состоит в том, что наша жизнь протекает совершенно отдельно от Бога; в том, что у нас с Ним нет никаких взаимоотношений; что наша жизнь – безбожная, потому что в ней нету Бога. Мы существуем сами по себе: вот моя жена, вот мои дети, моя квартира, работа, вот моя стирка, булочная – это круг нашего бытия. А где в нем Бог? Иногда кое-кто из нас, раз в неделю, приходит в церковь – тогда он вспоминает о Боге, старается молиться; или какую-то книгу откроет духовную, Священное Писание; или утром и вечером помолится – пять минут утром, десять вечером. Вот и все, в этом и заключается, собственно, наша христианская жизнь. А все остальное? А все остальное – это грех, независимо от того, собираем ли мы почтовые марки, пьем ли водку или просто гуляем по лесу. Если мы, гуляя по лесу, забыли о Боге, то это есть грех.

Грех – это не обязательно нанесение зла кому-то; это есть отделенность человека от Бога. А уж как человек отделяется от Бога – с помощью самогона, или в карты играет, или еще каким-то образом, – уже не так важно. Не так важно, за какое преступление человек сидит в тюрьме, – главное, что он в тюрьме, что он отделен от мира. И любой грех отделяет нас от Бога. Поэтому в чем цель христианской жизни? Для чего Господь Церковь основал? Чтобы мы через Церковь всю свою жизнь привели к Нему. Чтобы все, что бы мы ни делали, что бы ни думали, ни говорили, у нас было в Боге. И вот такая направленность нашей жизни и будет путем в Царствие Небесное. А мы Богом только пользуемся: у нас кто-то умер – значит, нам надо отпеть; кто-то у нас родился – значит, нужно крестить; что-то у нас заболело – молебен отслужить; или именины у меня – надо причаститься. А почему именно в именины, почему не в следующее воскресенье, чем одна литургия хуже другой?

У нас жизнь духовная идет как бы от случая к случаю. И это отношение наше к Богу есть грех, есть форменное безобразие. Представим себе, что Господь от случая к случаю нам бы давал солнце. Вот оно погасло, допустим, на недельку и только в следующее воскресенье начало бы светить. После такого угасания солнца не осталось бы ничего: ни воды, ни земли, ни птиц, ни зверей. А Господь постоянен в Своей заботе о нас, Он постоянно управляет всеми процессами, которые на земле происходят, и благодаря этому мы живем. Наша жизнь целиком зависит от Бога, а отношение наше к Нему безобразное, потому что мы ничего не ценим, считаем, что это само собой разумеется.

Эта наша отделенность от Бога есть грех, как говорится, в общем плане. А есть еще грех в

частности, потому что каждый раз, когда мы в чем-то согрешаем, мы тем самым отделяем себя от Бога. Поэтому, чтобы нашу жизнь привести в какую-то норму, нам нужно постоянно следить за своей душой, постоянно держать в чистоте свою совесть. Если мы чувствуем, что совесть нас в чем-то обличает, то надо каяться перед Богом и просить прощения. Но это не для того, чтобы делать то же самое на следующий день. Если человек осознал, что он что-то делает нехорошо, если он, читая Писание, видит, что его действия идут против заповеди Божией, то нужно просить, чтобы Господь дал силу больше этот грех не повторять.

Раз ты осознал, что то, что ты делаешь, есть грех, значит, надо это прекратить. Или если ты осознал, что то, что ты не делаешь, есть грех, надо начинать делать. Вот, например, приходит человек и говорит: "Я редко хожу в церковь". Да, то, что ты в церковь не ходишь постоянно, каждое воскресенье, грех. Но если, уходя из церкви, ты не принимаешь решения с этого дня начать ходить в церковь постоянно, значит, покаяния не совершилось. Раз человек знает, что он грешит, и все-таки сознательно продолжает это делать, значит, он является противником Божиим.

И вот, чтобы с нами этого не случилось, нам нужна постоянная исповедь. Нужно, чтобы мы с каждой исповедью делали шаг по направлению к Богу. Вот согрешил тем-то и тем-то, Господи, Ты меня прости, я больше так не буду. И я делаю шаг по направлению к Царствию Небесному. Если у нас будет такая жизнь, то постепенно, год от года, наша жизнь начнет исправляться, пути управляться, и так к концу жизни мы достигнем Царствия Небесного. Помоги нам, Господь!

Крестовоздвиженский храм, 25 октября 1987 года, перед исповедью

Неделя перед Рождеством Христовым, святых отец

Сегодняшнее воскресенье носит название недели перед Рождеством, недели святых отец. Святými отцами мы обычно называем учителей Церкви, а здесь имеются в виду люди, принадлежавшие роду, из которого вышел Спаситель. Почему мы их вспоминаем? Потому что хотя в каждом из них, как и в любом человеке, как и в нас, действовал грех, но в то же время они жили ожиданием пришествия Спасителя, Мессии, Избавителя, и эта главная идея их жизни была для них путеводной звездой. Они согрешали, потому что в те времена у них не было возможности приобщиться к благодати Божией, как мы сейчас приобщаемся, но тем не менее умели и каяться в своих грехах, и оплакивать их по-настоящему. Они ждали Христа-Спасителя, ждали прощения своих грехов и хотя и заблуждались на этом пути, но все-таки главным для них было это ожидание, которое передавалось из рода в род и началось с Авраама.

Авраам не был праведником, но Бог его веру вменил ему в праведность, потому что тогда на всей земле верующих во Единого Бога Отца Вседержителя оставалось меньше, чем пальцев на одной руке, и, несмотря на свои грехи и какие-то немощи человеческие, Авраам имел эту главную добродетель, которой не имел почти никто из живущих в то время. Он постоянно молился единому Богу и, будучи уже старым, поверил, когда Господь сказал, что у него будет дитя и что от него даже произойдет целый народ, из которого придет Спаситель мира.

Мы часто сомневаемся и в милостях Божиих, и во многих важных основах нашей веры, а Авраам не усомнился в словах Господних. И когда у него родился сын и Господь повелел: "Пойди и принеси его Мне в жертву", Авраам не сказал: "Если я сына своего в жертву принесу, как же от меня произойдет целый род?" Он взял сына и повел на гору, чтобы заколоть, потому что действительно имел глубокое доверие к Богу, имел эту добродетель в наивысшей степени совершенства. Он был человеком несокрушимой веры, и она вменилась ему в праведность, Святая Церковь называет его отцом всех верующих. Поэтому Авраам для нас может быть таким образцом, хотя были у него и слабости, и недостатки, и всякие заблуждения.

Читающим Ветхий Завет часто непонятно, как же может такой человек быть в праведниках. С нашей, христианской точки зрения то, что он делал в своей жизни, неприемлемо. Но мы забываем, что та эпоха была не христианской, а эпохой самого страшного язычества, когда творились такие жуткие и страшные безобразия и такие грехи, о которых и читать-то страшно, а если среди этого жить, то можно просто поседеть от ужаса. И все немощи Авраама просто бледнеют по сравнению с беззакониями, которыми была переполнена земля.

Так же и царь Давид, и царь Соломон, и все другие, которые перечислялись в этой родословной Иисуса. Родившийся Христос освящает Своим рождением все человечество, но особенно на Его роде почиет благодать Господня, ибо надежда на спасение присутствовала в каждом из тех людей, которые стоят в цепи рода Христова, и каждый из них послужил для Его пришествия, каким-то образом уготовал его. Из худого рода не могла бы произойти Дева Богородица, ведь яблоко от яблони недалеко падает. И в Ее рождении воплотилось все самое лучшее, что было в них.

Какое поучение мы можем из этого извлечь? Самая большая для нас проблема – это наш род, наши дети. Детей некоторые духовные люди называют "чумой двадцатого века". Сейчас совершается то, о чем говорил апостол Павел: "В последние дни... люди будут надменны, злоречивы, родителям непокорны". Если побеседовать с учителями, которые долго работают, то они говорят, что действительно нынешние дети совершенно другие. И даже если всю жизнь посвятить тому, чтобы воспитать свое дитя, это оказывается очень уж трудно, потому что окружение просто страшное.

Что же нам делать? Какие силы нужно положить на то, чтобы наш род также жил ожиданием пришествия в свое сердце Христа-Спасителя? Как передать детям, внукам, правнукам любовь к Богу? Передать можно только то, что имеешь, поэтому все попытки воспитания будут безуспешны, если человек сам не научится тому, что он хочет привить своим детям. И если он не сможет научить, показать, если он не сможет дать ребенку возможность почувствовать Христа, тогда родителя ждет неизбежное наказание. Оно заключается в том, что, когда дитя вырастет, родители всю оставшуюся жизнь будут смотреть на его фокусы, будут видеть все то, чего они в него не доложили, чего не смогли сделать, и от этого страдать.

И многие из нас мучаются, глядя на своих детей, но это не значит, что нужно отчаиваться и терять надежду. Ведь многие к Богу пришли в позднем возрасте и кто половину, кто треть, кто две трети своей жизни провели неизвестно где и неизвестно как. Чего же требовать от детей, когда они видели, что эту самую главную часть своей жизни родители жили без молитвы, без Бога? А теперь мы пытаемся их силком ко Христу привести, заставить действовать так, как бы нам хотелось? Это немыслимо и бесполезно. Строить лучше всегда с начала. Но если построить плохо, то придется потом все переделывать, что всегда и сложнее, и мучительней, и сопряжено с большими затратами. И так как мы начали поздно, нет ничего удивительного, если у нас будет плохо получаться. Но отчаиваться не надо, потому что строим-то мы не сами, а с помощью Божией. И основное наше усердие, основное наше делание должно заключаться в молитве за детей. Первое дело, самое важное – детей нужно вымаливать. Второе дело – добрый пример.

Что случилось с детьми американскими, австралийскими, французскими, русскими, татарскими? Почему в них во всех идет один и тот же процесс? Почему так быстро падает нравственность? Нравственность эпохи Пушкина ненамного выше нравственности эпохи Некрасова, а теперь мы каждые десять лет наблюдаем такие провалы, что просто диву даешься. Взять, допустим, пьянство. Статистика говорит, что в 50-м году пили в 10 раз меньше, чем в 65-м году. Это один грех, а остальных лучше не касаться, об этом даже говорить срамно и стыдно. У детей нету доброго примера. Вот ребеночек лежит в колясочке, ножками, ручками сучит, и, конечно, он не пьяница, не наркоман, он не злодей, не хулигатель, не матерщинник, не вор. И даже если папа у него разбойник, а мама тоже оставляет желать много лучшего, он все равно ребеночек, он ангел. Душа у него чистая, хотя есть, конечно, есть и склонность ко греху, как у всякого человека.

Но вот ребенок попадает в атмосферу нашего мира, и что он видит? Он растет среди ругани, склок, взаимных обид и постоянного вранья. Ребенок выходит на улицу, и что он слышит? Уже в песочнице начинаются всякие баталии, один у другого ломает. Мать говорит: "А ты ему наподдай, а ты с этим не водись". Если детки постарше, то только и слышишь: дура, дурак. Причем такими голосами ужасными, что думаешь: дети ли это? Вот включает ребеночек телевизор. Какие нравственные качества там прививают, что показывают? Кино про любовь? А в чем эта любовь выражается? В одном блуде.

И так весь мир, все, чем ребеночек окружен: и книги, и отношения между ребятами в школе, и в семье, – все направлено на то, чтобы его развратить и убить в нем святость. Куда

ему, бедному, деваться? От церкви его всячески ограждают, а если он туда все-таки придет, тут же какая-нибудь тетка на него налетит: куда встал? не трогай... И его сердце впитывает одну только злобу, зависть, раздражение, одно только хамство, одну ложь. И конечно, сердце не выдерживает; он становится злым, замкнутым, уходит в дурные компании. Эти компании полублатные, но в них какое-то подобие человеческих отношений все-таки есть, хотя ребята и говорят нецензурные слова, и лифты ломают, и подъезды размалевывают. А потом, конечно, начинаются и табак, и выпивка, и наркотики, дальше блуд, преступления, ну а потом уже и тюрьма. Это все очень близко и рядом. А глядя на него, лежащего в колясочке, разве подумаешь, что в 17 лет он сядет за воровство? Да нет, и в голову не приходит.

Поэтому родители, если они действительно хотят воспитать ребенка, должны создать дома атмосферу рая, чтобы, где бы он ни был, что бы он ни делал, он сравнивал жизнь в миру и жизнь дома как ад и рай. Чтобы ему дома было хорошо, чтобы там была атмосфера любви, покоя, терпения, смирения, кротости, молитвы, милосердия. А у нас как получается? Некоторые родители детей заставляют молиться насильно, ругаются, кричат; они думают, что так можно что-то доброе привить. И в результате одно упоминание о Боге вызывает муку у ребенка. Некоторые раз в году ребеночка в храм приведут, скрутят его, он орет, вырывается. Во что бы то ни стало причастить! Ну и что? Он о церкви будет только с ужасом вспоминать. И многие взрослые вспоминают о ней как о чем-то страшном, потому что их схватили, связали, куда-то принесли, что-то в рот воткнули; дикий крик, страх, обстановка незнакомая, много людей, огни горят... Это же не так все делается.

Если мы хотим, чтобы наш род продолжался, вера наша не угасла, чтобы наши дети, внуки, правнуки, праправнуки тоже пришли ко Христу, мы должны являть пример христианской жизни хоть в чем-то, мы должны разительно отличаться от мирских людей, но не лицемерно, не маску на себя какую-то надевать, потому что ребенка обмануть нельзя. Дети, в силу своего ангельского состояния, существа прозорливые, им открыты духовные вещи, которые для взрослых давно закрылись через их грех. Поэтому они прекрасно чувствуют людей, отношения, прекрасно понимают ложь, лицемерие, но понимают не умом, а непосредственно душой. Поэтому единственный способ воспитать правильно детей – начать воспитание самих себя. И если этого не произойдет, то никакие уговоры, крики, наказания, колотушки ничего не дадут и мы всю оставшуюся жизнь будем смотреть на своего ребеночка и, как в зеркале, видеть самих себя. Все, что в нас есть, – все это и будет там, смотри и любуйся! А это очень тяжело и мучительно. Почему Господь так устроил? Потому что иначе нас ничем не проймешь!

Да, детей своих мы любим и желаем им добра, но ведь каждый родитель лепит своего ребенка по образу своему и подобию, поскольку, кроме самого себя, он ничего не знает и не может сделать что-то такое, чем сам не обладает. Воспитание заключается не в нравоучениях, не в том, чтобы говорить, как надо делать, а в том, чтобы это показывать. И здесь нам пример Сам Господь Бог. Он ведь нас не заставляет, ни к чему не принуждает, Он просто показывает, какая красота создание Божие. Все, что ни создал Господь, всегда прекрасно и всегда совершенно. Художнику, чтобы написать картину, нужно думать над композицией, над цветом, а у Господа в Его творении везде прекрасный пейзаж, все гармонично и слаженно. Как это удивительно! Или когда птицы в лесу поют, мы слышим, что получается замечательная музыка! И так куда мы ни взглянем. На небо ли – какая красота, что может быть красивей звезд? Или солнце, дерево, бабочка или ящерица! Что бы Бог ни создал, это все прекрасно и в высшей степени совершенно! А ведь жизнь земная – жалкое отражение жизни Небесной. Вот так Господь нас зовет к красоте духовной.

Христос никого в Царствие Небесное не загонял, Он просто рассказывал. Кто хотел, тот принял; кто не хотел, тот остался вне его. Господь уважает свободу человека. И воспитание может быть сопряжено только с уважением свободы, а не с подавлением человека. Нужно обязательно уважать свое дитя, потому что без этого не может быть любви, а только проявление самолюбия, собственный эгоизм и желание задавить человека и сделать его таким, каким ты хочешь.

Это не значит, что не надо ребенка наказывать, не надо ни к чему принуждать: пусть, мол, растет как сам знает. Нет, нужно и наказывать, и принуждать, но наказание должно быть

сопряжено с любовью, как это и Господь делает. Он ведь нас тоже наказывает, но таким образом, чтобы мы из этого сделали выводы, поняли сами. Поэтому многие из нас уже в зрелом возрасте или даже в старости начинают кое-что понимать – почему то произошло, зачем это случилось. Если человек приходит в храм первый раз и думает: "За что же это мне?" – то когда он приходит в сотый раз, он уже знает, за что. И начинает понимать, что ему надо в себе исправить, чтобы в дальнейшем не повторялось то же самое.

Вот на какие размышления нас должна наводить неделя святых отцов. Род Христов привел к совершенному плоду, Господь Иисус Христос смог вочеловечиться от Девы Марии и прийти в мир. И наш род тоже может принести достойный плод. Мы должны детей своих Богу посвящать, мы должны также трудиться над тем, чтобы их Дух Святой посетил, должны стараться привить им святость, показать, открыть им красоту Небесную. То, что святость, доброта и любовь оскудели в мире, оказывает нехорошее влияние на наших детей, из-за этого оскудения происходит все то зло, которое мы видим.

Можно, конечно, настроить стадионов, устроить всякие кружки, секции, изостудии, музыкальные школы, но это ничуть не спасет, это будет лишь временное отвлечение некоторой группы детей от их бесплодного времяпрепровождения. Только благодать Святого Духа может оградить от зла. Вот, например, дети в богатых странах имеют все: и стадионы, и дискотеки, и деньги, и любую одежду, что угодно, но на нравственности это не отражается никак. И нашим детям можно все дать, все построить, но доброты, любви, смирения, кротости, терпения, благодати не прибавится от этого ни на йоту. Думают, что детям, кроме подъезда, больше негде быть, а вот мы построим клубы – и они сразу станут хорошие. Это безумная надежда. Уже сколько раз пытались всех накормить, считая, что преступность тогда исчезнет. Но преступления вдруг начинают совершать очень богатые люди, дети весьма обеспеченных родителей. И мы часто читаем в газетах: министр такой-то проворовался. Казалось бы, ну куда ему еще, и так все есть. А почему? Потому что никакое благополучие житейское не прибавляет нравственности, а только благодать Святого Духа.

И вот над этим надо нам трудиться. Тогда наш род не оскудеет благодатью Божией, а, наоборот, можно будет надеяться, что наши дети еще приумножат то, что и мы успели в своей жизни стяжать. Господи, помоги!

Крестовоздвиженский храм, 3 января 1988 года

Сретение Господне

Завтра Святая Церковь празднует Сретение, что в переводе со старославянского значит "встреча". Встречаются Господь-Младенец и старец Симеон. Матерь Божия принесла Младенца в храм, и Духом водимый Симеон тоже туда пришел, ибо ему было сказано от Бога, что он не умрет, пока не увидит спасение Израиля – пока не увидит Спасителя, Мессию, Христа, обещанного пророками. Церковь избрала это событие двенадцатым праздником, потому что в нем содержится очень большой духовный смысл.

Библия состоит из двух частей, Ветхого и Нового Заветов. В Ветхом Завете изложена жизнь человечества от Адама до Авраама и потом жизнь богоизбранного народа от Авраама до пришествия Христа, которая была характерна тем, что Израиль постоянно отступал от Бога, но Господь заботился о Своих людях, спасал, избавлял, наказывал, посылал пророков, пытаясь вернуть их на истинный путь. Древний Израиль является некоей каплей воды, в которой отражается жизнь любого народа. Ветхозаветные книги повествуют об истории не только евреев, а и всего человечества – но истории духовной. Потому что главное, конечно, не те события, которые в них изложены, хотя Библия и является отчасти историческим памятником, – главное духовные перипетии того, как Господь строил Свой народ, постепенно его воспитывал, подводил к тому, чтобы он смог принять Христа-Спасителя.

Ветхий Завет ("завет" значит "договор") был заключен на горе Синай. Мы знаем, что величайший из пророков израильских Моисей за любовь к своим соотечественникам был избран Богом для того, чтобы дать ему закон. Он поднялся на гору Синай, и там Господь открыл ему Свою славу. Моисей видел тот самый фаворский свет, который позже видели Петр, Иаков и Иоанн. И когда он спускался с горы, его лик так сиял, что он вынужден был покрыть

голову платком, потому что люди, ждавшие его внизу, не могли видеть этот хотя и отраженный, но Божественный свет. Моисей принес десять заповедей. Заповедь о том, что есть только один Бог и только Ему одному надо поклоняться. О том, что нужно почитать отца и мать, потому что без этого не может быть здоровой семьи и общество распадется. О том, чтобы не убивали, не крали, не блудили, не завидовали, не врали. Почему понадобился весь авторитет Моисея и авторитет Самого Бога, чтобы подчеркнуть для людей такие очевидные вещи? Потому что они настолько одичали, вроде нас с вами, что не понимали самых простых вещей.

И вот с помощью заповедей, которые были даны только ему, Израиль очень долго сохранялся от духовных повреждений. Остальные же народы деградировали в область демоническую. Они пошли по пути язычества, поклонения многим богам, то есть бесовской силе, и поэтому явили страшные преступления, которые даже падшему человеку XX века просто присниться не могут. Например, величайшая доблесть для японца – сделать харакири, то есть вспороть себе живот, чтобы не навлечь на свою голову позора. Может ли быть большой грех для христианина? Кто научил человека, что зарезаться из гордости есть высшая добродетель? Только дьявол.

И все языческие религии – это служение дьяволу в той или иной форме. Еще осталась память о майя, инках и ацтеках, чьи цивилизации были разрушены испанскими конкистадорами и стерты с лица земли, а их язык забыт. До какого же нечеловеческого состояния они дошли, что в жертву приносили живых людей. Жрец каменным ножом вскрывал грудную клетку человека, доставал оттуда трепещущее сердце и разрывал его на части на глазах у толпы. Или людей сбрасывали на пики, которые были у подножия горы, и убивали не по одному, не по два, а сотнями тысяч ежегодно. В Древней Спарте хилых младенцев бросали со скалы. Способны ли какая мать или какой отец до этого додуматься?! Только сатана может такое подсказать. Суворов, например, родился очень слабым младенцем – и стал замечательным военачальником. Скольких Суворовых выкинули в Спарте со скалы; скольких музыкантов, поэтов, художников сожгли в печах, принесли в жертву Молоху? Его изображение в виде быка служило печью, где сжигали первенцев.

А какие существовали чудовищные извращения и чисто сатанинские эротические культы? Достаточно посмотреть на изображения языческих богов, уродливые, с безобразными клыками. Японские или китайские божества – это все драконы, страшные, брызжущие слюной, обязательно с копытами и хвостом, всегда с рогами. А в Индии есть храмы, украшенные сценами блуда. Разве только в классической Греции появились статуи богов, которые были прекрасны по форме. Может быть, поэтому, за это стремление к красоте греческая культура стала отчасти предтечей культуры христианской.

Вот какова была ситуация Ветхого Завета и в какой среде жил израильский народ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он постоянно уклонялся от служения истинному Богу, хотя Господь все время старался его вернуть на правильный путь. Израиль был весьма малочисленным народом и выжил лишь благодаря заповедям. Но они не спасали человека по существу, а только ограждали его от полного вырождения. Заповеди ведь есть и у животных. Мы знаем, что животные одного вида, как правило, не убивают друг друга. Редкий случай, когда олени, бодаясь, забивают один другого или птицы заклевают собрата. Но это случайность, как говорят, ворон ворону глаза не выклюет.

И вот на таком уровне Израиль поддерживался до тех пор, пока его историческое развитие не подошло наконец к своему пределу, когда должен был родиться Спаситель. Весь Ветхий Завет, его заповеди, храмовое богослужение, благочестие, чтение пророков и закона Моисея подготовили многих людей к принятию совершенно нового, высшего учения. Оно заключается в том, что отныне человек освобождается от уз закона и встает под покров закона благодати. Если мы умом и сердцем усвоили, что такое христианство, то нам это должно быть понятно. А если не усвоили, не вкусили, что есть благодать Божия, не познали истинной духовной жизни, то, сколько ни объясняй, нельзя понять, в чем заключается этот новый закон, отчего Христа не приняли и Он оказался распятым. Но почувствовать нам это надо, потому что иначе мы не поймем, почему Святая Церковь избрала Сретение своим праздником, почему Симеон был такой ветхий, почему он сказал: "Ныне отпускаеши..." – и после этого умер.

Отчего Ветхому Завету должно было умереть? Он кончился, потому что не спасал

человека, а играл роль только оградительную, подготовительную. Можно воспитывать ребеночка, водить на службы, учить Евангелию, молитвам, а потом, когда ему исполнится 15 лет, он вдруг перестанет в храм ходить – ему не хочется, все его там раздражает. Почему? Дело в том, что человек всегда сам делает выбор, и научить вере, как ремеслу или науке, практически никого нельзя, можно только помочь узнать о ней. А откроются ли у человека глаза духовные, увидит ли он духовный мир, встретится ли с Богом или ограничится вычитыванием молитв и чисто механическим ритуалом, зависит уже от его собственного произволения. Ветхий Завет создавал некий ритуал, быт, условия жизни, которые были подготовкой к восприятию Истины. Он создавал сосуд для благодати Божией. И если человек сам возлюбит Бога как такового (эта заповедь дана была еще в Ветхом Завете), захочет Божественной жизни, жизни духовной, Небесной, захочет приобщиться к благодати, тогда эта благодать и изольется.

Религия Ветхого Завета – религия довольно материалистическая: исполняй закон, что можно, делай, чего нельзя, не делай – и Бог тебе устроит хорошую жизнь: у тебя будут большие стада, хорошие дети, все будет в порядке. А когда вдруг оказывалось не в порядке, иудей был в недоумении: как же так, я же закон исполняю. Это ветхозаветное сознание живо и в каждом из нас. Многие люди, приходя на исповедь, просто не знают, в чем им каяться. Каждое воскресенье в храм хожу, утреннее и вечернее правило исполняю, три канона и Последование ко Святому Причащению вычитал, Евангелие по главе прочитываю. В чем дело, какие грехи, что батюшка ко мне пристал? А важно ведь не исполнение правила, важно, встретился ты с Богом или нет. И когда человек так рассуждает, значит, этой встречи не произошло, потому что при встрече с Богом человек содрогается от собственного греха. Бог есть свет, а то, что мы носим в себе, – тьма, и не заметить этого нельзя. Поэтому, если человек не видит в себе миллиарды грехов, это говорит о том, что он никогда Бога не видел, что он еще находится в Ветхом Завете, к нему пока не пришел Христос, человек еще не почувствовал, что такое благодать Божия. Или это было так давно и так кратко, что успел забыть.

Чтобы ее найти, нам нужно вырасти из коротких штанишек Ветхого Завета. Для нас всякие правила, правильца, обычаи, представления имеют колоссальную ценность, потому что мы не можем руководствоваться собственной совестью, собственным опытом общения с Богом, не можем Бога конкретно вопрошать, чтобы Бог нам напрямую ответил. Нам нужна чисто внешняя, законническая информация, мы стремимся всю нашу жизнь расписать. В праздник работать можно или нельзя? Если можно, то до какого часа? После какого часа нельзя? Можно ли зубы чистить после причастия? Можно ли до причастия? Сколько кусочков можно съесть? Сколько не съесть? Сколько нужно поститься, три дня или два с половиной? Выплевывать косточки или глотать, давась? Вот что для человека представляет огромную важность, а на самом деле это все играет роль чисто дисциплинарную.

Многие люди способны с помощью правил вести себя внешне безукоризненно. Таковы были фарисеи. Они исполняли весь закон, все его даже мелкие предписания, и при этом делали гораздо больше, чем сейчас мы с вами. Но пришел Христос – и они Его распяли, потому что у них в сердце была зависть, а про борьбу с завистью им никто ничего никогда не говорил, они об этом вообще не слыхивали. И многие из нас, гоняясь за призраками исполнения чего-то, теряют гораздо больше, не понимая, что же главное принес в мир Христос.

От мудрых священников можно слышать такую фразу: ты лучше постом мясо ешь, а не людей. Потому что иногда люди, которые мяса не едят, терзают всех вокруг, терроризируют своих детей, снох или племянников. У внука, кроме мотоцикла, папирос и пива, нет никаких интересов, а бабушка ему: ты в церковь сходи, помолись, ты крест носи. И ест его, и ест, превращает его жизнь в ад крошечный. Он уже не знает, куда ему деться, а она и к матери его пристаёт: ты его своди, ты ему скажи. И это называется катехизация? христианская проповедь?

Если внука притащить в храм насильно и крестить, бабушка будет довольна: ну, слава Богу, теперь у меня душа спокойна, закон исполнен, все в порядке. А на самом деле не в порядке: раз он крещеный, он в аду, возможно, будет гораздо ниже, чем если бы был некрещеный. То есть она ему гораздо худшую услугу оказала, потому что он мог бы дорасти когда-нибудь до веры; в тюрьме, может быть, пять раз посидел, одумался, крестился, и Господь в крещении простил бы ему все грехи. А так он тут же, покрестившись, идет неизвестно что творить. Ту благодать, которая ему дана, втаптывает в самую жуткую грязь, которую только

можно вообразить. И бабушка не считает это чем-то страшным.

Вот такое чисто законническое, ветхозаветное отношение к духовной жизни. И нам всем надо его обязательно изжить. А изживается оно постепенно в процессе воцерковления, в процессе раскрытия в нас духовной жизни, восприятия благодати Божией. Те правила, каноны, обычаи, которые в Церкви существуют, святы. Они все подводят нас к Истине, делают ее наглядной. Истина же совершается и раскрывается в нашей душе через духовный подвиг.

Спасает не исполнение правил и не поиски «особенных» молитв. А то часто в стремлении вычитать побольше акафистов человек даже попадает под власть каких-то чисел; некоторые говорят: вот, надо сорок акафистов прочитать. А почему не сорок два или, может, двадцати трех хватит? Почему именно сорок? Или стремятся куда-то поехать: о, там благодатно! А там еще благодатней! Но каждый храм православный – это Небо. Что может быть благодатней?

Вот мы сейчас пришли в храм, и на престоле лежит Пречистое Тело Господне. Мы стоим буквально в трех метрах от самого святого места, которое только можно себе вообразить. Какие еще нужны святые места? Здесь Небесное Царствие. И Тело Христово, то самое, которое одесную Бога Отца пребывает на Небесах, которое въезжало на осле в Иерусалим, которое распиналось на Кресте и возносилось на Небо, то самое Тело, к которому женщина прикоснулась с верой и исцелилась от своей болезни, – оно находится здесь. Никакой разницы между этим Телом и тем нет, они абсолютно тождественны.

Мы стоим в присутствии Христа Спасителя, мы каждый день слушаем слово Божие, которое из Евангелия несется к нам, но с нами ничего не происходит, потому что Ветхий Завет в нас еще не умер, мы всё живем в цепи каких-то правил, которые нас связывают и сделались для нас самоцелью. А ведь правило – это всего лишь костыль, который помогает ходить.

Господь говорит через апостола Павла: "Плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание; на таковых нет закона". Для того, кто приобрел плоды Духа, закон не существует, ему даже не нужно и само Евангелие постоянно читать, потому что оно написано перстом Божиим на скрижалях его сердца. Он уже не может поступить иначе, как сказано в заповедях. Это нам, людям, от греха отупевшим, необходим писанный закон. Мы должны читать Евангелие настолько часто, чтобы оно проникло глубоко в нашу душу. А произойдет это только тогда, когда мы начнем коросту греховную с нашей души снимать. И поймем, что не правила спасительны – спасительно изменение жизни, исправление собственного сердца. Когда нет воров – запоры и ограды не нужны!

Поэтому ни Ветхий Завет, ни вычитывания, никакие поездки по святым местам, по старцам, престолом, к иконам нас не спасут никогда. Спасет нас только если мы заставим себя исполнять заповеди Божии, а святыня, перед которой мы будем молиться, должна подвигнуть нас к исправлению, старец – возбудить ревность ко святости, места святые – напомнить о подвигах тех, кто был здесь до нас.

Исполняя заповедь за заповедью Христовой, мы постепенно сердце свое расшевелим, в этой коросте появится трещина, и грехи слой за слоем будут с нас опадать. Тогда в нас раскроется духовная жизнь. А пока мы еще находимся в Ветхом Завете и, следовательно, являемся распинателями Христа Спасителя. Поэтому мы так просто грешим. Те грехи, которые для святых людей, познавших Новый Завет, немыслимы, мы делаем очень легко. Когда старца Силуана спросили мнение о каком-то монахе, он ответил: "Ты хочешь, чтобы я осудил, что ли? Да я никогда в жизни никого не осуждал. Для меня это невозможно". Режь его на куски – он не сможет осудить, потому что его сердце стало уже другим. А для нас соврать, слукавить, обмануть, осудить, в какие-то помыслы греховные впасть, как говорится, проще пареной репы. Потому что это наша собственная жизнь, мы в этом кипим.

Отказаться от греха трудно, а ограничить себя всякими правилами мы можем и делаем это с удовольствием, потому что правила исполнять легко. Вот взять монастырь – там все расписано: в пять часов подъем, в полшестого братский молебен, потом послушание, литургия, обед, отдых, опять послушание, вечернее богослужение, потом у кого послушание, у кого ужин, у кого отдых. Все регламентировано, весь день заполнен. Но даже там, где действуют эти строгие правила, созданные для того, чтобы человек познал духовную жизнь, – сколько там оказывается людей, которые не только не думают о ней, а и не знают даже, что это такое.

Ведь и в церкви можно прекрасно устроиться и ничего не делать, и настолько

оттренироваться отстаивать службу, что не устанешь нисколько, и не услышишь даже, что читается и поется, и не помолишься – так, перекрестишься чисто формально. Зачем перекрестился, что это значит? Совершенно ум отсутствует. Человек стоит и о чем-то мечтает. О том подумал, об этом. Форточка хлопнула – туда обернулся. Личико какое-то понравилось – на личико посмотрел. Батюшка вышел – заметил, какие у батюшки ботинки. Вроде новые или нет, нет, старые, просто почистил. Туда взглянул, сюда взглянул. Смотришь, уже "Ныне отпускаеши" запели. Вечерня кончается... и душа опять улетела. А что такое "Ныне отпускаеши"? И опять туда посмотрел, сюда, о том подумал, это вспомнил... Свет выключили, о, шестопсалмие читают. Кто сегодня читает, Алексей Никифорович? Нет, Вовка вышел. И опять уснул... Ну вот, слава Богу, служба кончилась, значит, сейчас проповедь будет, батюшка что-нибудь интересное скажет. Постоял, послушал и пошел. Эх, дошел до остановки и все забыл. А завтра все сначала.

Вот так оно и происходит. А нужна постоянная работа души. Когда стоишь в храме, надо обязательно мучаться, все время заставлять себя молиться, трезвиться, постоянно продираться сквозь кустарник помыслов, стараться вдумываться в каждое слово, чтобы оно дошло до ума, а уж потом, если Бог даст конечно, и до сердца. Потому что до ума слово богослужения доходит через наше усилие, до сердца – по благодати Божией. И ту работу, которая требуется от нас, чтобы вникнуть в богослужение, мы должны делать безукоризненно.

Говорят, самый тяжелый труд на свете – Богу молиться. Да, это действительно так: мы готовы что угодно делать, только не молиться. Труднее всего вечером молитвослов раскрыть: то надо телевизор посмотреть, то постирать, то то, то се. Потому что тогда у нас будет оправдание: вот я устала, и Господь не взыщет, если формально прочитаю. Лукавим перед Богом, а это же не молитва.

Конечно, с одной стороны, хорошо, что человек понуждает себя встать на чтение правила. Сам этот его акт волевой хорош, он направлен к Богу, но произойдет ли сретение? Произойдет встреча с Богом во время чтения вечернего правила или нет? Вот что важно. Важно, чтобы сердце раскрылось навстречу Богу, чтобы человек почувствовал себя в присутствии Божиим, увидел себя грешным, захотел исправиться, опять, вновь и вновь. Важно захотеть следующий день прожить лучше, чем предыдущий. Вот это есть духовная жизнь. А мы все скользим, скользим, скользим и поэтому еще пребываем в Ветхом Завете.

Праздник Сретение имеет колоссальный духовный смысл. Встречаются два Завета; все лучшее, что есть в Ветхом Завете, символизирует собой старец Симеон, который держит на руках Младенца Христа. Он еще очень мал, Он только родился – и вот Ветхий умирает, чтобы дать жизнь Новому. Это должно произойти и в нашем сердце – все ветхое должно уйти, чтобы уступить место новому. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 14 февраля 1988 года, вечер

Память преподобной Марии Египетской

Сегодняшний воскресный день, который мы начинаем по обычаю праздновать с вечера, посвящен преподобной Марии Египетской. В Православной Церкви этой святой воздается особенная честь, ее память бывает несколько раз в году. Только недавно совершалась служба стояние Марии Египетской и читалось ее житие, а еще она прославляется в день своей блаженной кончины.

Раз Церковь так торжествует память Марии, значит, ее жизнь для нас особо назидательна. Конечно, мы не можем подражать ее подвигу, ни один человек, живущий на земле, повторить его теперь не в состоянии, людям XX века он кажется фантастическим, потому что мы живем в совершенно другую эпоху. Кто из нас способен обойтись без одежды или оставить московскую прописку и с полутора краяхами орловского хлеба пойти в пустыню и там прожить 47 лет? Для нас это непосильно. А что же мы можем из ее жития взять, чтобы приближаться к тому высокому идеалу, к которому зовет Христос?

Что двигало жизнью преподобной Марии? Какая главная добродетель была в ней? Мы знаем, что она начала жизнь очень грешно. Ну и все мы тоже начали жизнь весьма грешно, за исключением тех, которые с детства в Церкви, – среди нас таких единицы. Но дальше она

нашла в себе мужество свою жизнь переменить, и сделала это так радикально, как мы не можем. Мария изменила жизнь принципиально в каждом пункте, исправила ее во всем. Она погубила душу свою ради Евангелия, как к этому призывает Господь.

Раньше вообще люди были более простодушны, они истину евангельскую воспринимали прямо. Вот, например, мы праздновали память Севастийских мучеников. Стражник увидел, что на воинов, которые обнаженными стояли на льду зимой и замерзали, спускаются венцы, и так просто это воспринял, что понял: вот если сейчас он бросится к ним, то тоже получит венец от Бога, – даже не подумал, что ему будет холодно или больно. И такая у него была жажда спасения, красоты духовной, такое желание приблизиться к Богу, что он ни о чем не задумался, разделся и встал вместе с ними – и за эту ночь стал святым, хотя не был даже крещен. За одно свое устремление он сподобился дара Духа Святаго и причислен к лику сорока мучеников Севастийских, память которых Церковь торжествует на протяжении стольких столетий.

Так же и Мария – она входила в храм, чтобы поклониться Кресту Господню, Животворящему Древу, и никак не могла войти, Господь ее отвергал. Интересна психология живущей в VI веке. Когда у нас в жизни что-то не получается, мы обычно начинаем винить всех вокруг: людей, обстоятельства, власти, еще что-то; мы хотим в борьбу вступить, перебороть, чего-то достичь. Она же восприняла это совершенно правильно – поняла, что ее не пускает ее собственный грех. А желание прикоснуться к Древу было огромное, и Мария решила помолиться Богородице и дать обет, что, если Матерь Божия ее допустит в храм, тогда она свою жизнь переменит. И была тут же допущена, и прикоснулась к Древу Животворящего Креста, и причастилась на следующий день – то есть Господь ее принял и дал ей благодать за то, что она решилась повернуть свою жизнь.

Это ее решение есть покаяние. Мария пошла в пустыню и там очень тяжело страдала – терпела голод, жажду, а помимо этого мучилась от помыслов, от своих желаний, от страстей, которые ее терзали, – но все-таки в мир не вернулась. Она бросалась на землю, грызла песок, рвала на себе волосы, била себя в грудь, она не спала, молилась – но не переступила Иордан, назад не пошла. Вот такое показала мужество и такое великое терпение. Мария терпела самое себя, свои страсти, не давала им воли до тех пор, пока они не умерли. И когда страсти умерли, она стала восходить на духовную высоту и достигла удивительной святости, абсолютной прозорливости, полного знания Священного Писания. Из жития мы знаем, что она даже смогла по воде пройти, когда в том была нужда; и Зосима удивился, как она за день проделала путь, на который ему потребовалось 20 дней.

Ей не нужны были ни автомобиль, ни самолет, ни вертолет – это все не требуется человеку духовному. А мы окружены всякими игрушками, как нам кажется, для жизни очень важными и необходимыми, потому что мы стали слабыми и ничего не можем сделать с собой. Какое-то элементарное действие – допустим, родить всех детей, которых зачнешь, – для многих непосильный подвиг. На женщину, у которой больше трех детей, смотрят как на какое-то чудо, да еще предосудительное. А что здесь, собственно, особенного? Еще в прошлом веке рожали по 7-8 детей и великосветские барыни, и простые крестьянки, и богатые, и бедные. И никому в голову не приходило, что от детей как-то можно избавляться, хотя бывали случаи, что их подкидывали или редко, крайне редко убивали или плод вытравливали, – а так рожали и воспитывали. Но для современного человека просто родить своих собственных детей – это уже что-то невозможное; или, допустим, жить в коммунальной квартире – а тридцать лет назад многие люди, если не большинство, так жили, это было общее явление. И так во всем. Человек утратил всякое мужество, всякую волю к жизни оттого, что он утратил духовный стержень. А стержень этот дает только вера в Бога и благодать Духа Святаго.

Что же нам делать, если мы хотим быть учениками Христовыми? Господь, зная наши греховные немощи, зная нашу духовную слабость, конечно, не ждет от нас подвигов Марии Египетской. Он хочет от нас просто элементарной порядочности, чтобы мы были нормальными людьми. Требования к нам сейчас – это просто требования к обычному человеку: чтобы мы ради какой-то сиюминутной выгоды не делали зло, не шли на сговор со своей совестью, не убаюкивали ее; чтобы не мстили, научились поступать благородно; чтобы сильные не обижали слабого.

То, что для человека, жившего сто лет назад, было элементарно просто и в порядке вещей,

для современного человека уже является выдающимся подвигом. Как же так, он меня ущемил, он меня обругал – а я стерпеть, промолчать или даже простить? Это невозможно. Но если я хочу наследовать Царство Небесное, то, несмотря на обиду и на плохое отношение, я найду в себе мужество и прощу. Некоторые духовные люди говорят, что в наш век можно спастись совершением малых добрых дел. Надо нам учиться делать это малое добро, то есть постоянно в мелочах быть верными Богу. Как в сегодняшнем Евангелии Господь сказал Фоме: возьми свою руку и вложи Мне в ребра и с этого момента не будь неверен, но верен – то есть не будь неверующим, но верующим.

В Бога веруют все, за редким-редким исключением, – веруют и дьявол, и бесы, и люди разных религий, противоположных христианству: буддисты, сатанисты. Даже в конфуцианстве какое-то понятие о Боге, о высшей силе, о Творце вселенной тоже есть. Поэтому сама вера в Бога не дает ничего, вера должна быть к Богу. А вот здесь уже начинается разногласие. Например, Христос говорит, что перед Богом нет ни мужского пола, ни женского, все одинаково равны, а мусульмане к женщине вообще не относятся как к полноценному человеку, считают, что только мужчины наследуют жизнь и бессмертие, а женщина – только должна давать потомство.

Очень важно, какому именно Богу человек верит, какое учение он принимает как истину, являющуюся движущей силой его сердца. Если мы христиане, то должны этой движущей силой сделать Христовы заповеди и жизнь свою строить не по тому, как люди живут, или как принято в обществе, или что мы в книжке прочли у какого-то, может быть, очень хорошего писателя, и не по тому, что требует от нас начальник на работе, или жена, или наши дети и внуки. Нам нужно не подчиняться духу времени, а сохранить верность Богу, Его заповедям, сохранить верность духовным постулатам христианства – вот тогда мы сможем свою веру удержать и наполнить ее смыслом. Потому что иной человек, считающий себя христианином, и ходящий в церковь, и даже причащающийся и исповедующийся регулярно, иногда делает такие вещи, за которые вообще полагается от Церкви сразу отлучать. Вот, например, совсем недавно, когда папа Римский приехал в Америку, от него католички, верующие христианки, стали требовать, чтобы он издал энциклику, разрешающую аборт. Ну может ли христианский епископ разрешать убийство? Ведь если в Церкви допустить многоженство, детоубийство, пьянство, наркоманию, это уже будет не христианская Церковь, а что-то совсем другое.

Чтобы стать христианами, нам нужно стараться изучить Евангелие, знать его на память, чтобы оно уложилось не только в нашем уме, но и в нашем сердце. Мария Египетская была неграмотная, однако Господь ее так просветил, что она все Писание цитировала наизусть. Но каким подвигом она этого достигла! Мы на это не способны, поэтому Господь, по милости Своей, устроил так, что каждый из нас может иметь печатный текст Евангелия. В VI веке ни один христианин, кроме императора и нескольких – буквально по пальцам можно пересчитать – сановников, Священного Писания не имел, не в каждом храме оно было. Евангелие считалось величайшим сокровищем, драгоценностью, и люди, чтобы слышать его, собирались в церкви, изучали его, просили Бога, чтобы Он им помог его усвоить, – а любой из нас дома, сидя на стульчике, может Евангелие почитать. И тем не менее, имея такое блаженное сокровище, мы им не пользуемся – читаем, как мы привыкли правило читать, лишь бы отделаться, совершенно не думая над тем, насколько оно соответствует нашей жизни. А если увидим явное несоответствие ему наших поступков, то начинаем себя уговаривать: ну, мол, это ничего, кто теперь так может? – абсолютно не понимая того, что слово Божие сказано на все века.

Но если у нас есть стремление к Царствию Небесному, если мы хотим в нашей жизни увидеть Бога, хотим узнать, какой Он, Бог, если мы хотим Его ощутить, вложить руку в Его ребра, почувствовать Его, как Фома захотел, – тогда нашу жизнь надо устраивать совершенно по-другому. Тогда надо во главу угла ставить не то, как нам получше и полегче жить; и из всего обилия возможностей, которые у нас есть, мы должны выбирать только те, что не противоречат Евангелию. Вот чем отличается жизнь христианская от нехристианской.

Допустим, я женился, а мне жена надоела. Я встретил лучше: она и красивее, и моложе, и хозяйственнее, у нее есть и автомобиль, и отдельная квартира – ну все. А эта у меня и неряха, и горбатая, и бесплодная, и в коммунальной квартире комната. Что делать? Нормальный, средний человек эту бросит, конечно, и уйдет к той. Но если я христианин, я уже так поступить не могу,

потому что этот поступок вступает в противоречие с Евангелием, потому что развод перед Богом просто немыслим. Если я хочу достичь Царствия Небесного, то должен с той женой, которую выбрал, жить до конца. И так во всем – на работе, и дома, и в автобусе, и в трамвае, и с собственной душой.

Жизнь человеческая складывается из поступков. И каждый наш поступок не может быть нейтральным, это либо шаг к Богу, либо шаг от Бога. Поэтому вся наша жизнь, если мы хотим быть христианами и хотим достичь Царствия Небесного, должна состоять из поступков, которые нас приближают к Богу. Мария Египетская подает нам в этом пример. Она была последовательна до конца и все греховное в себе, с помощью благодати Божией, исправила. Вот так и мы: если будем мужественно и последовательно всегда выбирать заповедь Божию, всегда выбирать Евангелие, правду Божию, тогда постепенно наша жизнь станет выправляться.

Мало ли что у меня в душе, мало ли какое у меня настроение, какие у меня симпатии или антипатии к человеку – сказано: люби ближнего, как самого себя, и все, никаких уже не может быть отступлений. Нравится мне человек, не нравится, приятен он мне или надоел до последней степени, но я не могу его отвергнуть, если я христианин, ведь если я его отвергну, это будет противно любви. Поэтому если он мне не нравится, я должен молиться, чтобы Бог меня вразумил, чтобы мне исправиться в отношении к нему, но пренебречь, переступить через него я уже не имею права, потому что хотя это, может быть, и не противно моей совести (совесть свою я грехами уже давно сжег), но это противно Евангелию.

И если Евангелие станет принципом нашей жизни, тогда она будет постепенно исправляться. А те маленькие подвиги ради Христа, ради Евангелия, которые мы начнем совершать, и будут несением своего креста, отвержением себя. Именно это и значит потерять душу свою ради Евангелия. Ведь если человек мне неприятен, а я должен раскрыть ему свое сердце, тем самым я совершаю подвиг: я совершаю усилие над собой, я умираю в этот момент, потому что мое "Я", которое противится этому человеку, должно умереть. И если я так делаю не просто ради этого человека, а именно ради Христа, я стану на шаг ближе к Царствию Небесному, потому что так же поступал и Христос.

Вот пришли десять прокаженных и попросили, чтобы Он их исцелил, – и Он исцелил. Сколько вернулось Его после этого поблагодарить? Из десяти только один. А Господь же их всех насквозь видел, Он мог бы этого одного выбрать и только его исцелить, потому что он был единственный нормальный человек: ему помогли – и он поблагодарил. А остальным мог бы сказать: а вы, ребята, погуляйте, пока научитесь правильно себя вести. Но Господь так не поступил; раз они к Нему обратились, Он им дал, хотя они Ему потом навредили и Он знал, что так будет.

И христианин всегда именно так и поступает, хотя знает: от того, что он делает, ему часто бывает вред. Чем больше для людей делаешь, тем больше они садятся тебе на шею. Но это же не значит, что нужно перестать творить добро. Если мы живем по принципу ты – мне, я – тебе, это не по-христиански. Христианский принцип – это когда ты совершаешь добрые дела, а тебе за них дают по шее. Тогда, значит, человек делает добро ради него самого и не боится, что получит по шее, а если даже и боится, то этот страх преодолевает. Вот в этом преодолении, в этом мужестве и есть христианство. И пример нам здесь Мария Египетская.

Если мы хотим достичь Царствия Небесного, мы должны все время напрягать свое сердце и все время думать, угоден данный наш поступок Богу или нет. И если наше сердце отвечает, что он Богу не угоден, то мы его делать не должны ни в каком случае. А если видим, что поступок угоден Богу, то надо помолиться о том, чтобы Господь помог нам его совершить, потому что очень часто мы не можем сделать некое добро в силу слабости характера, трусости, малодушия, лени, нежелания и так далее, много всяких причин. Но неделание добра есть такое же зло. Или многие говорят: а я ничего никому плохого не сделал. Ну и что? Сарай, который во дворе стоит, тоже ничего никому плохого не сделал, но его, когда будут строить дом, все равно сломают, он никому не нужен, и этот сарай Царствие Небесное не наследует.

Если мы хотим быть наследниками Небесного Царства, а не старым захламленным сараем, то должны все время, всю свою жизнь вот эти поступки, которые являются шагом по направлению к Богу, совершать. А когда начнем ослабевать, будем просить Марию Египетскую: преподобная мати Мария, моли Бога о нас. И ее молитва нам поможет в этом

делании. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 26 марта 1988 года, вечер

Великий пяток

Отчасти по нашей вине, отчасти не по нашей, но так случилось, что для многих из нас исповедь является некой формальностью, которую нужно обязательно совершить перед причастием Святых Христовых Тайн. На самом же деле исповедь – это одно из семи таинств Православной Церкви, в коем человек получает благодать Божию.

Многие отходят от исповеди не только не очищенными, а, наоборот, еще более согрешившими. Это результат того, что она стала формальностью. А ведь в таинстве покаяния подается благодать, которая исцеляет человека от греха. Мы просим у Бога прощения, просим благодатной помощи для исправления нашей жизни. Почему же человек, допустим, в воскресенье покался в каком-то грехе, а во вторник опять в него впал? Просто тот грех, в котором он каялся, Богом не прощен. Не было благодати Божией, врачевавшей его рану духовную, потому что не было истинного покаяния.

Таинство покаяния совершается, когда в человеческом сердце происходит переворот, когда человек отказывается от греха, начинает ненавидеть его лютой ненавистью. Тогда он уже в грех не впадает. Бывают у него искушения, и желания, и всякие помыслы, которые склоняют его на грех, но он успешно с ними борется с помощью благодати Божией. А если благодати нет, то он, конечно, победить грех не может.

Как нам привлечь благодать Божию в свое сердце? Надо стараться, чтобы в нем было истинное покаяние. Для этого нужно свои грехи осознать, увидеть всю мерзость их, понять, что они препятствуют нам в достижении Царствия Небесного. Надо захотеть действительно Царствия Небесного; от всей нашей души, глубоко-глубоко возлюбить Бога.

Вот как обычно если человек любит что-то, ну, например, жареный картофель, то он, естественно, старается почаще покупать картошку, почаще ее жарить и есть. Если человек любит смотреть телевизор, естественно, у него он горит и утром, и днем, и вечером. Если молодой человек и молодая женщина друг друга полюбили, естественно, они хотят быть всегда вместе, для этого они и женятся. Так же и мать – если она любит дитя, то она с ним занимается, ему книжки читает, его воспитывает. Если же не любит или любит недостаточно, то сплавит его на пятидневку в детский сад, отдаст бабушке. И так во всем.

Если человек любит Бога, он будет постоянно в храм ходить, постоянно Священное Писание читать, молиться. Ему не надо себя заставлять, потому что он любит. Поэтому и в Царствие Небесное входит только тот, кто любит Бога; тот, кто ничего на свете так не любит, как одного Бога. Он все время хочет с Богом беседовать, с Ним пребывать, не хочет от Него отвлекаться ни на минуту. Он все время только и думает о Боге, только и боится, как бы от Него не отступить, как бы Его чем-нибудь не прогневать, не лишиться с Ним общения. Потому что такое нарушение общения с Богом – ад. А такое богообщение – рай.

И от того, познал ли человек в этой жизни, земной, Бога, приобщился ли к Нему, полюбил ли Его, зависит его участь в вечности. Если Господь видит, что человек всю свою жизнь положил на то, чтобы к Нему приблизиться, конечно, такой человек не умирает, а переходит от смерти прямо в жизнь. Он переходит прямо в объятия Отчи, наследует Царствие Небесное, уготованное ему Отцом Небесным, потому что человек любит Бога, и как же Бог, любящий всех людей, может лишить его этого богообщения?! Ну а тот, кто не любит Бога, кому Бог не нужен, естественно, лишается Бога, лишается Царствия Небесного. Ему нужно здоровье, ему нужны слава, богатство, развитие своих интеллектуальных способностей, своя собственная интересная жизнь, ему нужен он сам – и он так сам с собой и остается.

Когда человек полюбит Бога, захочет Царствия Небесного, то он начнет видеть, что же ему препятствует Бога познать. Этому познанию препятствует грех. Вот он хотел от Бога не отвлекаться, а ему помыслы мешают – и человек начинает ненавидеть свои помыслы. Заметил, что, как только он лишнего съест, у него молитва пропадает – значит, он ненавидит свое собственное объедение. Если человек давно не читал Священное Писание, он чувствует, что как-то сердце его охладело, что такая лень к чтению Писания уводит его от Бога, от истинной

духовной жизни – и вот он ненавидит свою лень. Он начинает ненавидеть свою болтливость, блудность, свое осуждение, хамство, тщеславие. Так постепенно, постепенно человек начинает ненавидеть в себе грех, потому что он ему не дает видеть Бога, не дает постоянно с Богом общаться, все время с Ним пребывать. И понемногу он начинает выправлять свою жизнь. Это исправление называется покаянием.

Приходит человек на исповедь. Недаром перед ней читается всегда: "Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое". То есть не священник принимает исповедание, а Сам Господь Иисус Христос. Поэтому подходит он не к священнику, а к Самому Господу Иисусу Христу и говорит: Господи, я осознал в своей жизни, что мне мешают с Тобой соединиться вот такие-то мои качества, благоприобретенные и наследственные, которые есть в моей душе. Ты мне помоги исправиться, Ты меня исцели, я это просто ненавижу, ненавижу то, что есть во мне. И когда Господь увидит, что в нем искреннее желание и искренняя ненависть ко греху, человек уйдет от исповеди, прикоснувшись кресту и Евангелию, совершенно исцеленным. Этого греха уже в нем не будет, он никогда его больше не повторит. Если покаяние глубоко, если есть настоящее осознание греха, тогда благодать Божия приходит и исцеляет человека.

Потом, когда первый слой греха будет снят с его души, под ним покажется второй. Часто люди говорят: что же такое, никогда за собой этого не знал, и вдруг из меня вылезло. Очень просто: ты боролся с теми грехами, которые на поверхности, и Господь тебе помог их исправить, и вот второй слой открывается. Его снимешь – там третий, четвертый, потому что в душе нашей такие слои грехов идут один за другим. И жить нам надо не для того, чтобы пищу перерабатывать в навоз – для этого есть животные, которые с этим прекрасно справляются. Человек создан Богом, чтобы он вошел в Царствие Небесное. Господь хочет каждого человека в Царствие Небесное ввести. Вот и надо эти слои снимать, снимать, и не нужно удивляться, что у нас их множество. Жизнь дана каждому ровно настолько в обрез, чтобы полностью очиститься от всех грехов.

И надо нам в этом стараться; надо терпеть то, как Господь нас лечит, как Сам нас исцеляет всякими скорбями, болезнями, трудностями – прикладывает пластыри к нашей душе, чтобы эту коросту отпарить. Вот, допустим, у нас болячка какая-то на теле, и, если мы к ней компресс приложим, она размокнет, ее можно будет потихонечку сшелушить. Потихонечку, потому что с мясом нельзя отрывать, будет очень больно. Так и грех. Господь пошлет какую-нибудь болезнь, поболеем денек-другой, месяц, годик – глядишь, душа немножко умягчится, и тогда можно эту коросту греховную снимать. Господь Сам каждому выбирает лекарства по его душе, по его заболеванию. И надо за это Бога благодарить.

Некоторые люди заблуждающиеся думают, что если на земле порядок установить, человеческие отношения хорошие, чтобы все было по справедливости, то сразу люди будут хорошие, сразу наступит красота. А нет, ничего не получается, наоборот, становится хуже – и преступность растет, и водку пьют больше. Спрашивается, отчего так? Оттого, что надо заниматься в первую очередь душой. Вот, допустим, родился плохой человек, и мама его воспитала плохо, и ребята на улице научили невесть чему. Как ему стать хорошим? Возможно ли это? Почитаю Горького, почитаю Чернышевского, почитаю Маяковского – "Кем быть?", "Что делать?". Все буду знать. Ну и что, стану ли я лучше? Нет.

Ни одна книжка, ни один кинофильм, никакой замечательный спектакль не могут человека исправить. Вот посади преступника в зрительный зал, где актеры самые хорошие слова со сцены говорят, драматургия прекрасная. Ну и что, он выйдет очищенный? Нет, спектакль или книга могут только мысль зародить о том, что хорошо и что плохо. Но очистить человека, из плохого сделать хорошим не может ни Толстой, ни Достоевский, ни Пушкин, никто. Потому что писатель, может быть, пишет и правильно, а вот сам поступает не очень правильно. И если биографию посмотреть, например, Льва Толстого или «Исповедь» почитать, то думаешь, ну и ну! Не может один грешник исправить другого грешника.

И сам человек не может себя исправить. Мы часто удивляемся: да что же это у меня ничего не получается, сколько ни стараюсь, ничего не могу с собой сделать? Но если бы можно было очиститься от греха без Бога, спрашивается, пришел бы Христос на землю? Исправить человека может только Бог, потому что Он его создал, Он знает, как устроена его душа. И Бог

любит человека. Поэтому если мы хотим быть лучше, мы должны к Богу обращаться. Только Он может дать нам благодать, которая нас из дурных делает лучшими, из грязных делает чистыми, из дураков – умными, из безобразных – красивыми. И во всяких трудностях, скорбях, в борьбе с грехом нам надо Его просить: "Господи, помоги, видишь, я изнемогаю, видишь, как я борюсь с грехом. Ты мне помоги".

И если мы будем изо всех сил воздерживаться от греха и просить помощи Божией, мы увидим, как благодать Божия начнет нас исцелять, прямо чудеса будут происходить. Эти чудеса в Церкви проявляются ежечасно. Мы просто этого не замечаем, потому что Царствие Небесное не приходит приметным образом. Постепенно, постепенно в нас, по благодати Божией, раскроется все самое прекрасное, что было Богом заложено.

Живя без Бога, человек обычно становится все хуже, все мрачнее, злее, завистливее, он культивирует в себе зло, превращается в какое-то чудовище постепенно, как бы матерее в грехе. А если он, наоборот, к Богу стремится, то становится все лучше, все чище и прекраснее. И если будет у нас такое стремление, тогда каждая наша исповедь окажется шагом вперед навстречу к Богу, а не просто некой формальностью перед причастием Святых Христовых Тайн.

Крестовоздвиженский храм, 8 апреля 1988 года, перед исповедью

Начало Петрова поста

Если у человека спросить: "Как ты думаешь, какой самый страшный грех?" – один назовет убийство, другой воровство, третий подлость, четвертый предательство. На самом деле самый страшный грех – это неверие, а уж оно рождает и подлость, и предательство, и прелюбодеяние, и воровство, и убийство, и что угодно.

Грех не есть проступок; проступок является следствием греха, как кашель – это не болезнь, а ее следствие. Очень часто бывает, что человек никого не убил, не ограбил, не сотворил какой-то подлости и поэтому думает о себе хорошо, но он не знает, что его грех хуже, чем убийство, и хуже, чем воровство, потому что он в своей жизни проходит мимо самого главного.

Неверие – это состояние души, когда человек не чувствует Бога. Оно связано с неблагодарностью Богу, и им заражены не только люди, полностью отрицающие бытие Божие, но и каждый из нас. Как всякий смертный грех, неверие ослепляет человека. Если кого-то спросить, допустим, о высшей математике, он скажет: "Это не моя тема, я в этом ничего не понимаю". Если спросить о кулинарии, он скажет: "Я даже суп не умею варить, это не в моей компетенции". Но когда речь заходит о вере, тут все имеют собственное мнение. Один заявляет: я считаю так; другой: я считаю так. Один говорит: посты соблюдать не надо. А другой: моя бабушка была верующей и она вот так делала, поэтому надо делать так. И все берутся судить и рядить, хотя в большинстве случаев ничего в этом не понимают.

Почему, когда вопросы касаются веры, каждый стремится обязательно высказать свое дурацкое мнение? Почему в этих вопросах люди вдруг становятся специалистами? Почему они уверены, что все здесь понимают, все знают? Потому что каждый считает, что он верует в той самой степени, в которой необходимо. На самом деле это совершенно не так, и это очень легко проверить. В Евангелии сказано: "Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет". Если этого не наблюдается, значит, нет веры даже с горчичное зерно. Так как человек ослеплен, то он считает, что верует достаточно, а на самом деле он не может совершить даже такой пустяк, как сдвинуть гору, которую и без веры сдвинуть можно. И из-за маловерия происходят все наши беды.

Когда Господь шел по водам, Петр, который никого на свете не любил так, как Христа, захотел прийти к Нему и сказал: "Повели мне, и я пойду к Тебе". Господь говорит: "Иди". И Петр также пошел по водам, но на секунду испугался, усомнился и стал тонуть и воскликнул: "Господи, спаси меня, я погибаю!" Сначала он собрал всю свою веру и, на сколько ее хватило, на столько он и прошел, а потом, когда «запас» иссяк, стал тонуть.

Вот так же и мы. Кто из нас не знает, что Бог есть? Все знают. Кто не знает, что Бог слышит наши молитвы? Все знают. Бог всеведущ, и, где бы мы ни были, Он слышит все слова,

которые мы произносим. Мы знаем, что Господь благ. Даже в сегодняшнем Евангелии есть подтверждение этому, и вся наша жизнь показывает, как Он к нам милостив. Господь Иисус Христос говорит, что, если наше дитя просит хлеба, неужели мы дадим ему камень или, если просит рыбу, дадим ему змею. Кто из нас может так поступить? Никто. А ведь мы люди злые. Неужели это может совершить Господь, Который благ?

Тем не менее мы все время ропщем, все время стонем, все время то с одним не согласны, то с другим. Господь нам говорит, что путь в Царствие Небесное лежит через многие страдания, а мы не верим. Нам все хочется быть здоровыми, счастливыми, мы все хотим на земле хорошо устроиться. Господь говорит, что только тот, кто пойдет за Ним и возьмет свой крест, достигнет Царствия Небесного, а нам это опять не подходит, мы снова настаиваем на своем, хотя считаем себя верующими. Чисто теоретически мы знаем, что в Евангелии содержится истина, однако вся наша жизнь идет против нее. И часто нет у нас страха Божия, потому что мы забываем, что Господь всегда рядом, всегда на нас смотрит. Поэтому мы так легко грешим, легко осуждаем, легко человеку можем пожелать зла, легко им пренебречь, оскорбить его, обидеть.

Теоретически нам известно, что есть вездесущий Бог, но наше сердце далеко отстоит от Него, мы Его не чувствуем, нам кажется, что Бог где-то там, в бесконечном космосе, и Он нас не видит и не знает. Поэтому мы грешим, поэтому не соглашаемся с Его заповедями, претендуем на свободу других, хотим переделать все по-своему, хотим всю жизнь изменить и сделать ее такой, как мы считаем нужным. Но это совершенно неправильно, мы никак не можем в такой степени управлять своей жизнью. Мы можем только смиряться перед тем, что Господь нам дает, и радоваться тому благу и тем наказаниям, которые Он посылает, потому что через это Он нас учит Царствию Небесному. Но мы Ему не верим – мы не верим, что нельзя грубить, и поэтому грубим; не верим, что нельзя раздражаться, и раздражаемся; мы не верим, что нельзя завидовать, и часто кладем глаз на чужое и завидуем благополучию других людей. А некоторые дерзают завидовать и духовным дарованиям от Бога – это вообще грех страшный, потому что каждый от Бога получает то, что он может понести.

Неверие – это удел не только людей, которые отрицают Бога; оно глубоко проникает и в нашу жизнь. Поэтому мы часто пребываем в унынии, в панике, не знаем, что нам делать; нас душат слезы, но это не слезы покаяния, они не очищают нас от греха – это слезы отчаяния, потому что мы забываем, что Господь все видит; мы злимся, ропщем, негодуем.

Отчего мы всех близких хотим заставить ходить в церковь, молиться, причащаться? От неверия, потому что мы забываем, что Бог хочет того же. Мы забываем, что Бог каждому человеку желает спастись и о каждом заботится. Нам кажется, что никакого Бога нет, что от нас, от каких-то наших усилий что-то зависит, – и начинаем убеждать, рассказывать, объяснять, а делаем только хуже, потому что привлечь к Царствию Небесному можно лишь Духом Святым, а у нас Его нет. Поэтому мы только раздражаем людей, цепляемся к ним, надоедаем, мучаем, под благим предлогом превращаем их жизнь в ад.

Мы нарушаем драгоценный дар, который дан человеку, – дар свободы. Своими претензиями, тем, что хотим всех переделать по своему образу и подобию, а не по образу Божию, мы претендуем на свободу других и стараемся всех заставить мыслить так, как мыслим сами, а это невозможно. Человеку можно открыть истину, если он о ней спрашивает, если он хочет ее узнать, мы же постоянно навязываем. В этом акте нет никакого смирения, а раз нет смирения, значит, нет благодати Святого Духа. А без благодати Святого Духа результата не будет никакого, вернее, будет, но противоположный.

И вот так во всем. А причина в неверии – неверии Богу, неверии в Бога, в Его благой промысел, в то, что Бог есть любовь, что Он хочет всех спасти. Потому что, если бы мы верили Ему, мы бы так не поступали, мы бы только просили. Почему человек идет к какой-то бабке, к знахарке? Потому что он не верит ни в Бога, ни в Церковь, не верит в силу благодатную. Сначала он обойдет всех чародеев, колдунов, экстрасенсов, а если ничего не помогло, ну тогда уж обращается к Богу: авось поможет. И самое удивительное, что ведь помогает.

Если бы какой-то человек все время нами пренебрегал, а потом у нас стал что-то просить, мы бы сказали: знаешь, так не годится, ты так ко мне препогано относился всю жизнь, а теперь приходишь у меня просить? Но Господь милостивый, Господь кроткий, Господь смиренный.

Поэтому по каким бы путям-дорогам человек ни ходил, какие бы безобразия он ни делал, но если он обращается к Богу от сердца, на последний, как говорится, худой конец – Господь и тут помогает, потому что Он только и ждет нашей молитвы.

Господь сказал: "О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам", а мы не верим. Мы не верим ни в свою молитву, ни в то, что Бог нас слышит, – не верим ничему. Вот поэтому у нас все и пусто, поэтому наша молитва как бы и не исполняется, она не может не только гору сдвинуть, а не может вообще ничего управить. Если бы мы действительно верили в Бога, тогда любого человека смогли бы на истинный путь направить. А направить на истинный путь возможно именно молитвой, потому что она оказывает человеку любовь. Молитва перед Богом – тайна, и в ней нет никакого насилия, есть только просьба: Господи, управь, помоги, исцели, спаси.

Если бы мы так действовали, то достигли бы большего успеха. А мы все надеемся на разговоры, на то, что как-то сами управимся, что-то такое сохраним на какой-то черный день. Кто ждет черного дня, у того он обязательно настанет. Без Бога все равно ничего не достигнешь, поэтому Господь говорит: "Ищите прежде всего Царствия Божия, и остальное все приложится вам". Но мы и этому не верим. Наша жизнь не устремлена в Царствие Божие, она больше направлена на людей, на человеческие отношения, на то, как бы здесь все наладить. Мы хотим удовлетворить собственную гордость, собственное тщеславие, собственное честолюбие. Если бы мы стремились к Царствию Небесному, то радовались бы, когда нас притесняют, когда нас обижают, потому что это способствует нашему вхождению в Царствие Небесное. Мы бы радовались болезни, а мы ропщем и ужасаемся. Мы боимся смерти, все стараемся продлить свое существование, но опять не ради Господа, не ради покаяния, а по своему маловерию, из страха.

Грех маловерия в нас проник очень глубоко, и с ним надо очень сильно бороться. Есть такое выражение: подвиг веры – потому что только вера может подвинуть человека на что-то настоящее. И если каждый раз, когда в нашей жизни складывается такая ситуация, что мы можем поступить по-Божески и можем поступить по-человечески, – если каждый раз мы будем мужественно поступать по своей вере, то вера наша будет расти, она будет укрепляться.

Если взять гирю и каждый день поднимать ее по десять раз, а через месяц мышцу измерить, мы увидим, что она увеличится в объеме; а через год она будет еще больше. Так и вера: если мы ежедневно будем совершать некий поступок не по чувствам, не по разуму, а по нашей вере, то она в нас умножится. Вот раздражает меня какой-то человек тем, что лезет ко мне со всякими глупостями; надоел до предела. Что делать? Хочется убежать или сказать ему в ответ какую-то колкость, нечто такое, чтобы он больше никогда в жизни не приставал. Это мне хочется как человеку грешному, а как я должен поступить по вере? По вере я должен рассуждать так: зачем Господь ежедневно посылает ко мне этого человека, зачем Он дал мне этот крест? Для чего меня жизнь все время с ним сталкивает? Чтобы я терпел, чтобы я приобрел смирение терпя. Значит, буду терпеть год, два, три, четыре, десять лет, пока не смирюсь полностью, пока меня не перестанет это раздражать.

И если каждый раз мы будем поступать по вере, не выплескивать свое раздражение, а, наоборот, держать его внутри и просить у Бога: Господи, помоги мне, дай мне терпение удержаться, не сказать грубость, резкость, дай мне как-то выдержать это маленькое испытание, – если мы будем так делать день, два, неделю, месяц, год, десять лет, то как мышца укрепляется и становится сильнее, так будет укрепляться и наша вера. И когда случится в нашей жизни какое-то действительно серьезное испытание, тогда мы сможем в вере устоять; мы не откажемся ни от Господа, ни от веры, ни от Царствия Небесного.

Если на спортсмена, который всю жизнь тренирует свое тело, нападут разбойники, и он от них побежит, а они все прокуренные да пропитые, 60 метров пробегут и отстанут. Спасется человек – ему пригодится то, что он занимался спортом. Поэтому когда мы терпим, допустим, свое раздражение, или все время преодолеваем свою жадность, или совершаем еще какой-то волевой акт, поступаем не по чувствам нашим, а по нашей вере, как должен поступать христианин, то мы это делаем не напрасно. Мы готовим себя к более серьезному экзамену, который обязательно будет. И самый серьезный экзамен, самое главное испытание – это смерть. Но и до смерти у нас будет очень много испытаний, и по мере возрастания нашей веры они

будут расти.

Когда человек переходит в институте из курса в курс, экзамены все усложняются, а потом бывает самый главный, государственный, и диплом. Защита диплома – это наша смерть, а перед этим нужно сдать множество экзаменов. И чем больше растет наша вера, тем больше она будет Богом испытываться, потому что как иначе можно познать человека?

Был такой случай со Спиридоном Тримифунтским: он пришел на собор, а стражник его не пускает. Он говорит: "Почему ты меня не пускаешь? Я епископ". А был он в простой пастушеской одежде, потому что пас скотину, добывая себе пропитание. Стражник его ударил, и Спиридон подставил ему другую щеку. Тот говорит: "А, теперь вижу, что ты епископ, проходи". Вот он, пропуск. Сразу видно, что этот человек христианин. Не надо никаких документов, что ты, дескать, верующий. Вот написано: христианин; фотография – борода, усы; и печать. Этого не надо, потому что христианин проверяется не документом.

Единственный документ – исполняет человек заповеди Божии или не исполняет. А как это трудно! Какой-то простой мирянин бьет по лицу епископа. По церковным канонам тот, кто ударил епископа, отлучается от Церкви. То есть святитель Спиридон мог его за оскорбление священного сана отлучить от Церкви, и никто бы никогда ничего не сказал против этого. Но он его простил кротко сразу, и подставил левую, и на собор прошел, и все благополучно разрешилось, и того человека исцелил – он раскаялся. Вот поступок христианский. И наша христианская жизнь, и наша вера будут укрепляться, только если мы будем совершать христианские поступки.

Мы все пока не христиане, а ученики и только пытаемся жить по-христиански. Но если мы хотим христианами стать, нужно постоянно совершать христианские поступки и словом, и делом, и мыслью. Вот мысль какая-то пришла – если человек не христианин, он начинает этой мысли следовать, пока не придет другая. Обычно у того, кто не ведет духовную жизнь, в голове все время прокручивается какое-то "кино": то одно подумал, то другое, то на то посмотрел, то на это. Увидел человека красиво одетого – у него зависть появилась. Увидел кого-то на машине едущего – думает о том, что он загазовывает воздух. Увидел красивое лицо – значит, другие какие-то мысли пошли. И так ум все время плавает. Но христианин должен постоянно бороться с помыслами. Каждый раз, когда мы отсекаем помысел греховный, мы совершаем нравственный поступок. Этот поступок не видит никто, кроме Отца Небесного. И Господь, видя тайное, воздаст нам всегда явное – он укрепит нашу веру.

Отсечь помысел не так уж трудно, это подвиг малый, но тем не менее еще раз руку согнул, еще раз поупражнял мышцу своей души, мышцу своей веры. Только таким образом можно веру укреплять. И любой спортсмен знает: сколько бы ты мышцу ни качал, но если ты год не тренируешься, то все исчезает. Тот, кто начинает заниматься спортом, обречен заниматься им до конца своих дней, иначе он превращается в огромную, неповоротливую тушу и у него портятся печень, легкие, сосуды, сердце. Так же и в христианской жизни. Не дай Бог кому-нибудь сделать эксперимент – взять и перестать молиться утром и вечером хотя бы дня три-четыре. На пятый день прочитать правило будет в сорок раз тяжелей, чем тогда, когда ты устал и пропустил, потому что душа уже ослабла.

Поэтому, чтобы нам веру укреплять, необходимо постоянное упражнение в молитве, в чтении слова Божия. Надо постоянно себя понуждать. Неустанно, хочу – не хочу, могу – не могу, надо заставлять себя идти в храм. Устал – не устал, дела у меня – не дела, прошел срок порядочный – надо заставить себя подготовиться к причастию и причаститься Святых Христовых Тайн. Какая-то сложилась ситуация – как тебе ни хочется поступить греховно, надо заставить себя поступить по-христиански, независимо от того, что ты чувствуешь и что ты думаешь. Есть заповедь Божия – и исполняй. И постепенно мы увидим, что заповеди нам становится исполнять все легче и легче, а потом почувствуем, что нам невозможно совершить грех: мы настолько привыкнем исполнять заповеди Божии, что согрешать нам уже будет тяжело, мы не сможем даже себя к этому понудить – у нас возникнет навык христианской жизни. Вот это и есть возрастание нашей веры.

Каждый из нас должен быть кремнем. Господь назвал камнем Петра: «петрос» по-гречески значит "скала". "Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою". Так же и мы. Если мы хотим быть храмом Святого Духа, домом Божиим, то должны обязательно веру свою

укреплять и с неверием в своей душе постоянно бороться, не надеясь ни на каких людей, а только на Самого Единого Бога. И нужно постоянно к Нему обращаться. Только таким образом можно избавиться от этого пагубного греха неверия, который в каждом из нас есть, но присутствует так незаметно, что мы его не видим. В этом его и крайняя опасность. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 6 июня 1988 года

Среда Светлой седмицы

Христос воскрес!

Сегодня мы слышали Евангелие от Иоанна о том, как Господь призывал Своих первых учеников, Андрея, Петра, Филиппа и Нафанаила.

Стоял Иоанн Предтеча с двумя учениками и, увидев грядущего Иисуса, сказал им: "Вот Агнец Божий" – и они сразу пошли за Иисусом. Он обернулся и спросил: "Что вы ищете?" Они ответили: "А где Ты живешь?" Господь говорит: "Пойдите посмотрите". С этого момента они стали Его учениками. Почему они так легко оставили Иоанна и пошли за Господом? Потому что Иоанн говорил: "Вслед за мной идет Тот, Которому я недостоин развязать ремень на сапогах" – и вот появился Этот Человек, Которого они искали, Которого они жаждали увидеть.

Потом Филипп позвал Нафанаила. Тот засомневался: как может пророк появиться из Назарета? Из Галилеи пророк не приходит. Филипп говорит: "Пойди и посмотри, убедись собственными глазами". И когда он подходил, Господь сказал: "Вот истинный израильтянин, в котором нет лукавства". Нафанаил спросил: "Откуда Ты меня знаешь?" Иисус ответил: "Прежде, чем тебя позвал Филипп, Я тебя видел под смоковницей". И Нафанаил сразу исповедовал Его Сыном Божиим и стал Его учеником.

Господь не сотворил никаких чудес, ничего такого особого, убедительного перед ними не сделал, но сердце их почувствовало, что это – Истина, и они остались с Ним навсегда. Христос три года ходил по Галилее, Иудее, Самарии, проповедовал слово Божие, исцелял больных, воскрешал мертвых, кормил голодных – и из этой огромной массы людей (а Он стал известен по всей Палестине, даже из других стран приходили на Него поглядеть) только некоторые стали Его учениками, потому что совсем не всем оказалось нужным Царство Небесное.

Большинство людей – не могу сказать сколько, это только Бог знает, но могу утверждать положила руку на сердце, что многие, – ходят в храм не ради Царствия Небесного, даже не задумываются о нем, не хотят познать Истину, приблизиться к Богу, стать учениками Спасителя. Человек идет в храм, чтобы получить себе сокровище здесь, на земле. Если он болен, то он просит об облегчении болезни. Если у него беда с сыном или с дочерью, он просит, чтобы Бог ему помог это преодолеть. Даже если у человека есть какая-то скверная черта характера и он понимает, что жить так невозможно, и хочет от нее избавиться – то это не ради Царствия Небесного, а чтобы облегчить себе жизнь здесь на земле. Большинство людей, ходящих в храм, интуитивно чувствуя и зная, что Бог добр, хотят от Него блага. И они его получают, но учениками Христовыми не становятся, потому что учеником Христовым может стать только тот, кто хочет увидеть Небо отверстым и ангелов Божиих, сходящих и восходящих туда; кто желает действительно достичь жизни духовной; кто желает жить с Богом, желает Его осязать, чувствовать, постоянно находиться с Ним в живом общении.

Те четверо, которых призвал Господь – Петр, Андрей, Филипп и Нафанаил, – этого хотели. И когда многие из учеников начали отходить от Господа (особенно после Его слов о Святом Причащении – о том, что Он есть Хлеб, сшедый с Небес) и Господь, обратившись к апостолам, обвел их взглядом и спросил: "Не хотите ли и вы уйти?" – Петр, как всегда, за всех выражая общее мнение, сказал: "А куда нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни". Нам не нужна эта суетливая жизнь, нам не нужны эти сети, рыба, нам не нужны эти деньги – нам не надо ничего. Нам нужно только Царствие Небесное, а о нем изо всех людей на земле говоришь один Ты. Мы половину из того, что Ты говоришь, не понимаем, но мы верим Тебе, потому что нигде, ни в ком не встречали такой Красоты, нигде не встречали такой Любви, никто с нами так никогда не говорил. Мы чувствуем, что за Твоими словами есть правда. Мы многого не знаем, но мы хотим Царствия Небесного. Господь сказал им: "Вы будете пить чашу, ту, которую Я пью, и вы будете судить двенадцать колен Израилевых, и вы будете на лоне Авраама, вы

войдете в Царствие Небесное".

Господь им обещал, и они этого сподобились. Почему именно они? Что, они были не как другие люди? Нет, те же кости, те же мышцы, тот же мозг, килограмм шестьсот грамм, ничего особенного в них не было. Конечно, они были чище, чем остальные – не были такими лицемерами, как фарисеи, которые молились напоказ; не были так сребролюбивы, как позже Иуда Искарот; не были так переменчивы, как толпа, которая следовала за Господом. Им не так уж нужно было телесное здоровье – ни один из учеников Христовых, кроме апостола Павла, никогда не просил у Него исцеления от своих болезней, потому что единственное, что их волновало в этом мире, было: достигнут ли они Царствия Небесного. Иногда даже это беспокойство принимало странные формы: они хотели быть не только в Царствии Небесном, но хотели быть в этом Царствии Небесном как можно ближе ко Христу. И Иаков, и Иоанн, и даже мать их, этих братьев, сыновей громовых, просили: нельзя ли, когда Ты придешь во Царствии Своем, чтобы Иаков и Иоанн сели один по правую сторону, другой по левую?

Они желали Царствия Небесного. И поэтому несмотря на то, что Петр страдал малодушием и излишней горячностью; что все ученики, кроме Иоанна Богослова, любовь которого превозмогла страх, оказались трусоватыми и разбежались, когда Христу угрожала опасность; что они в своей земной жизни, когда окружали Христа Спасителя, очень много согрешали и, как и мы, были весьма бестолковы и многого не понимали, – несмотря на это, только за одну жажду Царствия Небесного, Господь дал им это Царствие.

Вот мы празднуем Пасху – переход в другой мир. Всю Светлую седмицу не закрываются царские врата в знак того, что для каждого человека Небо отверсто, открыто. В знак того, что каждый человек, который последует за Христом, захочет увидеть, где же Бог живет, что такое Бог, как Его, Бога, понять, как Его ощутить, как с Ним вообще договориться, вступить в связь, – каждый, который этого захочет, и оторвется от своей земной жизни, и будет вожделеть только этого, а остальным всем будет пренебрегать, – достигнет Царства.

Поэтому Господь и говорит: "Если ты не возненавидишь отца, мать, жену, детей, ты не можешь быть Моим учеником". Это не значит, что надо питать к ним злобу, всякие гадости им делать. Имеется в виду не это, а то, что даже такие святые понятия, как мать, дети, родина и все другое, должны стоять в душе человека на втором месте по сравнению с желанием Царствия Небесного. А у нас часто наоборот, поэтому-то мы и не достигаем. Поэтому, когда мы причащаемся Святых Христовых Тайн, входим в Небесное Царствие, наше сердце этого не ощущает; поэтому от исповеди мы не получаем исцеления; поэтому наше тело продолжает страдать и после того, как мы приняли таинство Елеосвящения; поэтому, когда мы вступаем в церковный брак и нам подается благодать Божия, чтобы брак созидать, мы все равно продолжаем спорить, ругаться и наша рознь преодолевает эту благодать, изгоняет ее.

Почему мы не усваиваем ту благодать, которую Церковь нам дает? Потому что мы ей пренебрегаем; мы сами изгоняем из своего сердца Христа и Его благодать своей приверженностью к миру, любовью к нему. Мы миролюбцы, мы любим все мирское, желаем только удовольствий. И если мы «переживаем» за наших близких, то очень редко нас волнует то, что эти люди не идут в Царствие Небесное. Нас больше беспокоит, что они пьют, курят, ругаются, еще какие-то делают безобразия – то, что нам приносит некую досаду. А человек, который не курит, не пьет и с нами вежлив, нас вполне удовлетворяет, наша душа о нем не болит. Ближайший пример: любая бабушка или прабабушка жаждет, чтобы внук или правнук обязательно был крещен. Спрашивается, почему? Что, она хочет для него Небесного Царствия? Нет, она сама не знает, что это такое, и никогда к нему не стремилась. А почему она так жаждет крестить? Чтобы Господь ребеночка защищал, чтобы у него был ангел-хранитель, чтобы он поменьше болел, чтобы он был получше, попослушней, чтобы с ним было полегче. А до души ребеночка нет никакого дела.

Поэтому очень многие родители, бабушки, дедушки впадают в панику, если ребенок сломал себе ножку, попал под автомобиль, заболел желтухой, корью, дифтеритом или еще каким-то страшным заболеванием. Это их беспокоит, потому что его тело страдает, и они, будучи сами людьми телесными, состраждут ему, хотя телесная болезнь может привести человека к Богу, и я по долгу службы постоянно с этим сталкиваюсь. Не ходил человек сорок лет в храм, а поставили ему диагноз рак третьей степени, тогда, если ему родственники

предложат: "Может быть, тебе батюшку позвать?" – "О, давай, давай". И с жадностью начинает читать Евангелие, молиться. Голова устает, конечно, и многого не понимает, но жаждет человек. Спрашиваешь: "Голубчик, где ж ты ходил сорок лет?" – "Да все было некогда".

То есть болезнь, которую человек получил, – это как дар Божий, духовное благо для него. Ну прожил бы восемьдесят лет и в темноте умер. А так прожил сорок лет, но хотя бы в последние месяцы просветил свой ум и возжелал Царствия Небесного. Потому что когда все болит, уже ни до чего: мыта посуда или немыта, стенка в доме стоит или шкаф за тридцать пять рублей – это уже совершенно неважно. Что на себя одеть, как выгляжу, причесан или непричесан, золотые у меня коронки или половины зубов нет – это уже не так волнует человека, его волнует только, что будет через месяц, когда произойдет вот этот разрыв, когда душа от тела отойдет. Он уже реально задумывается об этом.

Наша жизнь здесь, на земле, временна, и Господь так премудро устроил Свою Церковь, что она нам постоянно говорит о грехе, о смерти, о суде. В напоминание о Царствии Небесном Церковь отверзает для нас царские врата. И каждый из нас может войти в Царство Христа, лишь бы он этого захотел, лишь бы он этому посвятил всю свою жизнь, как посвятили апостолы. Поэтому-то они и стали учениками Христовыми. Господь весь мир хочет сделать Своими учениками, но для людей гораздо важнее, какая сегодня программа по телевидению, сколько они будут получать денег на работе. Для них интереснее взаимоотношения между родственниками. Многих заботит, как они выглядят перед другими, что о них думают или говорят. Им совершенно неважно, что о них думает Бог. Им важно, как к ним батюшка относится, они стараются во всем батюшке угодить, не дай Бог, он брови нахмурит – тогда обиды будут страшные. Люди стремятся везде острые углы ваткой обложить, все укомфортить и вот так жить здесь, на земле, долго-долго.

Приходит человек семидесяти восьми лет и говорит: "Я болею". А как же не болеть? Ты приближаешься к восьмидесяти, а после восьмидесяти сплошные болезни и дальше – смерть. Нет, ругаются с врачами, говорят, что они не лечат, халтурят, что они плохие, у них нет того-сего. Но болезнь – это же следствие греха. Что может сделать бедный врач? Он такой же человек, такой же "троечник", как и ты, и так же совершенно не понимает, что с тобой происходит. На кого тут сердиться? Надо потерпеть. Господь попускает болезни, чтобы мы задумались о бренности всего земного и телесного.

Он однажды сказал: "Ищите прежде всего Царствия Небесного, а остальное все приложится вам". И каждый раз надо задавать себе этот вопрос: а ищу ли я Царствия Небесного, желаю ли войти в дом Божий? Для чего я хожу в храм, что я ищу? Почему мне не хочется читать Евангелие каждый день? Вот телевизор я с легкостью смотрю, а Евангелие читаю с трудом. Почему? Потому что телевизор – это родное, плотское, душевное, греховное, похабное; это мне свойственно. А жизнь Царствия Небесного мне несвойственна, потому что я грешный. Поэтому мне надо очень многое в себе преодолеть прежде, чем выйду на нужную тропу.

Если мы хотим Царствия Небесного, нам надо преодолеть инерцию нашей плоти, превозмочь свою душевность, переделать свою жизнь на духовный лад. И кто действительно этого захочет, тот, конечно, каждую минуту будет стремиться в храм, потому что здесь Христос. Он здесь, среди нас, чувствуем мы это или не чувствуем. И мы можем приобщиться Ему, мы можем соединиться с Ним. Состоящая из людей Церковь соединяется со Христом, как через любовь в браке соединяются два, часто не так уж давно знакомых человека. Но к Церкви принадлежит только тот, кто стремится к Царствию Небесному. Потому что Церковь, собственно, и есть Царство Небесное на земле.

У некоторых людей очень большие заблуждения вот на какой счет. Они думают: если мы будем хорошими людьми, то войдем в Царствие Небесное. Каждый из нас имеет понятие о том, что такое хороший человек – скромный; имеет собственное мнение, но никому не навязывает; никого не обижает, со всеми старается дружить и так далее. Но можно и собаку надрессировать так, что она не будет ни к кому приставать и лаять, будет есть в положенное время и выполнять все команды: сидеть, лежать, стоять, пойдем, рядом, фас. У моего друга была собака, которую отучили лаять. Значит ли это, что собака может наследовать Царство Небесное? Нет, потому что собака существо не духовное.

Наследовать Царство Небесное может только тот человек, который его алчет и жаждет. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они, только они, насытятся. Поэтому если нет у нас этой алчбы и жажды, мы ничего не достигнем, даже если будем ходить в храм, исповедоваться так понуро, причащаться во что бы то ни стало. И многие просто ужаснутся, когда наступит смерть и Господь не пустит их в Царствие Небесное: "Ну как же так? Всю жизнь в церковь проходила – и в свой храм ходила, и в соседний, где вечером акафисты слушала. И Евангелие у меня есть, даже не одно, и Библия есть, и молитвослов, и Псалтирь; чего только у меня нет, и все это я читала". И что? А ничего! Это все очень неплохо, но нету главного. Апостол Петр, например, Псалтирь не читал, потому что он был неграмотный, однако стал первоверховным апостолом.

Дело, оказывается, именно в этой устремленности к Царству Небесному, в этой жажде, в этом желании, пусть оно часто не может быть поддержано человеком его собственной жизнью. Вот как Петр сказал: "Господи, и на смерть за Тобой пойду". Господь говорит: "Петух пропоет, и трижды отречешься от Меня сегодня же ночью". Петр просто не мог рассчитать своих сил, он не был еще одухотворен Святым Духом, поэтому проявил такую немощь. Человек совершить что-то истинно доброе может только по благодати Божией. Будет с тобой благодать – сможешь и мертвого воскресить, и живого на путь истинный направить, и ближнему помочь. Не будет с тобой благодати – ничего не сможешь. Сколько было уже благодетелей человечества, которые заявляли: я знаю, как спасти мир; вот так надо сделать, этих поменять местами, тех ликвидировать, и тогда будет все в порядке и на земле наступит рай. Нет, ничего подобного, все становилось только хуже, потому что с этими людьми никогда не было благодати Божией, а лишь собственная гордость да диавольское поспешение.

Созидает только благодать Божия, а получает ее человек от Бога. Поэтому она и называется благодать, благой дар. Сколько ты ни молись, сколько ни кланяйся – невозможно ее заслужить. Бог есть личность, Он с кем хочет, с тем и пребывает, а с кем не хочет, с тем не будет вовек. Поэтому наша задача – сделаться такими, чтобы Господь захотел с нами быть. Мы грешные, да. И апостолы были грешные, но Он захотел с ними быть и Он послал им Духа Святаго Утешителя. И мы должны понять, чем мы отличаемся от этих людей, Петра, Андрея, Филиппа, Нафанаила, Иакова, Иоанна и прочих апостолов, и стараться стать такими же, чтобы Господь, видя нас, захотел с нами быть в общении. А когда Господь придет к нам, это и будет Царствие Небесное, внутри нас. Вот в этом, собственно, и заключается смысл духовной жизни и смысл нашего празднования Пасхи.

Если мы это усвоим, то сможем быть учениками Христовыми; если не усвоим – будем как прочие человецы, и притом окажемся не только отвергнутыми от Царствия Божия, но можем попасть в гораздо худшее место, чем даже безбожники. Потому что они ничего не знают, а мы в церковь ходим, читаем Священное Писание, у нас есть дома молитвослов, есть иконы и лампады, мы знаем, что такое исповедь, и мы дерзаем причащаться. Следовательно, с нас спрос совершенно другой. Если назвался груздем, полезай в кузов. Если надел на шею крест, то ты, значит, заявил о своем желании быть христианином, исполнять заповеди Божии. А иначе какой смысл? В церковь ходишь, духовные книги читаешь, крест на себе носишь, а жизнь твоя противоречит всем до одной заповедям Божиим. Тогда кто ты? Лицемер. И это страшная вещь.

Господь прощал блудниц, прощал жадных мытарей, Господь простил разбойника, который был убийцей и, конечно, и матершинником, и пьяницей, и прелюбодеем. А вот лицемерам фарисеям Он говорил: "Горе вам!" – и называл их "порождения ехидновы", потому что внешнее благочестие без внутреннего содержания гораздо хуже всякого убийства, гораздо хуже всякого пьянства. Да, пьяница социально неприятен, лежит вонючий, заросший, но он может быть ближе к Богу, чем многие из тех, которые ходят в церковь, имеют благочестивый вид, отглаженный платочек и пребывают в собственной гордыне, тешат себя надеждой, что у них хорошие шансы попасть в рай. Ничего подобного! Поэтому Господь так и сказал: "Блудники и прелюбодейцы, мытари предваряют вас в Царствии Небесном". Предваряют, идут вперед, потому что часто у них больше смирения, у них есть истинное сознание собственной греховности.

Все люди грешные, все абсолютно, и только сознание своей греховности может человека очистить. Если человек не понимает, в чем он грешен, значит, он ослеплен собственной

гордыней, пребывает в погибели. Это страшное состояние души. Упаси нас от этого, Господи! Нам надо день и ночь просить у Бога, чтобы Он открыл нам наши грехи, дал духовное зрение. Только таким образом мы сможем очиститься и войти в Царствие Небесное. Но опять же при условии, если мы его захотим. Не просто: "не плохо бы!" – а посвятим этому всю жизнь.

Пусть каждый из нас, придя сегодня домой, подумает: чему посвящена моя жизнь? Когда меня крестили, священник крестообразно постригал мне голову в знак того, что я раб Божий, в знак того, что я свою жизнь приношу Богу в жертву. А есть ли это? Нет. Моя жизнь принесена в жертву моим собственным помыслам, моим представлениям; моя жизнь приносится в жертву моей семье; я служу своему собственному телу, своему комфорту и своим удовольствиям, а Бог для меня постольку поскольку. Это есть некая добрая сила, к которой я могу всегда в тяжелую минуту обращаться в желании получить от Него благо. Вот такой у нас уровень религиозности. Мы ничем не отличаемся от мусульман, от людей прочих вероисповеданий, которые не знают о Царствии Небесном, потому что учение о Царствии Небесном есть только у Церкви. Господь нам этот путь туда проложил Своим Крестом. И если мы недостаточно это понимаем, нам нужно покаяться, свой ум просветить, начать жизнь новую, иную, а не жить так, как люди обычно живут.

Это очень трудно, потому что тех, кто действительно хочет Царствия Небесного, мало. А когда человек отличается от других, как говорят, высовывается, то ему жить очень тяжело, мир его ненавидит. Поэтому Господь говорит: знайте, мир вас возненавидит, но прежде возненавидел Меня. Господь говорит: радуйтесь и веселитесь, потому что, когда вы почувствуете ненависть от мира, тогда, значит, вы приблизились ко Христу. А пока жизнь ваша благополучна, знайте, что далеки вы от Царствия Небесного, потому что только угождая миру можно здесь жить благополучно. Недаром все апостолы закончили свою жизнь страдальчески. И большинство святых нашей Церкви были убиты, пролили свою кровь.

Если мы хотим жизнь свою здесь, на земле, устроить счастливо, то нам надо не к Богу обращаться, а к дьяволу, потому что тот, кто дружит с миром, враждебен Богу – так сказано в Писании. И другого не дано. Если Христос, наш Учитель и Спаситель, был распят на Кресте, то разве не к тому же самому мы призваны? Поэтому нам нужно начать распинаться. Как апостол Павел говорил: "Я распялся миру". Надо распинать свою плоть, не давать ей покоя, заставлять себя трудиться, нудить Царствие Небесное. "Со дней Иоанна Крестителя Царствие Божие нудится, – сказал Христос, – и только употребляющие усилие восхищают его". А если ты палец о палец не ударяешь ради спасения своей души, ради того, чтобы заставить свое окаянное сердце исполнять заповеди Христовы, тогда в твоей жизни нет никакого смысла, это пустоцвет.

Как бывает: есть цветочки у огурцов, а завязи нет; цветочек отцвел и завял. Вот так и жизнь наша. Да, мы и причесочку хорошую сделаем, и денежек накопим, и кое-чего сможем купить, и нас будут уважать, и орденов нам дадут. А потом забудут, потому что плода нету. Смысл воздвигания огорода – плоды. Картофель – цветочек невзраченький, а стал основной пищей для огромного, многомиллионного народа. И нам совершенно неважно, розовенькие у него цветочки или синенькие, большие или маленькие. Важно, что внутри – то, чего даже не видно, что там, в грязи лежит, вот эти клубни.

Так и в духовной жизни: важно не то, как мы выглядим, сколько мы получаем, где живем, – все это внешнее неважно. Главное – что там сокрыто, внутри, есть ли там жажда Царствия Небесного. Если этого нет, то все пусто, все бессмысленно, все увянет. Вот об этом нам Церковь и говорит каждый день, об этом, собственно, и сегодняшнее Евангелие. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 3 мая 1989 года

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Закончился Петровский пост, мы вступаем в праздник первоверховных апостолов Петра и Павла и на следующий день как попразднство совершаем Собор святых апостолов.

Вселенская Церковь память Петра и Павла чтит так же, как вместе отмечает память Иоанна Златоустого, Василия Великого и Григория Богослова. Тем самым она свидетельствует, что они равно угодили Богу, хотя если мы взглянемся в жизнь этих апостолов, то увидим, сколь они различны: неграмотный простой рыбак Петр и мудрейший Павел, который был очень учен и знал несколько языков. Петр был женат, а Павел девственник. Петр был самым приближенным учеником Господа, а Павел никогда при жизни Господа не видел и даже с

апостолами очень мало общался.

Павел был прекрасным юношей, даровитым, замечательно воспитанным, чтущим закон, любящим Господа, фарисеем и сыном фарисея, одним из любимейших учеников Гамалиила; он мог бы быть первосвященником Израиля. Почему же Господь медлил и обратил его к Себе после всех апостолов? Для чего попустил ему стеречь одежду, когда бросали камнями в Стефана? Ведь свет, который осиял его на пути в Дамаск, мог его просветить и годом раньше. Почему в промысле Божиим было так устроено, разве Павел был менее других достоин послужить Христу? Нет, он был достоин более, и потрудился он больше всех других апостолов, но свойство падшего человека таково, что чем больше ему дано от Бога, тем больше он склонен к гордости.

У нас у всех есть такая черта: то, что дано от Бога, приписывать себе. Мы почему-то считаем, что те дарования, которые имеем по природе, являются нашим преимуществом перед людьми. Часто человек кичится умом – но может ли он сам себе ума прибавить? Кичится и образованием – а если бы родители не потрудились, то никакого бы образования не было, потому что это все труд старших. Человек безумно кичится своим ростом, – хотя разве может он свой рост изменить? – или внешностью, или еще чем-нибудь. Это происходит от того, что в силу падшести нашего естества, в силу гордости у нас помрачается ум.

Вот этой страшной заразы, гордости, и опасался Господь, поэтому Он попустил Павлу быть сперва гонителем Церкви. И это его потом всегда останавливало и смиряло; вспоминая свою юность, он говорил: я был извергом. Господь помог Павлу также тем, что послал ему постоянную болезнь. И хотя апостол Павел исцелял сотни и тысячи людей и воскрешал мертвых, но сам болел – для того, чтобы смиряться, потому что болезнь не дает человеку превозноситься.

И апостол Петр был тоже постоянно смиряем Господом. Христос его очень любил за его горячую преданность и всегда брал с Собой: и когда преобразился на горе Фавор, и во все другие особо важные минуты Своей жизни. Петр ощущал эту любовь и близость Господа к себе и часто произносил весьма самонадеянные речи. Так и перед крестной смертью Спасителя он сказал: я готов с Тобой идти на смерть. Но Господь предрек, что он трижды в эту ночь отречется от Него. Почему апостолу Петру было попущено отречение, почему он вдруг испугался? Вообще почему людей иногда посещает страх? Страх возникает в душе человека, когда от него отходит Дух Божий и он остается предоставленным самому себе. Когда же в человека вселяется Дух Божий, с Ним приходит совершенная любовь, изгоняющая страх.

Апостол Петр был так смирен Господом, потому что благодать, которую он должен был принять, – это огромный дар и удержать его можно лишь величайшим смирением. Бог гордым противится и только смиренным дает благодать. Имея такой дар, не возомнить о себе необычайно трудно, поэтому Господь и помогал Своим ученикам таким образом, промыслительно попускал им падать, чтобы укрепить их в этой главной, необходимейшей христианской добродетели. Смирение есть цемент, скрепляющий камни христианских добродетелей в стену, из которой образуется домостроительство нашего спасения.

Даже в том, что Церковь величает сперва неученого Петра, а потом учнейшего Павла, чувствуется промысел Божий – опять Господь Павла смиряет, хотя он больше сделал, чем Петр: больше людей к Богу обратил, больше на ниве Господней потрудился.

В начале земной жизни Христа Спасителя мы видим, что к его колыбели пришли сперва пастухи, а уже потом ученые мужи, волхвы. К сожалению, ум часто является препятствием на пути к Богу. Поэтому простецу легче Бога узреть, и во все времена в любом православном храме всегда людей простых было больше, а ученых меньше. Не так надмевает человека внешняя красота, физическая сила, красивый голос или еще что-нибудь, как ум. В нем заключается его главное преимущество перед остальными существами видимого мира, поэтому им-то и кичится он более всего, забывая о своем Творце и Подателе этого ума и всех остальных дарований и возможностей.

Вот так премудро Божиим промыслом устроялась жизнь славных мужей, которых мы сегодня прославляем, так же и наша жизнь устрояется Господом. И Святая Церковь премудро установила, что перед этим праздником мы проводим пост, потому что пост есть время смирения и молитвы. Почему мы не можем до сих пор стяжать такую благодать Святого Духа,

которую стяжали святые апостолы? Только потому, что не имеем той глубины смирения и простоты. Чтобы принять благодать апостольскую, нам надо и смиряться, как они.

Принятию благодати препятствует наличие гордости во всей нашей жизни. Из-за гордости у нас разрушается любовь друг ко другу, из-за нее мы не можем молиться чисто, нас осаждают помыслы. Ведь дай нам Господь хотя бы на секунду чистую молитву – и мы сразу впадем в прелесть, потому что слишком горды. Богу не жалко послать нам любой дар; мы можем и больных исцелять, и мертвых воскрешать. Благодать Божия та же, Церковь та же, Евхаристия та же, Писание то же и Христос Тот же – ничто из того, что нас спасает, не изменилось за эти две тысячи лет, только гордость наша не дает нам возможности принять дары Божии. И лишь в ту меру, в которую мы умеем смиряться, мы и получим благодать.

Поэтому то, что происходит в нашей жизни, надо учиться для начала принимать со смирением, без возмущения, а потом, может быть, мы научимся принимать то, что на нас грядет, и с радостью. Потому что во всем, что с нами случается и что не вызвано нашим грехом, всегда есть благой промысел Божий. Но даже если мы грехом своим воздвигли на себя какую-то бурю, Господь то зло, которое мы сотворили, всегда управит для нашего блага; и многие тяжелые испытания в жизни часто оборачиваются благом.

В заключение я хочу повторить кое-что из тех паремий, которые мы сегодня читали, чтобы в наших ушах еще раз прозвучали эти замечательные слова апостола Петра и мы вслушались, как он любит своих учеников, чад духовных и всех тех, кто последовал за Господом, и как он любит нас. Всегда, когда мы читаем Священное Писание, очень важно помнить, что оно обращено непосредственно к нам. Апостол Петр не когда-то там жил – мы прославляем его сегодня, он и сейчас участвует в нашей жизни, и его слова звучат для нас так же, как звучали и тогда. Недаром они вошли в канон Священного Писания, потому что они сказаны навеки.

Святой апостол нам говорит: "О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе..." То есть радуйтесь, даже если немножко и поскорбели в различных искушениях, потому что это необходимо для очищения души.

Далее он продолжает: "...в явление Иисуса Христа, Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашею спасения душ". Апостол Петр видел Господа, а мы нет, но он радуется за нас, что мы видим Его очами нашей веры. А по мере очищения нашего сердца и мы Бога узрим так же, как Его увидели Петр и Павел. Мы не увидим Спасителя во плоти, ходящего здесь, по земле. Мы не можем уже этого сподобиться, потому что это было некогда и однажды для избранных, но мы можем увидеть Господа, как увидел Павел, через Его Божественные энергии.

"Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят. И если вы называете Отцем Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего". Если мы называем Бога Отцом, то мы, как Его дети, должны быть святы. Как просто: если Господь наш свят, то и мы должны быть святы. Недостаточно нам быть просто хорошими людьми, которых, слава Богу, пока еще немало, – мы должны сиять святостью. У каждого из нас запечатлен в сердце этот образ, каждый имеет представление о том, что такое святой человек. Мы и жития читали, и Священное Писание; может быть, и со святыми в жизни встречались. Вот и нужно нам стараться подражать их житию, чтобы наша жизнь была не пуста. А то получается лицемерие – читаем молитву, обращаемся к Богу: "Отче наш" – Отец наш Небесный, а жизнь наша этому совершенно никак не соответствует. Как яблоко от яблони недалеко падает, так и мы должны стремиться вести христоподражательную жизнь, чтобы нам быть детьми Божиими.

"Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть..." Особенно зависть. В нашем народе очень распространен этот недуг: он кипит во всем, вообще вся государственность наша имеет своим корнем зависть. Завидуем друг другу, какие-то

представления возникают у нас в голове, мы все хотим для себя чего-то большего, лучшего, все ищем себе. Это надо особенно изживать, ведь любовь как раз не ищет своего, а ищет пользу другому. Вот что нам хорошо бы воспринять.

Отложив "и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь". Если мы вкусили, что благ Господь, надо полюбить эти слова Господни, ими питаться, ими свою душу управлять. Для чего Святая Церковь настаивает на том, чтобы Священное Писание мы читали ежедневно? Нам надо знать слово Божие наизусть, чтобы наш ум, как преподобный Серафим Саровский сказал, плавал в нем. Ум должен быть погружен в Писание, тогда мы сможем в нашей жизни постоянно им руководствоваться. Господь из нашего знания будет каждый раз приводить нужные нам слова для данного дела, поступка, какой-то сложной ситуации.

"Наконец будьте все единомысленны". Это место просто нельзя читать без слез, настолько оно глубоко душу затрагивает. Мы говорим: "единомыслием исповемы", но единомыслие между нами даже и не ночевало никогда. Феофан Затворник говорил: придет время на Руси, когда будет столько вер, сколько и голов. Каждый себе что-то мудрует, каждый себе что-то придумывает. Это, конечно, от того, что мы не образованны по-христиански, нас не Церковь воспитала, мы все "с луны свалились". Мы здесь оказались только по милости и по промыслу Божию, и надо стремиться, чтобы нам Православную веру стяжать.

Будьте "сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство". Как просто: вот тебя обругали, а ты не говори: сам дурак. Потерпи, ведь какая будет польза для души.

"Напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение". Да, мы призваны к тому, чтобы, когда нам говорят: ты дурак – отвечать: да, я дурак. Действительно, кто из нас может про себя сказать, что он умен? Не есть ли это самая большая глупость так говорить про себя. Призвание христианина заключается в том, что он должен быть овцой в этом мире, чтобы грызли его, но не он. Мы не можем воздавать злом, нет у нас такого права, Господь нам его не дал.

"Ибо, кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни..." А мы любим жизнь и хотим, чтобы все было хорошо, чтобы в семьях у нас был мир, чтобы не было драк, свар, хотим послушных детей, хотим, чтобы было благополучие, чтобы было благорастворение воздухов, – и об этом молимся все время, ведь не можем же мы желать зла. Так вот, если мы хотим этих добрых дней, то: "...удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей; уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему, потому что очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их". Надо всегда стараться избавляться от злоречия. Это очень трудно, конечно. Мы привыкли всех повсюду ругать, осуждать, потому что нас многие обижают и этого всего нельзя не видеть, но тем не менее надо стараться свое сердце смирять, помня, что с этого и начиналась Святая Церковь. Апостол Павел пишет: "Злоречивые Царство Божие не наследуют". Его самого не только ругали, не только камнями били и кандалы ему навешивали, но и голову отрубили в конце концов.

Таких людей, как апостолы Павел и Петр, и по земле-то ходило не так уж много за всю нашу длинную человеческую историю. И ведь надо же, такому прекрасному человеку голову отрубить. Это ж какое зверство! А он не ругался, но благословлял тех, кто его проклинал и кто желал ему зла, потому что люди по безумию это делают, они несчастные, больные. И если мы веруем, мы должны стремиться поступать так, как учит апостол. Наша вера еще скудна, но надо стараться не давать себе возможности грешить. Если тебя кто-то обличит, остановит тебя в твоём злоречии, поблагодари такого человека, опомнись, не перечь ему, скажи: да, действительно, я осуждаю, я злоречу.

"Смирите под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время". Да, если мы смиримся, Дух Святый посетит нас в дыхании "хлада тонка", когда мы не будем даже ждать посещения Божия. Господь сказал нам: "Всегда бдите и молитесь". Он придет в наше сердце в тот день, когда мы не знаем, поэтому надо быть все время готовыми. Апостол Петр заключает первое послание словами: "вознесет вас в свое время" – каждого в свое: кому двадцать лет придется ждать, кому пять, а кто, может быть, и завтра сподобится. Но как нам сделать прямыми стези, пути Господня Духа в свое сердце? Только смиряясь.

"Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас". Не надо ни о чем заботиться, Господь все устроит Сам. Нам нужно стараться только об одном: как бы Богу угодить.

"Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить". Только отвлекся, только излишне посмеялся – глядишь, помыслы твои улетели, от Бога отошел, забыл, и тут же какая-то гадость в голову пришла, тут же кого-то осудил, посмотрел куда не положено и так постепенно опять душу разорил. И опять надо каяться, и опять все начинать сначала, потому что дьявол тут как тут. Поэтому всегда надо стараться ум свой вперять в молитву.

"Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире". Да, часто мы приходим в отчаяние от помыслов, невнимательной молитвы. Отчаяние наше возникает опять же по гордости, мы все хотим быть отличниками, хотим сразу всего достичь. Без рассеяния молятся только одни ангелы, а нам надо смиряться, мы люди грешные, у нас и должна быть такая молитва, другой даже быть не может. Надо со смирением приносить Богу то, что в наших силах. Как видим из жития апостолов Петра и Павла, они тоже совсем не сразу всего достигли. И пока мы наследуем Царствие Небесное, должно пройти очень много времени.

"Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми". Митрополит Антоний Сурожский однажды привел очень хороший образ, он сказал, что человек должен стать как бы резиновой перчаткой на руке врача. Она нисколько не мешает ему действовать и подчиняется воле каждого пальца – вот так и христианин должен в руку Божию себя вложить и во всем подчинить и предоставить все делать Господу, а самому, по мере своих возможностей, в силу своих дарований, в силу того места, на которое он в данный момент поставлен, стараться угождать Богу, созидать и свою душу, и все вокруг, трудиться для правды Божией.

Кто-то скажет: это же бесполезно. Да, мир этот, безусловно, сгорит, земля эта исчезнет, антихрист обязательно придет. Значит ли это, что наш труд напрасен? Нет. Сколько икон порубили и сожгли? Астрономическое число. Сколько храмов взорвали? Огромное количество. И что, напрасно их строили? Нет, не напрасно. Дело в том, что спасение души – это не результат, а процесс. И в этом процессе мы и должны быть – в этой реке, в этом течении поиска спасения. Потому что все наши потуги, которые мы делаем, конечно, наивны и смешны. Что может перчатка сама о себе мнить, когда главное действующее лицо – хирург? Мы сами ничего не можем, но мы должны быть рабами Божиими, соработниками Ему в деле этого созидания. Тогда Он нас похвалит, тогда наша жизнь будет не зряшной.

Это не значит, что мы обязательно должны что-то такое совершить, чтобы это имело длительные плоды. Вот Иннокентий Московский просветил всю Сибирь – и где плоды его труда? Все храмы, которые он построил, сожгли; все книги, которые он перевел на северные языки, исчезли. Так же на Алтае Макарий Невский проповедовал, так же и Стефан Пермский во времена Сергия Радонежского переводил священные книги. Где эти труды? Можно сказать: все исчезло, пропало. Нет, не пропало, как не пропало ни одно полено, которое перекладывал из угла в угол своей кельи Серафим Саровский, чтобы нудить свою плоть. Казалось бы, какое бессмысленное занятие – из одного угла в другой поленья перекладывать. Неужели нельзя было больницу построить или открыть какое-то заведение, много денег получить, на эти деньги напечатать Евангелий и все раздать? Зачем он занимался этим никому не нужным делом? Нет, он делал самое главное – строил свою душу.

Когда женщина драгоценным миром помазала ноги Спасителя, апостолы возмутились, а особенно Иуда: зачем же на ноги лить такое дорогое вещество, можно продать его и деньги раздать нищим, сколько людей пообедает, а тут просто взяла и на ноги полила. Вроде неразумно, нелогично, нерационально. Так вот и в деле спасения и созидания нашей души никакой рациональности быть не может, это созидание нужно прежде всего нам. Наш Господь – Творец, и мы должны все время строить, все время созидать. Враг будет ломать, и в конце концов все равно все будет сломано, растоптано, поругано, все исчезнет. Но если нас будет много, то время этого разрушения будет оттягиваться еще дальше, еще на сто, еще на тысячу, на две тысячи лет. Это зависит от того, сколько будет таких созидателей. Если Господь сочтет

количество их достаточным, чтобы удерживать небо над землей (потому что те, кто созидают, являются столпами; их называют "столпы Церкви"), тогда Он еще продлит эти дни; если нет, если оскудеет наша вера, а с ней наша благодать, то, значит, конец будет приближаться.

Мы, такие немощные, мало знающие, малоопытные, призваны к великому делу – спасению вселенной. Хотя нас осталось очень мало во всем мире, но тем не менее Господь вверяет нам такую грандиозную задачу. И любое малое дело, сделанное для Господа со смирением, приносит великий плод.

Господу нужен каждый человек: и простой рыбак Петр, и величайший ученый и мудрец Павел. Мы можем для подражания избирать себе любого, а Церковь их прославляет и любит вместе. И очень много есть таких святых, которые при жизни испытывали даже некоторые трения друг с другом – например, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий или Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов. При жизни у них были по некоторым предметам разные мнения, а Церковь их и в один день прославила, и любит их одинаково, и обоих почитает замечательными учителями церковными.

Мы такие непохожие, каждый из нас особенный, как листочки на дереве, которые все различаются. Но каждый нужен Господу, и от каждого Господь ждет, чтобы хоть две лепты были им положены в дело спасения и своей души, и своей семьи, и своего города, и своего народа, и всего человечества, и всей твари, и всей вселенной. Несмотря на нашу худость, мы являемся избранниками Божиими. Почему можно с уверенностью это сказать? Потому что ни один из нас сам себе веру не изобрел; Господь Сам нас выбрал и Сам поставил перед Собой. Как Он начал с апостолов, так кончает нами. Раз Господь нас призвал, значит, Он считает, что мы вполне можем что-то созидать. И мы должны над этим трудиться. Кто трудиться не будет, тот будет извержен вон, и такие случаи бывают.

Сколько отпадает людей! Жалко, со скорбью это видишь, как с мясом от сердца рвется, а что делать? Ленился, не желает человек трудиться для Господа – и сразу духовно оскудевает. Вот как печка: ее натопили – и она горячая, в доме тепло, можно до вечера не топить. И завтра утром еще будет тепло, а к вечеру уже станет прохладно, а через неделю никто и не поверит, что дом топился. Так и во всем. Вот только день перестань молиться, не прочитай вечернее правило – утром уже совсем молиться не хочется. Один раз воскресенье пропустил, два пропустил, а потом уже: ну зачем в храм ходить, можно и дома молиться. А потом достаточно Бога и в душе иметь, а потом достаточно и не иметь, а просто думать, что все мы верующие, все мы крещенные. Но и Гитлер был крещен – и это его ни от чего не спасло.

Поэтому надо всегда тот дар, который нам Господь дал – дар веры, – обязательно возгревать. Это наш главный труд, потому что только огонь, который есть в нашем сердце, может кого-то еще зажечь. Если мы никого зажечь не можем, значит, в нас огня этого нет – надо прямо так и засвидетельствовать. А если тлеет хоть маленький уголек, то и надо над ним трудиться, этот огонек раздувать, что-то в него подкладывать. Раздувание – это наша молитва, а подкладывание дров – наши добрые дела.

Глупо к тлеющему маленькому угольку подкладывать большое полено, поэтому не надо браться за большие дела, надо делать малые: сумочку кому-то поднести, за кого-то раз в недельку посуду помыть. И если наша жизнь будет складываться из таких мелочей, то постепенно мы очень многого сможем достичь в духовной жизни. И через мытье посуды нам Господь может скорей открыться, чем через какие-то грандиозные замыслы, которые обычно лопаются, как мыльные пузыри, потому что эти замыслы все воздушные.

Спаси всех, Господи. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 3 мая 1989 года

Петров день

Закончился Петровский пост, мы вступаем в праздник первоверховных апостолов Петра и Павла и на следующий день как попразднство совершаем Собор святых апостолов.

Вселенская Церковь память Петра и Павла чтит так же, как вместе отмечает память Иоанна Златоустого, Василия Великого и Григория Богослова. Тем самым она свидетельствует, что они равно угодили Богу, хотя если мы взглянемся в жизнь этих апостолов, то увидим, сколь

они различны: неграмотный простой рыбак Петр и мудрейший Павел, который был очень учен и знал несколько языков. Петр был женат, а Павел девственник. Петр был самым приближенным учеником Господа, а Павел никогда при жизни Господа не видел и даже с апостолами очень мало общался.

Павел был прекрасным юношей, даровитым, замечательно воспитанным, чтущим закон, любящим Господа, фарисеем и сыном фарисея, одним из любимейших учеников Гамалиила; он мог бы быть первосвященником Израиля. Почему же Господь медлил и обратил его к Себе после всех апостолов? Для чего попустил ему стеречь одежду, когда бросали камнями в Стефана? Ведь свет, который осиял его на пути в Дамаск, мог его просветить и годом раньше. Почему в промысле Божиим было так устроено, разве Павел был менее других достоин послужить Христу? Нет, он был достоин более, и потрудился он больше всех других апостолов, но свойство падшего человека таково, что чем больше ему дано от Бога, тем больше он склонен к гордости.

У нас у всех есть такая черта: то, что дано от Бога, приписывать себе. Мы почему-то считаем, что те дарования, которые имеем по природе, являются нашим преимуществом перед людьми. Часто человек кичится умом – но может ли он сам себе ума прибавить? Кичится и образованием – а если бы родители не потрудились, то никакого бы образования не было, потому что это все труд старших. Человек безумно кичится своим ростом, – хотя разве может он свой рост изменить? – или внешностью, или еще чем-нибудь. Это происходит от того, что в силу падшести нашего естества, в силу гордости у нас помрачается ум.

Вот этой страшной заразы, гордости, и опасался Господь, поэтому Он попустил Павлу быть сперва гонителем Церкви. И это его потом всегда останавливало и смиряло; вспоминая свою юность, он говорил: я был извергом. Господь помог Павлу также тем, что послал ему постоянную болезнь. И хотя апостол Павел исцелял сотни и тысячи людей и воскрешал мертвых, но сам болел – для того, чтобы смиряться, потому что болезнь не дает человеку превозноситься.

И апостол Петр был тоже постоянно смиряем Господом. Христос его очень любил за его горячую преданность и всегда брал с Собой: и когда преобразился на горе Фавор, и во все другие особо важные минуты Своей жизни. Петр ощущал эту любовь и близость Господа к себе и часто произносил весьма самонадеянные речи. Так и перед крестной смертью Спасителя он сказал: я готов с Тобой идти на смерть. Но Господь предрек, что он трижды в эту ночь отречется от Него. Почему апостолу Петру было попущено отречение, почему он вдруг испугался? Вообще почему людей иногда посещает страх? Страх возникает в душе человека, когда от него отходит Дух Божий и он остается предоставленным самому себе. Когда же в человека вселяется Дух Божий, с Ним приходит совершенная любовь, изгоняющая страх.

Апостол Петр был так смирен Господом, потому что благодать, которую он должен был принять, – это огромный дар и удержать его можно лишь величайшим смирением. Бог гордым противится и только смиренным дает благодать. Имея такой дар, не возмнить о себе необычайно трудно, поэтому Господь и помогал Своим ученикам таким образом, промыслительно попускал им падать, чтобы укрепить их в этой главной, необходимейшей христианской добродетели. Смирение есть цемент, скрепляющий камни христианских добродетелей в стену, из которой образуется домостроительство нашего спасения.

Даже в том, что Церковь величает сперва неученого Петра, а потом ученейшего Павла, чувствуется промысел Божий – опять Господь Павла смиряет, хотя он больше сделал, чем Петр: больше людей к Богу обратил, больше на ниве Господней потрудился.

В начале земной жизни Христа Спасителя мы видим, что к его колыбели пришли сперва пастухи, а уже потом ученые мужи, волхвы. К сожалению, ум часто является препятствием на пути к Богу. Поэтому простецу легче Бога узреть, и во все времена в любом православном храме всегда людей простых было больше, а ученых меньше. Не так надмевает человека внешняя красота, физическая сила, красивый голос или еще что-нибудь, как ум. В нем заключается его главное преимущество перед остальными существами видимого мира, поэтому им-то и кичится он более всего, забывая о своем Творце и Подателе этого ума и всех остальных дарований и возможностей.

Вот так премудро Божиим промыслом устроялась жизнь славных мужей, которых мы

сегодня прославляем, так же и наша жизнь устроится Господом. И Святая Церковь премудро установила, что перед этим праздником мы проводим пост, потому что пост есть время смирения и молитвы. Почему мы не можем до сих пор стяжать такую благодать Святого Духа, которую стяжали святые апостолы? Только потому, что не имеем той глубины смирения и простоты. Чтобы принять благодать апостольскую, нам надо и смиряться, как они.

Принятию благодати препятствует наличие гордости во всей нашей жизни. Из-за гордости у нас разрушается любовь друг ко другу, из-за нее мы не можем молиться чисто, нас осаждают помыслы. Ведь дай нам Господь хотя бы на секунду чистую молитву – и мы сразу впадем в прелесть, потому что слишком горды. Богу не жалко послать нам любой дар; мы можем и больных исцелять, и мертвых воскрешать. Благодать Божия та же, Церковь та же, Евхаристия та же, Писание то же и Христос Тот же – ничто из того, что нас спасает, не изменилось за эти две тысячи лет, только гордость наша не дает нам возможности принять дары Божии. И лишь в ту меру, в которую мы умеем смиряться, мы и получим благодать.

Поэтому то, что происходит в нашей жизни, надо учиться для начала принимать со смирением, без возмущения, а потом, может быть, мы научимся принимать то, что на нас грядет, и с радостью. Потому что во всем, что с нами случается и что не вызвано нашим грехом, всегда есть благой промысел Божий. Но даже если мы грехом своим воздвигли на себя какую-то бурю, Господь то зло, которое мы сотворили, всегда управит для нашего блага; и многие тяжелые испытания в жизни часто оборачиваются благом.

В заключение я хочу повторить кое-что из тех паремий, которые мы сегодня читали, чтобы в наших ушах еще раз прозвучали эти замечательные слова апостола Петра и мы вслушались, как он любит своих учеников, чад духовных и всех тех, кто последовал за Господом, и как он любит нас. Всегда, когда мы читаем Священное Писание, очень важно помнить, что оно обращено непосредственно к нам. Апостол Петр не когда-то там жил – мы прославляем его сегодня, он и сейчас участвует в нашей жизни, и его слова звучат для нас так же, как звучали и тогда. Недаром они вошли в канон Священного Писания, потому что они сказаны навеки.

Святой апостол нам говорит: «О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе...» То есть радуйтесь, даже если немножко и поскорбели в различных искушениях, потому что это необходимо для очищения души.

Далее он продолжает: «...в явление Иисуса Христа, Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашею спасения душ». Апостол Петр видел Господа, а мы нет, но он радуется за нас, что мы видим Его очами нашей веры. А по мере очищения нашего сердца и мы Бога узрим так же, как Его увидели Петр и Павел. Мы не увидим Спасителя во плоти, ходящего здесь, по земле. Мы не можем уже этого сподобиться, потому что это было некогда и однажды для избранных, но мы можем увидеть Господа, как увидел Павел, через Его Божественные энергии.

«Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят. И если вы называете Отцем Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего». Если мы называем Бога Отцом, то мы, как Его дети, должны быть святы. Как просто: если Господь наш свят, то и мы должны быть святы. Недостаточно нам быть просто хорошими людьми, которых, слава Богу, пока еще немало, – мы должны сиять святостью. У каждого из нас запечатлен в сердце этот образ, каждый имеет представление о том, что такое святой человек. Мы и жития читали, и Священное Писание; может быть, и со святыми в жизни встречались. Вот и нужно нам стараться подражать их житию, чтобы наша жизнь была не пуста. А то получается лицемерие – читаем молитву, обращаемся к Богу: «Отче наш» – Отец наш Небесный, а жизнь наша этому совершенно никак не соответствует. Как яблоко от яблони недалеко падает, так и мы должны стремиться вести христоподражательную жизнь, чтобы нам быть детьми Божиими.

«Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть...» Особенно зависть. В нашем народе очень распространен этот недуг: он кипит во всем, вообще вся государственность наша имеет своим корнем зависть. Завидуем друг другу, какие-то представления возникают у нас в голове, мы все хотим для себя чего-то большего, лучшего, все ищем себе. Это надо особенно изживать, ведь любовь как раз не ищет своего, а ищет пользу другому. Вот что нам хорошо бы воспринять.

Отложив «и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь». Если мы вкусили, что благ Господь, надо полюбить эти слова Господни, ими питаться, ими свою душу управлять. Для чего Святая Церковь настаивает на том, чтобы Священное Писание мы читали ежедневно? Нам надо знать слово Божие наизусть, чтобы наш ум, как преподобный Серафим Саровский сказал, плавал в нем. Ум должен быть погружен в Писание, тогда мы сможем в нашей жизни постоянно им руководствоваться. Господь из нашего знания будет каждый раз приводить нужные нам слова для данного дела, поступка, какой-то сложной ситуации.

«Наконец будьте все единомысленны». Это место просто нельзя читать без слез, настолько оно глубоко душу затрагивает. Мы говорим: «единомыслием исповемы», но единомыслие между нами даже и не ночевало никогда. Феофан Затворник говорил: придет время на Руси, когда будет столько вер, сколько и голов. Каждый себе что-то мудрует, каждый себе что-то придумывает. Это, конечно, от того, что мы не образованны по-христиански, нас не Церковь воспитала, мы все «с луны свалились». Мы здесь оказались только по милости и по промыслу Божию, и надо стремиться, чтобы нам Православную веру стяжать.

Будьте «сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство». Как просто: вот тебя обругали, а ты не говори: сам дурак. Потерпи, ведь какая будет польза для души.

«Напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение». Да, мы призваны к тому, чтобы, когда нам говорят: ты дурак – отвечать: да, я дурак. Действительно, кто из нас может про себя сказать, что он умен? Не есть ли это самая большая глупость так говорить про себя. Призвание христианина заключается в том, что он должен быть овцой в этом мире, чтобы грызли его, но не он. Мы не можем воздавать злом, нет у нас такого права, Господь нам его не дал.

«Ибо, кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни...» А мы любим жизнь и хотим, чтобы все было хорошо, чтобы в семьях у нас был мир, чтобы не было драк, свар, хотим послушных детей, хотим, чтобы было благополучие, чтобы было благорастворение воздухов, – и об этом молимся все время, ведь не можем же мы желать зла. Так вот, если мы хотим этих добрых дней, то: «...удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей; уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему, потому что очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их». Надо всегда стараться избавляться от злоречия. Это очень трудно, конечно. Мы привыкли всех повсюду ругать, осуждать, потому что нас многие обижают и этого всего нельзя не видеть, но тем не менее надо стараться свое сердце смирять, помня, что с этого и начиналась Святая Церковь. Апостол Павел пишет: «Злоречивые Царство Божие не наследуют». Его самого не только ругали, не только камнями били и кандалы ему навешивали, но и голову отрубили в конце концов.

Таких людей, как апостолы Павел и Петр, и по земле-то ходило не так уж много за всю нашу длинную человеческую историю. И ведь надо же, такому прекрасному человеку голову отрубить. Это ж какое зверство! А он не ругался, но благословлял тех, кто его проклинал и кто желал ему зла, потому что люди по безумию это делают, они несчастные, больные. И если мы веруем, мы должны стремиться поступать так, как учит апостол. Наша вера еще скудна, но надо стараться не давать себе возможности грешить. Если тебя кто-то обличит, остановит тебя в твоём злоречии, поблагодари такого человека, опомнись, не перечь ему, скажи: да, действительно, я осуждаю, я злоречу.

«Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время». Да, если мы смиримся, Дух Святой посетит нас в дыхании «хлада тонка», когда мы не будем даже ждать посещения Божия. Господь сказал нам: «Всегда бдите и молитесь». Он придет в наше сердце в тот день, когда мы не знаем, поэтому надо быть все время готовыми. Апостол Петр заключает

первое послание словами: «вознесет вас в свое время» — каждого в свое: кому двадцать лет придется ждать, кому пять, а кто, может быть, и завтра сподобится. Но как нам сделать прямыми стези, пути Господня Духа в свое сердце? Только смиряясь.

«Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас». Не надо ни о чем заботиться, Господь все устроит Сам. Нам нужно стараться только об одном: как бы Богу угодить.

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить». Только отвлекся, только излишне посмеялся — глядишь, помыслы твои улетели, от Бога отошел, забыл, и тут же какая-то гадость в голову пришла, тут же кого-то осудил, посмотрел куда не положено и так постепенно опять душу разорил. И опять надо каяться, и опять все начинать сначала, потому что дьявол тут как тут. Поэтому всегда надо стараться ум свой вперять в молитву.

«Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире». Да, часто мы приходим в отчаяние от помыслов, невнимательной молитвы. Отчаяние наше возникает опять же по гордости, мы все хотим быть отличниками, хотим сразу всего достичь. Без рассеяния молятся только одни ангелы, а нам надо смиряться, мы люди грешные, у нас и должна быть такая молитва, другой даже быть не может. Надо со смирением приносить Богу то, что в наших силах. Как видим из жития апостолов Петра и Павла, они тоже совсем не сразу всего достигли. И пока мы наследуем Царствие Небесное, должно пройти очень много времени.

«Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми». Митрополит Антоний Сурожский однажды привел очень хороший образ, он сказал, что человек должен стать как бы резиновой перчаткой на руке врача. Она нисколько не мешает ему действовать и подчиняется воле каждого пальца — вот так и христианин должен в руку Божию себя вложить и во всем подчинить и предоставить все делать Господу, а самому, по мере своих возможностей, в силу своих дарований, в силу того места, на которое он в данный момент поставлен, стараться угождать Богу, созидать и свою душу, и все вокруг, трудиться для правды Божией.

Кто-то скажет: это же бесполезно. Да, мир этот, безусловно, сгорит, земля эта исчезнет, антихрист обязательно придет. Значит ли это, что наш труд напрасен? Нет. Сколько икон порубили и сожгли? Астрономическое число. Сколько храмов взорвали? Огромное количество. И что, напрасно их строили? Нет, не напрасно. Дело в том, что спасение души — это не результат, а процесс. И в этом процессе мы и должны быть — в этой реке, в этом течении поиска спасения. Потому что все наши потуги, которые мы делаем, конечно, наивны и смешны. Что может перчатка сама о себе мнить, когда главное действующее лицо — хирург? Мы сами ничего не можем, но мы должны быть рабами Божиими, соработниками Ему в деле этого созидания. Тогда Он нас похвалит, тогда наша жизнь будет не зряшной.

Это не значит, что мы обязательно должны что-то такое совершить, чтобы это имело длительные плоды. Вот Иннокентий Московский просветил всю Сибирь — и где плоды его труда? Все храмы, которые он построил, сожгли; все книги, которые он перевел на северные языки, исчезли. Так же на Алтае Макарий Невский проповедовал, так же и Стефан Пермский во времена Сергия Радонежского переводил священные книги. Где эти труды? Можно сказать: все исчезло, пропало. Нет, не пропало, как не пропало ни одно полено, которое перекладывал из угла в угол своей кельи Серафим Саровский, чтобы нудить свою плоть. Казалось бы, какое бессмысленное занятие — из одного угла в другой поленья перекладывать. Неужели нельзя было больницу построить или открыть какое-то заведение, много денег получить, на эти деньги напечатать Евангелий и все раздать? Зачем он занимался этим никому не нужным делом? Нет, он делал самое главное — строил свою душу.

Когда женщина драгоценным миром помазала ноги Спасителя, апостолы возмутились, а особенно Иуда: зачем же на ноги лить такое дорогое вещество, можно продать его и деньги раздать нищим, сколько людей пообедает, а тут просто взяла и на ноги полила. Вроде неразумно, нелогично, нерационально. Так вот и в деле спасения и созидания нашей души никакой рациональности быть не может, это созидание нужно прежде всего нам. Наш Господь — Творец, и мы должны все время строить, все время созидать. Враг будет ломать, и в конце

концов все равно все будет сломано, растоптано, поругано, все исчезнет. Но если нас будет много, то время этого разрушения будет оттягиваться еще дальше, еще на сто, еще на тысячу, на две тысячи лет. Это зависит от того, сколько будет таких созидателей. Если Господь сочтет количество их достаточным, чтобы удерживать небо над землей (потому что те, кто создают, являются столпами; их называют «столпы Церкви»), тогда Он еще продлит эти дни; если нет, если оскудеет наша вера, а с ней наша благодать, то, значит, конец будет приближаться.

Мы, такие немошные, мало знающие, малоопытные, призваны к великому делу – спасению вселенной. Хотя нас осталось очень мало во всем мире, но тем не менее Господь вверяет нам такую грандиозную задачу. И любое малое дело, сделанное для Господа со смирением, приносит великий плод.

Господу нужен каждый человек: и простой рыбак Петр, и величайший ученый и мудрец Павел. Мы можем для подражания избирать себе любого, а Церковь их прославляет и любит вместе. И очень много есть таких святых, которые при жизни испытывали даже некоторые трения друг с другом – например, Нил Сорский и Иосиф Волоцкий или Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов. При жизни у них были по некоторым предметам разные мнения, а Церковь их и в один день прославила, и любит их одинаково, и обоих почитает замечательными учителями церковными.

Мы такие непохожие, каждый из нас особенный, как листочки на дереве, которые все различаются. Но каждый нужен Господу, и от каждого Господь ждет, чтобы хоть две лепты были им положены в дело спасения и своей души, и своей семьи, и своего города, и своего народа, и всего человечества, и всей твари, и всей вселенной. Несмотря на нашу худость, мы являемся избранныками Божиими. Почему можно с уверенностью это сказать? Потому что ни один из нас сам себе веру не изобрел; Господь Сам нас выбрал и Сам поставил перед Собой. Как Он начал с апостолов, так кончает нами. Раз Господь нас призвал, значит, Он считает, что мы вполне можем что-то созидать. И мы должны над этим трудиться. Кто трудиться не будет, тот будет извержен вон, и такие случаи бывают.

Сколько отпадает людей! Жалко, со скорбью это видишь, как с мясом от сердца рвется, а что делать? Ленился, не желает человек трудиться для Господа – и сразу духовно оскудевает. Вот как печка: ее натопили – и она горячая, в доме тепло, можно до вечера не топить. И завтра утром еще будет тепло, а к вечеру уже станет прохладно, а через неделю никто и не поверит, что дом топился. Так и во всем. Вот только день перестань молиться, не прочитай вечернее правило – утром уже совсем молиться не хочется. Один раз воскресенье пропустил, два пропустил, а потом уже: ну зачем в храм ходить, можно и дома молиться. А потом достаточно Бога и в душе иметь, а потом достаточно и не иметь, а просто думать, что все мы верующие, все мы крещенные. Но и Гитлер был крещен – и это его ни от чего не спасло.

Поэтому надо всегда тот дар, который нам Господь дал – дар веры, – обязательно возгревать. Это наш главный труд, потому что только огонь, который есть в нашем сердце, может кого-то еще зажечь. Если мы никого зажечь не можем, значит, в нас огня этого нет – надо прямо так и засвидетельствовать. А если тлеет хоть маленький уголек, то и надо над ним трудиться, этот огонек раздувать, что-то в него подкладывать. Раздувание – это наша молитва, а подкладывание дров – наши добрые дела.

Глупо к тлеющему маленькому угольку подкладывать большое полено, поэтому не надо браться за большие дела, надо делать малые: сумочку кому-то поднести, за кого-то раз в недельку посуду помыть. И если наша жизнь будет складываться из таких мелочей, то постепенно мы очень многого сможем достичь в духовной жизни. И через мытье посуды нам Господь может скорей открыться, чем через какие-то грандиозные замыслы, которые обычно лопаются, как мыльные пузыри, потому что эти замыслы все воздушные.

Спаси всех, Господи. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 11 июля 1989 года, вечер

Святейший Патриарх Пимен вручает диплом об окончании Московской Духовной Семинарии, 1980 год

После Божественной литургии в Покровском академическом храме. Окончившие курс в священном сани, 1980 год

Митрополит Таллинский и Эстонский, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий вручает диплом об окончании Московской Духовной Академии, 1982 год

Крестовоздвиженский храм в Алтуфьево до реконструкции, середина 80-х годов

Водосвятный молебен во дворе храма

Венчание Алексея и Татьяны Гуськовых

**На пороге храма Святой Троицы села Голоchelово. Слева в первом ряду протоиерей
Аркадий Шатов с дочерью Машей, справа – мать протоиерея Дмитрия Смирнова
Людмила Александровна**

Крестины